

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

VI

ПЕТРОПОЛИСЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

VI

БРАТЯ

ПЕТРОПОЛИСЪ / 1935 г.

**Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays**

Copyright 1935 by Ivan Bunin..

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

БРАТЪЯ

ЧАША ЖИЗНИ

I

Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда уѣздный городъ Стрѣлецъ былъ еще проще и просторнѣй, семинаристъ Кирь Іорданскій, сынъ псаломщика, влюбился, пріѣхавъ на каникулы, въ Саню Діесперову, дочь заштатнаго священника, за которой отъ нечего дѣлать ухаживалъ консисторскій служащій Селиховъ, пользовавшійся отпускомъ. Саня была особенно беззаботна и безъ причины счастлива въ то лѣто, каждый вечеръ ходила гулять въ городской садъ или кладбищенскую рощу, носила цвѣтистый мордовскій костюмъ, большимъ бантомъ красной шелковой ленты завязывала конецъ толстой русой косы и, чувствуя себя красивой, окруженной вниманіемъ, все напѣвала и откидывала голову назадъ. Изъ всѣхъ ея поклонниковъ нравился ей одинъ Іорданскій. Но она его боялась. Онъ пугалъ ее своей молчаливой любовью, огнемъ черныхъ глазъ и синими волосами, она вспыхивала, встрѣчаясь съ нимъ взглядомъ, и притворялась надменной, не видящей его. А Селиховъ былъ губернской франтъ, онъ держался всѣхъ любезнѣе, смѣшилъ ея подругъ, былъ остроуменъ, находчивъ и заносчиво, играя тросточкой, поглядывалъ на Іорданскаго, даромъ что маль былъ рос-

томъ. Да и заштатному священнику казался онъ пріятнымъ и дѣльнымъ молодымъ человекомъ, не то что Іорданскій, дюжій и нищій семинаръ. И однажды, въ іюльскій вечеръ, когда въ городѣ всѣ катались, всѣ гуляли, и въ золотистой пыли, поднятой стадомъ, сидось въ концѣ Долгой улицы солнце, когда шла Сани въ кладбищенскую рошу подъ руку съ Селиховымъ, а сзади, среди подругъ Сани, шагаль сумрачный Іорданскій и, покачиваясь, гудѣль великанъ Горизонтовъ, тоже семинаристъ, Селиховъ небрежно глянулъ на нихъ черезъ плечо и, наклоняясь къ ея лицу, нѣжно прижимая ея руку, вполголоса сказалъ:

— Я желалъ бы воспользоваться этой ручкой навѣки, Александра Васильевна.

II

Тридцать лѣтъ, избѣгая встрѣчаться, почти никогда не видя другъ друга, не забывали другъ о другѣ Іорданскій и Селиховъ. Всѣ свои силы употребили они на состязаніе въ достиженіи извѣстности, достатка и почета. Давнымъ-давно жили они оба въ Стрѣлецкѣ и, состязаясь, многого достигли. Іорданскій сталъ протоіереемъ и весь уѣздъ дивилъ своимъ умомъ, строгостью и ученостью. А Селиховъ разбогатѣлъ и прославился безпощаднымъ ростовщичествомъ. Іорданскій купилъ домъ на Песчаной улицѣ. Не отсталъ отъ него и Селиховъ: на зло ему купилъ домъ вдвое больше и какъ разъ рядомъ съ нимъ. Встрѣчаясь, они не кланялись, дѣлали видъ, что даже не помнятъ другъ друга; но жи-

ли въ непрестанной думѣ другъ о другѣ, во взаимномъ презрѣннн. Презирали они, не замѣчали и женъ своихъ. Іорданскій на десятомъ году супружества равнодушно лишился своей некрасивой жены. А Селиховъ почти никогда не разговаривалъ съ Александрой Васильевной. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ засталъ ее однажды заплаканной: въ мордовскомъ костюмѣ, съ косой, заплетенной по-дѣвичьи, она стояла въ спальнѣ передъ своимъ комодомъ, передъ раскрытой вѣнчальной шкатулкой, гдѣ лежали фотографическія карточки, — между ними и карточка Іорданскаго, — пудрила свое распухшее лицо и покусывала губы, чувствуя приступъ новыхъ слезъ. Онъ зналъ, что это были слезы по молодости, по тому счастливому лѣту, что однажды выпадаетъ въ жизни каждой дѣвушки, что не въ Іорданскомъ тутъ дѣло. Но простить ей этихъ слезъ не могъ. И всю жизнь ревновалъ ее къ о. Киру, самолюбивый, какъ всѣ маленькіе ростомъ. А тотъ всю жизнь чувствовалъ къ ней тяжелую холодную злобу.

И шли дни за днями, годы за годами, и осталась у Александры Васильевны одна дума, одна мечта — о домѣ.

III

Она была уже слаба, полна и склонна къ слезамъ, къ грусти. Состарился и Селиховъ. Но о своей смертной волѣ онъ упрямо молчалъ. Аккуратный, спокойный и безкровный, чуть горбясь и заложивъ холодные пальцы своихъ всегда дрожащихъ рукъ въ немод-

ные, прямые карманы панталонъ, онъ похаживалъ по своимъ чистымъ пустымъ комнатамъ, среди мебели въ чехлахъ, да насмѣшливо что-то обдумывалъ. Жизнь прошла, прошла и злоба на глупость людскую, — осталось одно презрѣніе. Онъ дѣлался все суше и меньше, вынималъ золотое пенснэ все небрежнѣе и прикладывалъ его къ переносицѣ при осмотрѣ вещей, приносимыхъ въ закладъ, все мимолетнѣе: всему цѣну зналъ онъ теперь! Домъ купилъ онъ у помѣщика, старый, съ деревянными колоннами, съ садомъ. Домъ попался ему удивительный. На дворѣ въ морозномъ пару краснѣло солнце — въ домѣ было тепло. На дворѣ палилъ лѣтній зной — въ домѣ было прохладно и смѣшивался съ прохладой мирный запахъ нафталина. Лѣтомъ часовъ съ десяти до трехъ пекло какъ разъ ту сторону, на которой стоялъ домъ; но спасали зимнія рамы — онѣ никогда не вынимались. Весь домъ дрожалъ и гудѣлъ, звеня люстрой, когда вскачь неслись съ вокзала и на вокзалъ извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покрывала всѣ крыши, всѣ стѣны и окна на Песчаной улицѣ. Но Селиховъ на улицу никогда не выходилъ. Бродя по комнатамъ, онъ обдумывалъ и все измѣнялъ завѣщаніе. Александра же Васильевна сидѣла въ своей спальнѣ окнами во дворъ и вязала чулокъ. Она думала о прошломъ, о будущемъ, порою привычно, не бросая работы, плакала. Подъ мѣрный стукъ часовъ мужъ мѣрно ходилъ изъ комнаты въ комнату, равнодушно поджидая закладчиковъ, то слезливыхъ, то не въ мѣру развязныхъ, и съ загадочной усмѣшкой поглядывалъ въ кабинетъ, на желѣзный негоряемый шкапъ съ большими желѣзными шишками на скрѣпахъ, похожими на большіе глаза. Но

порою наступала полная тишина: онъ останавливалъ часы, садился за громадное старинное бюро — и слышался въ домѣ только неторопливый и прилежный скрипъ гусиного пера... Но что писалъ Селиховъ? Что готовилъ онъ ей подъ старость?

Она знала одно — что ему ничего не стоило обречь ее на нищету, на позоръ передъ цѣлымъ городомъ, лишить ее не только денегъ, вещей, но и этого дома, своего угла. Онъ вѣдь не замѣчалъ, не видѣлъ ее. Онъ сперва на «ты», а потомъ и совсѣмъ запретилъ ей разговаривать съ нимъ. При гостяхъ онъ былъ иной: со всѣми любезенъ, шутивъ, мѣтокъ на слово, милъ и сдержанъ даже въ карточныхъ спорахъ. Но гости — два-три человека и все одни и тѣ же: помощникъ исправника, податной инспекторъ и нотаріусъ — бывали не больше двухъ-трехъ разъ въ году.

IV

О. Киръ пилъ. Вѣчный хмель свой онъ оправдывалъ своимъ умомъ и тѣмъ, что живетъ онъ въ Стрѣлецкѣ, въ этомъ полустепномъ городишкѣ, гдѣ только возлѣ неуклюжаго собора и базарной площади бѣлѣютъ каменные дома хлѣботорговцевъ, а по окраинамъ — просторъ, безлюдье, нищета.

Высокій, дородный, онъ похожъ былъ на боярина; долго былъ силенъ и красивъ. Въ женской прогимназій, гдѣ онъ преподавалъ, въ него влюблялись самыя восторженные дѣвушки, тѣ, полныя, волоокія, до времени развившіяся, у которыхъ бываютъ такіе чудесные

пепельные волосы, такой нѣжный цвѣтъ лица и такой горячій румянецъ застѣнчивости: не могли онѣ спокойно видѣть его черныхъ соколиныхъ глазъ, его синихъ кудрей, свободно лежавшихъ по плечамъ, осыпаннымъ перхотью, по коричневому подряснику, сладко пропахнувшему ладаномъ и табачнымъ дымомъ. Портили его только легкія опухоли возлѣ носа и зубы, коричневые отъ неумѣреннаго куренія.

Всегда и всѣмъ, не дѣлая никакихъ исключеній, онѣ говорилъ «ты»: вѣдь были же пастыри, говорившіе такъ вельможамъ и князьямъ, даже царю самому. Они поучали, наставляли ихъ сурово, порою обрывали ихъ:

— Благослови, пастухъ, — сказалъ какъ-то одинъ вельможа одному такому пастырю.

— Благословляю, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, самую глупую овцу стада моего, — отвѣтствовалъ пастырь.

Съ купцами о. Киръ былъ грубъ, съ начальниками скоръ и находчивъ на рѣзкое слово, съ вольнодумцами кратокъ и беспощадно логиченъ. Въ Стрѣлецкѣ рѣдко попадали въ руки адресатовъ цвѣтныя открытки. Но о. Киръ исправно получалъ даже самыя красивыя, съ видами Кавказа и Крыма — отъ племянника, молодого, но уже виднаго чиновника при губернаторѣ: о. Киръ пригрозилъ почмейстеру лишеніемъ мѣста за пропажу хотя бы одного письма къ нему. И весь городъ говорилъ объ этомъ съ восхищеніемъ. Весь городъ восторгался о. Киromъ, какъ человѣкомъ необыкновеннаго ума и рѣдкой учености. За великую честь считали принять и угостить его. Но приглашенія о. Киръ принималъ разборчиво, въ свой же домъ никого не пускалъ.

Домъ его, длинный и невысокій, по кирпичу бѣлый мѣломъ, былъ далеко виденъ по широкой улицѣ. Нигдѣ не росло ни единого деревца — развѣ какая-нибудь кривая яблонька на мѣщанскомъ пустырьѣ. Но за желѣзной крышей протоіерейскаго дома пыльно и блѣдно зеленѣли верхушки молодыхъ тополей. Вездѣ входомъ служили калитки. У о. Кира былъ подъѣздъ, — къ которому, впрочемъ, никто не подъѣзжалъ, — а на двери блестѣла мѣдная дощечка: «Киръ Іорданскій.»

Вѣчно заперты были ворота о. Кира, подворотня заложена тяжелой тесиной. Отворялись эти ворота только тогда, когда пріѣзжалъ водовозъ, старичокъ въ кумачной рубахѣ. Только онъ одинъ могъ свободно вывѣдывать о домашней жизни о. Кира у плечистой стряпухи въ сапогахъ, когда она подставляла подъ бочку ушатъ, а онъ пускалъ въ него толстую струю воды. Только къ водовозу былъ снисходителенъ о. Киръ. Онъ шутилъ надъ нимъ, шутками отвѣчалъ ему и водовозъ: это былъ удивительный человекъ — онъ никого не боялся, ни о чемъ не тужилъ, доволенъ былъ рѣшительно всѣмъ.

— Желудь! — громко и строго кричалъ о. Киръ, выходя на крыльцо.

— Аюшки? — беззаботно отзывался старичокъ, подѣхавшій на бочкѣ къ воротамъ и съ трудомъ, согнувшись въ три погибели, поднимавшій тесину.

— Опять не полную привезъ?

— Опять.

— Смотри: отколочу!

— И то не плохо! Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ. . .

Но однажды, узнавъ, что Желудь привезъ бочку воды и Селихову, о. Киръ и Желудя лишилъ своего благоволенія, навсегда прогналъ его со двора долой.

V

Зимой на Песчаной улицѣ было много снѣгу, было сѣро и пустынно, весной — солнечно, весело, особенно при взглядѣ на бѣлую стѣну протоіерейскаго дома, на чистыя стекла, на сѣро-зеленныя верхушки тополей въ голубомъ небѣ. Лѣтомъ было очень жарко. Отъ пыли небо тускло серебрилось. Въ полдень вскачь неслись извозчики, поспѣвая къ вокзалу, стоявшему за городомъ, подъ горой. Въ часъ они медленно тянулись назадъ и везли пріѣзжихъ, чаще всего купцовъ съ ковравыми сумками, которыя и теперь еще называются сакъ-де-войяжами, а не то распространителей граммофоновъ, молодыхъ бритыхъ евреевъ въ англійскихъ картузахъ, съ англійскими трубочками въ зубахъ. Встрѣчаясь съ о. Киromъ, кажется, одни эти евреи глядѣли безъ страха, хотя онъ не терпѣлъ ихъ, особенно ихъ языка: онъ однажды, на вокзалѣ, запретилъ евреямъ разговаривать на своемъ языкѣ, сказавъ:

— Здѣсь вамъ не синагога.

Дородный и строгій, проходилъ онъ по Песчаной улицѣ, въ коричневомъ подрясникѣ, въ палевой соломенной шляпѣ, поглаживая кончиками пальцевъ наперсный крестъ, — и всѣ боялись его. Подъ заборомъ сапожника когда-то по цѣлымъ днямъ играли въ лодыжки мѣщанскіе подростки; тамъ, бывало, стучали

въ заборъ свинчатки и раздавались крики: «Плоца! Жогъ! Ника!» Подростки эти были лодыри дерзкіе. Но отъ протоіерея они ушли играть подальше — къ хибаркамъ на спускъ къ вокзалу. Бѣгали ватагой мальчишки — запускали въ небо змѣя, постоянно цѣплявшагося за струны телеграфныхъ столбовъ и оставлявшаго на нихъ свой мочальный хвостъ. Но, завидя о. Кира, они разсыпались, куда попало. Пробиралась по тѣневой сторонѣ, по ухабистому тротуару, мимо воротъ и окошечекъ съ горшками цвѣтовъ, какая-нибудь старуха, настолько переломленная, склоненная къ землѣ, что было удивительно, какъ можетъ итти этотъ прямой уголъ. Но совсѣмъ не изъ-за тѣни, жидкой и короткой, пробиралась она тамъ, а лишь бы не попасть на глаза о. Киру: онъ не любилъ старухъ, этихъ страстныхъ поклонницъ юродиваго Яши, обитавшаго въ старой часовнѣ надъ склепомъ въ кладбищенской рошѣ, онъ ненавидѣлъ человѣческое безобразіе. Загорбый мѣщанинъ, потѣвшій въ черномъ картузѣ и толстой чуйкѣ, шелъ по срединѣ улицы какъ будто вольно, заложивъ руки назадъ: чтó жъ ему, онъ вѣдь не здѣшний, онъ шелъ съ вокзала. Но, увидавши о. Кира, онъ съ рѣшимостью отчаянія вдругъ обнажалъ голову и быстро направлялся къ нему. Въ лѣвой рукѣ о. Кира была высокая палка съ серебрянымъ набалдашникомъ. Правой, пріостановясь, онъ благословлялъ — широко и властно. А благословивъ, совалъ къ губамъ, покорно искавшимъ ее.

— Откуда? — громко спрашивалъ онъ.

— Липецкій, — бормоталъ мѣщанинъ.

— Надѣнь картузъ. Какъ у васъ нынче сады?

— Цвѣли дивно, ваше преподобіе, но вѣтеръ, Господь съ нимъ. . . Всю завязь обиль.

— Садоводы, а безтолочь. Не знаете своего дѣла. Ну, ступай съ Богомъ. . .

Не терпѣль отецъ Киръ и бродягъ, безпаспортныхъ, пришлыхъ людей. Песчаная улица была не избалована зрѣлищами. Однажды, когда появился на ней сербъ съ бубномъ и обезьяной, несмѣтное количество народа высыпало за калитки. У серба было сизое рябое лицо, синеватые бѣлки дикихъ глазъ, серебряная серьга въ ухѣ, пестрый платочекъ на тонкой шеѣ, рваное пальто съ чужого плеча и женскіе башмаки на худыхъ ногахъ, тѣ ужасные башмаки, что даже въ Стрѣлецкѣ галяются на пустыряхъ. Стуча въ бубень, онъ тоскливо-страстно пѣлъ то, что поютъ всѣ они споконъ вѣку, — о родинѣ. Онъ, думая о ней, далекой, знойной, рассказывалъ Стрѣлецку, что есть гдѣ-то сѣрыя каменистыя горы.

Синее море, бѣлый пароходъ. . .

А спутница его, обезьяна, была довольно велика и страшна: старикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младенецъ, звѣрь съ человѣческими печальными глазами, глубоко запавшими подъ вогнутымъ лобикомъ, подъ высоко поднятыми облѣзлыми бровями. Только до половины покрывала ее шерсть, густая, остистая, похожая на енотовую накидку. А ниже все было голо, и потому носила обезьяна ситцевые въ розовыхъ полоскахъ подштаники, изъ которыхъ смѣшно торчали маленькія черныя ножки и тугой голый хвостъ. Она, тоже думая что-то свое, чуждое Стрѣлецку, привычно ска-

кала, подкидывала задъ подъ пѣсни, подъ удары въ бубень, а сама все хватала съ тротуара камешки, пристально, морщась, разглядывала ихъ, быстро нюхала и отшвыривала прочь.

Лохматый сапожникъ, прибѣжавшій позднѣе всѣхъ, крикнулъ, что надо бить и обезьяну и серба, что этотъ сербъ — непременно воръ. Всѣ подхватили его слова, зашумѣли. Но показался вдали о. Киръ. И улица мгновенно опустѣла: всѣ скрылись по калиткамъ. Онъ же, приблизясь къ сербу, запретилъ ему ходить по улицамъ Стрѣлецка. Онъ строго и кратко приказалъ ему уйти вонъ изъ города, постараться добиться до родины, исправиться и заняться честнымъ трудомъ.

VI

Александръ Васильевнѣ порою казалось, что была въ ея жизни большая любовь: что схоронила она ее въ своей душѣ, что судьба обошла ее и заставила быть покорной другому, нелюбимому, велѣла итти разными дорогами съ любимымъ и искать отрады лишь въ покорности. Но, можетъ, не о. Кира любила она, а только свою дѣвичью косу, свой мордовскій нарядъ, свою недолгую беззаботность въ то, далекое лѣто? О. Киръ служилъ въ соборѣ; но она никогда не бывала тамъ, ходила въ Никольскую церковь, — Селиховъ запретилъ ходить въ соборъ. Не будь о. Киръ священникомъ, могла бы она мечтать о тайной грѣховной связи съ нимъ; но Богу предстоялъ онъ, тайны рожденія, брака, причастія и смерти были въ его ру-

кахъ. И страшныя слова слышала однажды Александра Васильевна: уже больной, мрачный, во хмелю, встрѣтился о. Кирь съ Селиховымъ возлѣ его дома и сказалъ, грозя посохомъ:

— Селиховъ! Помни часъ, его же не минуетъ ни единое дыханіе: это я, — слышишь ли, Селиховъ? — я, облеченный въ трауръ, въ оный день воздамъ тебѣ послѣднее земное цѣлованіе, окружу тебя кадильнымъ дымомъ и осыплю лицо твое могильной перстью.

— Кто знаетъ, отецъ Кирь, — отвѣтилъ ему Селиховъ съ усмѣшкой. — Кто знаетъ, не придется ли мнѣ стоять у возглавія вашего? Не забывайте, что вы пьяница, отецъ Кирь.

Тѣмъ кончился ихъ первый и послѣдній споръ. Но каково было Александрѣ Васильевнѣ — быть между ними, всю жизнь состязавшимися о первенствѣ, уступающими другъ другу только къ могилѣ дорогу! Одна мечта, одна дума осталась у нея — о домѣ.

Имѣть домъ, свой, собственный, гдѣ бы то ни было, хотя бы въ слободѣ, на буеракахъ, и какой угодно, — это было завѣтнѣйшее желаніе каждаго чиновника, каждаго мѣщанина, каждаго сапожника въ Стрѣлецкѣ. И всѣ имѣли дома, и всѣ переводили ихъ на женъ: чуть не весь Стрѣлецкъ принадлежалъ женщинамъ. Одна Александра Васильевна лила слезы безплодно.

Всѣ сосѣдки говорили: «мой домъ», «у меня въ домѣ». А она? Сколько разъ, придя отъ обѣдни, усталая, жаркая, полная, съ потомъ въ складкахъ горла, стучала она въ полъ зонтикомъ и, рыдая, требовала, чтобы отдали хоть приданое ея! Сколько разъ кричала, что вѣдь выгнать ее вонъ изъ дому родные Селихова, только умри онъ!

— Не безпокойся, — отвѣчалъ ей Селиховъ. — Ты раньше меня умрешь. Не забывай, что у тебя грудная жаба.

Онъ становился все страннѣе. Онъ иногда по часамъ смотрѣлся въ зеркало, удивленно, испуганно исказивъ брови; дня по два не притрогивался ни къ одному кушанію ни за обѣдомъ ни за ужиномъ, говоря, что все пахнетъ тѣломъ. Онъ купилъ граммофонъ — и никогда не заводилъ его. Но однажды, когда Александра Васильевна воротилась отъ всенощной раньше времени, не достоявъ, по слабости, службы, и вошла въ домъ съ чернаго хода, услышала она крикливые плясовые звуки. А заглянувши въ залу, обомлѣла: Селиховъ, легкій, старенькій, одинъ во всемъ полутемномъ домѣ, дико вскидывалъ ноги передъ трубой граммофона, весело и хрипло кричавшей: «Ай, ай, карауль, батюшки мои, разбой! . .»

Только одна яблоня въ саду, возлѣ бесѣдки, знала, какъ много пролито слезъ старыми глазами Александры Васильевны, какъ тряслась болѣвшая отъ слезъ голова, какъ прикладывались къ темени мокрая полотенца! А надъ калиткой селиховскаго дома все не мѣнялась надпись: «Сей домъ принадлежитъ Петру Семеновичу Селихову. Свободенъ отъ постоя».

VII

Однимъ изъ тѣхъ, что когда-то, томясь любовью, ходили за Александрой Васильевной въ городской садъ, былъ и Горизонтовъ. Теперь, почти тридцать

лѣтъ проживъ въ губернскомъ городѣ, выслуживъ пенсію, возвратился и онъ въ Стрѣлецкъ, а возвратясь, сталъ извѣстенъ Стрѣлецку не менѣе, чѣмъ о. Киръ и Селиховъ.

Горизонтовъ кончилъ семинарію, кончилъ академію. Въ молодости онъ обладалъ сверхъестественной памятью, необыкновенными способностями и прилежаніемъ. Голосъ у него былъ такой, что, напѣвая свое любимое: «Et tonat, et sonat, et pluvium coelum dat. . .» — онъ потрясалъ, какъ говорится, стекла. Великъ ростомъ и широкъ въ кости онъ былъ настолько, что на улицахъ въ изумленіи останавливались при встрѣчѣ съ нимъ прохожіе. Далекъ могъ бы пойти этотъ человекъ! Но избралъ онъ путь скромный — учительство. Пройдя его, онъ воротился на родину и сталъ сказкой города: поражалъ своей внѣшностью, своимъ аппетитомъ, своимъ желѣзнымъ постоянствомъ въ привычкахъ, своимъ нечеловѣческимъ спокойствіемъ и — своей философіей.

Онъ ходилъ въ крылаткѣ, въ широкополой шляпѣ, въ широконосыхъ кожаныхъ калошахъ, съ костылемъ въ одной рукѣ и громаднымъ парусиновымъ зонтомъ въ другой. Къ старости онъ еще болѣе раздался въ кости, сталъ еще болѣе великъ, сутуль, неуклюжъ — и былъ прозванъ въ Стрѣлецкѣ Мандриллой. Вся купальня дивилась на него, когда въ первый разъ появился онъ въ ней. Медленно вошелъ онъ, подъ зонтомъ, въ калошахъ, насупивъ свои сѣрыя брови и слегка согнувшись, какъ бы напруживая свои и безъ того страшныя плечи, свои руки, подобныя дубовымъ корнямъ. Старомодно со всѣми раскланявшись, внушительно-серьезный и спокойный, онъ сталъ раздѣ-

ваться — и всѣ ахали, видя, какъ обнажается его сизо-сѣрое тѣло, его чудовищныя ступни, безобразно искривленные, лежащіе другъ на другѣ пальцы и ногти ихъ, похожіе на раковины. А онъ хоть бы глазомъ моргнулъ — не спѣша раздѣлся, не спѣша окунулся ровно пятнадцать разъ. . . Съ тѣхъ поръ его видѣли въ купальнѣ каждый день. Каждый день вплоть до Покрова купался онъ. Уже дулъ осенній вѣтеръ въ щели пустой купальни, тучи висѣли за рѣчкой надъ полями, оловянная рябь шла по водѣ; а Горизонтовъ купался. Бѣлѣлъ снѣгъ по берегамъ, по блѣдной синевѣ тучъ тянулись на югъ послѣдніе гуси; но, какъ только било на соборъ часъ, съ косогора, тяжело опираясь на костыль, спускался къ рѣчкѣ сутулый гигантъ въ сѣрой крылаткѣ.

Блѣ онъ за десятерыхъ. Квартирныя хозяйки изъ себя выходили, отказывали ему. Но вѣдь онъ предупредаль! Твердо отчеканивая слоги, уговаривался онъ:

— Супъ, борщъ, лапшу прошу подавать мнѣ не въ тарелочкахъ: предпочитаю въ мисочкахъ. Живность — штучно, а не кусочками. Жаркое обязательно съ картофелемъ, съ овощами. Кашу гречневую, равно какъ и пшенную — чугуничками. . .

— Мандрилла, мандрилла! — орали мальчишки, стаями гоняясь за нимъ по Стрѣлецку. Но онъ даже не достаивалъ ихъ взглядомъ, онъ шелъ такъ же мѣрно, какъ изо дня въ день входилъ, бывало, въ буйный классъ, чтобы начать своей неизмѣнной фразой:

— Итакъ, повторимъ сначала предыдущее. Вспомнимъ, что именно предпринялъ Цезарь, узнавъ отъ

лазутчиковъ о грозящей ему опасности со стороны непріятеля. . .

А философія его заключалась въ томъ, что всѣ силы каждаго человѣка должны быть направлены исключительно на продленіе жизни, для чего и необходимо: полное воздержаніе отъ сношеній съ женщинами, существами суетными, злыми, низкими по интеллекту, полное спокойствіе во всѣхъ жизненныхъ обстоятельствахъ, самое точное выполненіе своихъ разумныхъ, продуманныхъ привычекъ и строжайшій уходъ за своимъ тѣломъ — прежде всего въ смыслѣ питанія его и освѣженія водою.

— *Nullus enim locus sine genio est!* — насмѣшливо сказалъ однажды больной и сумрачный о. Киръ, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ. — Давно слышу я, Горизонтовъ, о причудахъ твоихъ. Отвѣть мнѣ: юродъ ты или мудрецъ? Зачѣмъ живешь ты на свѣтѣ, уподобляясь тѣмъ, которые жили во времена зоологическія, на первыхъ ступеняхъ развитія?

Горизонтовъ, держа надъ головою зонть и опираясь на костыль, долго думалъ, глядя въ землю и на супя свои ежомъ торчащія сѣрыя брови.

— Но скажите и вы мнѣ, отецъ Киръ, — отвѣтилъ онъ наконецъ: — зачѣмъ вы живете?

— Я тебя не о цѣли жизни спрашиваю, — сказалъ о. Киръ. — Я тебя спрашиваю о ея образѣ.

— Но вѣдь образъ соотвѣтствуетъ цѣли?

— Ага! Цѣли! Ну, допустимъ. Въ чемъ же заключается твоя цѣль?

— Въ долголѣтїи и наслажденїи имъ.

— Но наслаждаешься ли ты?

— По мѣрѣ силъ и возможностей. Крѣпко и за-

ботливо держу въ своихъ рукахъ драгоцѣнную чашу жизни.

— Чашу жизни? — строго перебилъ о. Киръ и широко повелъ рукой по воздуху. — Жизни здѣсь? На этой улицѣ? Я не могу спокойно говорить съ тобой! Ты достоинъ своей позорной клички!

— Въ землѣ не распознаешь костей человѣка отъ костей животнаго, — отвѣтилъ Горизонтовъ и медленно двинулся по улицѣ, опираясь на костыль.

VIII

И вотъ смолкли наконецъ шаги въ пустыхъ комнатахъ селиховскаго дома. На тридцать первомъ году замужества Александры Васильевны, великопостнымъ вечеромъ, вытащили изъ толпы, наполнявшей Никольскую церковь, бѣлаго, какъ мѣль, старичка, хорошо и чисто одѣтаго, въ крахмальной рубашкѣ съ отложнымъ тугимъ воротомъ, въ дорогой шубѣ, въ дорогихъ золотыхъ часахъ. Черезъ два дня его уже отпѣвали.

Была пятница, базарный день, началась весна, — мѣла была извозчикамъ нырять на колесахъ по ухабамъ грязныхъ улицъ, мѣла мужикамъ тащиться на развальняхъ по базару, по мокрому навозу! Трудно было и Александрѣ Васильевнѣ итти за гробомъ до собора: ее подъ руки вели дальніе родственники Селихова, — лысый остроглазый человѣчекъ въ николаевской шинели. у котораго вѣтеръ все заворачивалъ.

ленту крашенныхъ волосъ, вкось отъ затылка положенную на лысину, и его жена, женщина въ траурѣ, высокая и сильная, никогда не терявшая присутствія духа. Воздухъ былъ сырой, острый. И Александра Васильевна была пьяна и отъ воздуха и отъ слезъ. Поставили у дверей парчевую, желтую съ бѣлымъ крестомъ крышку гроба, внесли покойника въ зимній придѣлъ, теплый, низкій, старинный, со многими сводами. . . Какими радостными рыданіями гремѣлъ подъ ними громогласный хоръ! Какъ зловѣще возносилъ руку толстоплечій дьяконъ, возглашая о упокоеніи новопреставленнаго! Какъ смиренно, подъ рыданія хора, поклонялся усопшему обступившій его траурный синклитъ іереевъ въ скуфьяхъ и камилавкахъ, и какъ тяжело, сотрясая подъ своею тяжестью, ходилъ вокругъ гроба и кадилъ на блестящій носъ, на рисовое лицо пьяный и торжественно-мрачный, исполнявшій свое предсказаніе о. Киръ! Но, Боже, чтоъ случилось и съ нимъ за послѣдній годъ! Уже не страшны были его возгласы, его каждене и поклоны, которыми провожалъ онъ изъ этого брэннаго міра того, съ кѣмъ столкнула его судьба на порогъ жизни. Страшенъ былъ онъ самъ, его ноги, раздутыя водянкой, его животъ, выпиравшій подъ ризой, его отекшее, почернѣвшее лицо, остеклѣвшіе глаза, посѣдѣвшіе, ставшіе прямыми и масляными волосы, трясущіяся руки. . . Все нѣживе и страстиѣе взглядывала на покойника, — какъ бы не видя о. Кира, — изнемогавшая отъ слезъ Александра Васильевна. А когда ударила по сердцамъ скорбно ликующая пѣснь о той обители, идѣ же нѣсть печали и воздыханія, она вскрикнула и потеряла сознаніе.

Ее понесли на паперть, на воздухъ. И Горизонтовъ,

стоявшій у входа, вѣжливо посторонился — и опять загудѣлъ, подтягивая хору и оглядывая низкіе своды, расписанные шестикрылыми серафимами.

ХІ

Въ большихъ ветхихъ сѣняхъ съ тремя ступеньками и тремя выгорѣвшими на солнцѣ окнами перестала дергаться ржавая проволока, пересталъ длинкатъ подъ руками закладчиковъ разбитый звонокъ. Теперь свободно могла ходить Александра Васильевна по большимъ пустымъ комнатамъ среди мебели въ чехлахъ, столиковъ, комодовъ съ инкрустаціей. Теперь все это было ея: и комнаты, и мебель, и драгоценныя вещи на желѣзныхъ красныхъ полочкахъ въ глазастомъ несгораемомъ шкапу, и дворъ, и корова въ сараѣ, и садъ, и завалившійся заборъ сада: въ двадцать первый разъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти переписанное завѣщаніе сдѣлало ее полной хозяйкой всего этого, къ великому ея удивленію и даже растерянности. Всѣ въ городѣ говорили, что вотъ можетъ она пожить наконецъ въ свое полное удовольствіе. А она была сбита съ толку, жизнь для нея стала прѣсна, какъ та просфора, которую съ усталымъ лицомъ ѣла она за чаемъ, воротясь отъ обѣдни. . .

На Святой, на Оминой по цѣлымъ днямъ трезвонили колокола надъ городомъ — и казалось, что стоитъ этотъ трезвонъ въ честь ея новой жизни, ея первой радостной весны. А вкуса къ жизни уже не было! Она обходила комнаты, и порой жалостная улыбка

довольства морщила ей губы. Но дрожала голова, дрожали руки — что ей было дѣлать съ этими комнатами? Приходила кухарка. Александра Васильевна была ласкова съ ней — и не знала, что заказать на обѣдъ, на ужинъ. Почти каждый день она бывала въ Никольской церкви — и всегда ужасно утомлялась. Была она полна при низкомъ ростѣ, съ жидкими пепельно-сѣдыми волосами и грустнымъ взглядомъ безцвѣтныхъ глазъ. Дома она носила темное старушечье платье, старушечьи туфли. Къ обѣднѣ собиралась долго и выходила съ зонтикомъ, въ крохотной шляпѣ на макушкѣ, въ черномъ бурнусѣ со стеклярусомъ. Все слеза набѣгала на ея лѣвый глазъ, и все подтирала она ее за обѣдней батистовымъ платочкомъ, устало глядя на иконы надъ царскими вратами. Ноги ныли, въ церкви было жарко, душно, многолюдно. Горячо пылали свѣчи, горячо лился солнечный свѣтъ на толпу изъ купола. Страшно заносилъ руку дьяконъ, поднимая толстыя плечи и готовясь оглушить многолѣтнѣмъ царствующему дому и святѣйшему правительствующему синоду. Но что ей было до синода! Съ тоской чувствовала она, что не о чемъ стало ей молиться. Только о царствѣ небесномъ развѣ? Да, но какія права были у нея на него? Что она такое сдѣлала? За что было награждать ее?

Однажды въ апрѣльскій день она пошла въ кладбищенскую рощу — хотѣла просто погулять, развлечься, вспомнить прежнее, молодое время, а сказала кухаркѣ, что хочетъ посмотреть могилу мужа. Было тепло, легко, все радовало — и воздухъ, и небо, и бѣлыя облака, и весенній просторъ. Но сколько разъ останавливалась она на зеленомъ выгонѣ, поднимаясь

на отлогій изволокъ къ рощѣ и смотря на городъ, на его крыши и колокольни, на овраги, на сѣро-зеленый дымокъ одѣвающихся лозинъ и мѣщанскія избушки по оврагамъ! А въ рощѣ, еще голой, зазеленѣвшей только снизу, было еще очень сыро, въ проходахъ между могильными памятниками стояла жидкая грязь. Хорошо, пріятно, молодо, но все-таки черезчуръ буйно шумѣли грачи, въ несмѣтномъ количествѣ наполнявшіе вершины старыхъ деревьевъ. Нужно было проходить мимо розовой часовни надъ склепомъ купца Ершова, гдѣ сидѣлъ Яша, а онъ могъ высунуться изъ окошечка и крикнуть что-нибудь иносказательное, злобѣщее. . . И, спотыкаясь, горбясь, придерживая подоль, Александра Васильевна спѣшила, спѣшила мелкими шажками пройти дальше — и сама не замѣтила, какъ пришла къ могилѣ мужа! Вовсе не желала она того, шла за другимъ, а пришла. И, усталая, опустилась на ближній могильный камень, тупо глядя на эту еще неоправленную могилу. Не было ни думъ ни воспоминаній. Было только чувство горькой весенней нѣжности къ кому-то — не то къ себѣ, не то къ о. Киру, не то къ Селихову. . . Да, да, и къ нему!

А когда она возвращалась домой, думая только одно: дай Богъ встрѣтить извозчика! — Яша таки-подстерегъ ее. Изъ часовни выходили и крестились бабы и мѣщане, нѣкоторые со слезами. И вдругъ выскочилъ на порогъ самъ Яша. Онъ былъ небольшой, тощій, — ему было уже лѣтъ восемьдесятъ, — въ длинномъ халатикѣ, подпоясанномъ веревкой, въ алой бархатной шапочкѣ, надѣтой набекрень. Усы, бородку онъ выстригалъ — они торчали у него колючими сѣрыми пучками возлѣ глубоко запавшихъ пепельныхъ губокъ.

Глазки у него были хитрые-прехитрые. Поглядѣвъ на Александру Васильевну, онъ сдѣлалъ изъ руки щитокъ надъ глазами и быстро засѣменилъ къ ней.

— Радуйся, Афродита разоперстая! — закричалъ онъ старчески-дѣтскимъ голосомъ.

И, подбѣжавъ, поплевалъ и сунулъ ей въ руку, — какъ бы украдкой и надѣясь обрадовать, — четыре щепочки, связанные лычкомъ.

Александра Васильевна разсердилась, что онъ испугалъ ее, и, оттолкнувъ его руку, почти побѣжала отъ него. А потомъ долго думала: что́ это значитъ — эта Афродита и эти четыре щепочки? И почему онъ связанъ?

Часто въ эти апрѣльскіе дни она горевала, что Богъ лишилъ ее дѣтей, думала, какъ бы, если бы у нея былъ мальчикъ, назвала она его; не разъ переглядывала портреты въ вѣнчальной шкатулкѣ. Странно было видѣть дѣвушку въ мордовскомъ костюмѣ, съ дѣтски-милымъ взглядомъ, кокетливо облокотившуюся на какую-то, будто бы крестьянскую изгородь, и крѣпкаго, плечистаго семинариста, съ густой шевелюрой надъ большимъ лбомъ, съ такими мрачными и все-таки лучистыми глазами, съ такимъ упрямымъ, даже злымъ выраженіемъ стиснутыхъ скулъ и такимъ нѣжнымъ очеркомъ пухлыхъ губъ! Былъ и портретъ Селихова. Онъ снимался съ какими-то молодыми чиновниками. Они кружкомъ, въ дѣланно-непринужденныхъ позахъ расположились на креслахъ, а онъ, — тоже молоденькій, щеголеватый, — зачѣмъ-то сѣлъ у ихъ ногъ на полу.

Разъ она встрѣтила возлѣ городского сада Горизонтова и слабо окликнула его. Тотъ вѣжливо раскла-

нялся, но не отвѣтилъ. Она долго съ робостью и удивленіемъ смотрѣла ему вслѣдъ.

Х

На сороковой день николевскій причтъ служилъ панихиду въ селиховскомъ домѣ. Повисъ въ комнатахъ густой запахъ ладана, и вельбла Александра Васильевна, боясь, что у нея разболится голова отъ этого запаха, подать самоваръ подъ свою любимую яблоню въ саду. Былъ майскій день, зеленѣлъ садъ, кипѣлъ расчищенный самоваръ, бѣлѣла скатерть, блестѣла посуда, бодро велъ житейскую бесѣду веселый, съ большими ноздрями, николевскій священникъ, здоровый мужчина съ широкой тугой поясницей, въ широкомъ, вышитомъ розанами поясѣ по серебристому подряснику. Отвѣчая ему, слабо улыбалась и наливала чай Александра Васильевна. Но передвигалась жидкая тѣнь яблони, пекло горячее солнце темя Александры Васильевны, — и вдругъ отнялись ея руки, ноги, поплыла красная муть передъ глазами. . . Когда, распахнувъ всѣ двери, внесли ее въ гостиную и положили на диванъ, она все ползла съ него, цѣплялась пухлой рукой за золотую бахрому тяжелой старинной скатерти и, захлебываясь, стонала, силясь что-то выговорить. Но отваливалась челюсть, языкъ не ворочался, въ безсмысленныхъ, безцвѣтныхъ глазахъ стояли свѣтлыя слезинки. . .

Однако напрасно качали надъ ней головами — ударъ былъ легкій. Видно, была еще какая-то капля

меда въ чашѣ ея жизни, какъ сказалъ бы Горизонтовъ. Еще жаждало старое сердце этой капли, — и Александра Васильевна стала поправляться. Сладко утѣшаясь возврату жизни, лежа въ постели, она застѣнчиво рассказывала кухаркѣ, что подь сороковой день всю свѣтлую майскую ночь кричала она, — чувствовала, что кричить, и никакъ не могла очнуться, подавленная страннымъ сномъ: вошли будто въ ея спальню два молодыхъ монаха, стали раздѣвать ее, а она отбивалась, противилась — и такъ радостно, страшно и стыдно ей было, какъ никогда въ жизни не было. Монахи одолѣли, раздѣли ее, положили на полъ, и она уже не могла двинуться и все только кричала — отъ стыда, страха и радости... И когда рассказывала Александра Васильевна, не выходила изъ ея души нѣжность къ о. Киру. Казалось ей, что съ восторгомъ отдала бы она эту снова обрѣтенную жизнь за одно только свиданіе съ нимъ — послѣднее... Нѣтъ, не возгласы его, не кажденіе, не поклоны усопшему врагу страшны были тогда, въ соборѣ! Страшно было глядѣть на нихъ на обоихъ, страшно было вспоминать то счастье, тотъ страхъ, ту любовь, что когда-то горячей краской заливали дѣвичье лицо, чувствовать, какъ доходить до сердца эта далекая, еще не истлѣвшая любовь — и въ одно сливается и того, кого любила она, и того, съ кѣмъ, нелюбимымъ — а все-таки когда-то носившимъ ея зонтикъ и накидку! — прожила она всю жизнь, кто сказалъ ей когда-то, прижимая къ сердцу ея руку:

— Я желалъ бы воспользоваться этой ручкой навѣки, Александра Васильевна.

XI

Цѣлый мѣсяцъ она жила затаенной мечтой увидать о. Кира десятаго іюня: десятаго долженъ былъ пріѣхать въ Стрѣлецкъ одинъ очень важный человекъ, которому готовили торжественную встрѣчу, для котораго на перекресткахъ сооружали и бѣлили мѣломъ триумфальныя арки, чтобы потомъ увить ихъ гирляндами зелени. Съ рыжей худой модисткой Александра Васильевна сходила въ магазинъ «Общая польза» и набрала шерстяной коричневой матеріи на новое платье. Разъ, когда примѣряли это платье, донеслось въ открытыя окна глухое громыханіе бубна, заунывное пѣніе, потомъ шумъ, крики. И модистка, и Александра Васильевна, въ кофтѣ съ однимъ рукавомъ, выскочили на крыльцо: по улицѣ бѣжалъ народъ, а возлѣ калитки о. Кира шумѣла толпа, и лохматый сапожникъ билъ бубномъ по головѣ кричавшаго серба, опять появившагося въ Стрѣлецкѣ... И Александра Васильевна горько заплакала: Боже мой, какъ, значитъ, ослабѣлъ о. Киръ!

А десятаго была страшная жара. Въ новомъ платьѣ, въ бурнусѣ, въ разноцвѣтныхъ перстняхъ на пальцахъ, Александра Васильевна поѣхала на извозчикѣ къ вокзалу. На этомъ же извозчикѣ и привезъ ее обратно городской — мертвую: ее задавили, замяли въ толпѣ.

На панихидахъ никто не плакалъ, кромѣ модистки, очень мало знавшей покойную. Опять пріѣхалъ остроглазый господинъ, въ домѣ всѣмъ распорядилась его властная жена. Они привезли съ собой дѣтей — боль-

шеротую бойкую дѣвочку и реалиста, все затѣвавшихъ возню и бѣготню по дому. Покойница, подѣ коленкоромъ, лежала на столѣ въ залѣ, и ея никто не боялся. Завѣсили зеркала въ знакъ печали. Строго, точно вразумляя неразумную, читала псалтырь рясофорная монахиня, родственница Александры Васильевны, нарочно пріѣхавшая изъ монастыря, изъ уѣзда, — толстая свѣжая старуха въ очкахъ, съ большимъ бѣлымъ лицомъ, точно обрѣзаннымъ чернымъ головнымъ уборомъ. Но ни печали ни строгости въ домѣ не было. Не унимались дѣти, беззаботно залетали мухи и шмели въ открытыя окна гостиной, за которыми сіялъ горячій день, въ котораго лился радостный свѣтъ.

Послѣ похоронъ домъ пустовалъ. Всю мебель вынесли изъ него и увезли на вокзалъ ломовые. Старухи закидали мокрымъ осиновымъ листомъ и вымыли полы, растворили всѣ двери, и вѣтеръ ходилъ по голымъ комнатамъ, которыя стали казаться темнѣе и меньше. Прилѣпили бѣлые билетки на тонкія старыя стекла — и нашелся постоялецъ, прожившійся дворянинъ Хитрово, пьяница съ висячими усами, въ котелкѣ и засаленной визиткѣ съ круглыми полами. Перебираясь на новую квартиру, онъ ѣхалъ на извозчикѣ и держалъ за ошейникъ черно-атласнаго гордона. Ломовой везъ два стула, кухонный столъ и огромный красный шкафъ — больше мебели у Хитрово не было. Занялъ дворянинъ только одну комнату и окна завѣсилъ газетами. Противъ солнца газетные листы скоро порыжѣли, выгорѣли.

XII

Быль іюньскій вечеръ, накрапывалъ дождь. Шель поѣздъ по Стрѣлецкой желѣзной дорогѣ. Въ сѣромъ темнѣющемъ вагонѣ второго класса сидѣли разные господа и говорили — нѣкоторые о томъ, кто куда ѣдетъ, некоторые о непорядкахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ и вообще о Россіи, о ея богатствахъ и некультурности. Вагонъ грохоталъ и раскачивался, а жерло вагоннаго вентилятора прерывисто гудѣло, и слышно было, какъ стрекочеть въ немъ мелкій предвечерній дождь.

Открылась впереди широкая пустая низменность, заливные луга, извилистая рѣчка, а за рѣчкой, на скатѣ полей — Стрѣлецкъ, желѣзные и тесовыя крыши его низкихъ домовъ, колокольни, темная кладбищенская роща. . . По мосту поѣздъ пошелъ тише — мостъ весь визжалъ, нылъ и скрипѣлъ. Рѣчка была мутная, мелкая, городъ былъ запыленъ, казался очень бѣднымъ. Ярко заблестѣли сквозь мелкій дождь ранніе огни на станціи. . .

Постоявъ пятнадцать минутъ, снова тронулись. Кондукторъ зажигалъ одна обѣ одну короткія свѣчи. Онѣ пылали ярко, но, попадая въ тусклые фонари, сразу меркли. Перезнакомившіеся пассажиры курили, располагались на ночь и оживленно бесѣдовали. Но вотъ отворилась дверь — и съ большимъ сакомъ въ одной рукѣ, съ парусиновымъ зонтомъ въ другой, вошелъ въ вагонъ Горизонтовъ, такой большой и неуклюжій, что многіе смолкли и уставились на него. Старомодно всѣмъ раскланявшись, онъ сѣлъ въ уголокъ на маленькій диванчикъ возлѣ двери.

Больше всѣхъ говорилъ, стоя у поднятой спинки дивана и отстегивая подъ жилетомъ подтяжки, щуплый господинъ въ очкахъ, человекъ, какъ можно было понять изъ его словъ, московскій, извѣстный Москвѣ и придерживающійся въ вопросахъ общественныхъ мнѣній крайнихъ. Онъ выпилъ на вокзалѣ въ Стрѣлецкѣ. Измятое его лицо было красно и возбужденно. Строго блестѣли его очки, энергично падали въ разныя стороны рога сальныхъ волосъ, энергично и рѣзко лилась рѣчь. Внимательно и удивленно оглядѣвъ новаго пассажира, онъ долго притворялся, что не думаетъ о немъ, и наконецъ не вытерпѣвъ, спросилъ:

— А вы далеко изволите ѣхать?

— А въ Москву, — не спѣша отвѣтилъ Горизонтовъ, держа свои желѣзныя руки на зонть, поставленномъ между колѣнъ.

Господинъ въ очкахъ подумалъ, оглядывая его.

— А жить, вѣроятно изволите въ томъ городкѣ, который мы только-что проѣхали?

— Да, я изъ Стрѣлецка.

— И въ Москву, конечно, по дѣламъ?

— По дѣламъ, — сказалъ Горизонтовъ. — Веду переговоры съ анатомическимъ театромъ московскаго Императорскаго университета. Московскій Императорскій университетъ, получивъ отъ меня фотографическую карточку во весь ростъ и предложеніе купить послѣ смерти моей мой костякъ, отвѣтилъ мнѣ принципиальнымъ согласіемъ.

— Какъ? съ изумленіемъ воскликнулъ господинъ въ очкахъ. — Вы продаете собственный скелетъ?

— А почему бы и нѣтъ? — сказалъ Горизонтовъ.

— Разъ эта сдѣлка увеличиваетъ мое благосостояніе и не наноситъ мнѣ никакого ущерба. . .

— Но позвольте! — перебилъ господинъ въ очкахъ. — И вамъ не странно. . . да скажу даже — не жутко совершать подобную сдѣлку?

— Ничуть, — отвѣтилъ Горизонтовъ. — Надѣюсь, что московскому Императорскому университету придется еще не скоро воспользоваться своимъ пріобрѣтеніемъ. Надѣюсь, судя по тому запасу силъ, который есть во мнѣ, прожить никакъ не менѣе девяноста пяти лѣтъ.

Въ окнѣ, куда поглядывалъ онъ, отвѣчая, уже отражалась свѣча, горѣвшая въ вагонномъ фонарѣ, и, отражаясь, какъ бы висѣла въ воздухѣ за окномъ. Проходили мимо косогоры въ зеленыхъ хлѣбахъ, низко висѣло надъ ними облачное небо. Гудѣло жерло вентилятора, говорили и смѣялись въ вагонѣ. . . А тамъ, въ Стрѣлецкѣ, на его темнѣющихъ улицахъ, было пусто и тихо. На лавочкѣ возлѣ хибарки сапожника сидѣлъ квартировавшій у него Желудь, гнутый старичокъ въ кумачной рубашкѣ, и напѣвалъ что-то беззаботное. Лежалъ въ своемъ темномъ домѣ уже давно невстающій съ постели, сѣдовласый, распухшій, съ заплывшими мрачными глазами о. Киръ. Дворянинъ Хитрово былъ трезвъ и осторожно ходилъ за своимъ гордономъ, съ ружьемъ на перевѣсь, по мокрому овсамъ возлѣ кладбищенской рощи, выпугивая перепеловъ и наугадъ стрѣляя въ сумеречный воздухъ, въ мелкій дождь. Вѣчнымъ сномъ спали въ кладбищенской рощѣ Александра Васильевна и Селиховъ — рядомъ были бугры ихъ могилъ. А Яша работалъ въ своей часовнѣ надъ склепомъ купца Ершова. От-

пустивъ посѣтителей, весь день плакавшихъ передъ нимъ и цѣловавшихъ его руки, онъ зажегъ восковой огарокъ и освѣтилъ свой засаленный халатикъ, свою ермолку и заросшее сѣдой щетинкой личико съ колючими, хитрыми-прехитрыми глазками. Онъ работалъ пристально: стоялъ возлѣ стѣны, плевалъ на нее и затиралъ апельсинами, дарами своихъ поклонницъ.

2. IX. 1913.

ПРИ ДОРОГѢ

I

Устинъ, отецъ Парашки, жилъ при большой Новосильской дорогѣ.

Мѣсто, что онъ выбралъ себѣ, отойдя отъ господъ, было безлюдное. Ржи морями разливались по волнистымъ полямъ вокругъ его степного двора. Во ржахъ за дворомъ стояли два безпріютныхъ дубка, шли неглубокіе овраги, густо зараставшіе къ лѣту бѣлыми цвѣтами. Во ржахъ насупротивъ, за большой дорогой, терялся дубовый лѣсокъ; въ той сторонѣ было и село — однодворческое старинное село Баево, да волнистыя поля скрывали его. До воли было много проѣзжихъ по большой дорогѣ. Потомъ ихъ слѣды, колеи затянулись, заглохли, закудрявились рѣдкой мелкой муравой.

Устинъ давно вдовѣлъ, — говорили, что онъ убилъ жену, изъ ревности, — жилъ не по-мужицки: не землей, а тѣмъ, что точно никто не зналъ; сѣялъ онъ только для домашняго обихода, вокругъ дубковъ и надъ оврагами, на помѣстной землѣ, и даже скотины путной не держалъ: хороши у него были однѣ лошади. Въ избѣ хозяйничала сперва его любовница, вдова-однодворка, сѣроглазая красавица, потомъ стар-

шая дочь, Евгенія. Но Евгенію, чуждую и немилую ему, онъ рано выдалъ и замѣстилъ работникомъ, пожилымъ придурковатымъ мужикомъ Володей. А самъ часто отлучался изъ дому — и росла молчаливая Парашка одиноко.

Однажды, — ей шель тогда четырнадцатый годъ, это было какъ разъ въ то лѣто, когда Евгенія переселилась въ Баево, — гнали по большой дорогѣ порядочный гуртъ овецъ: часто такъ дѣлаютъ — покупаютъ купецъ сто, двѣсти головъ на одной ярмаркѣ и перегоняетъ ихъ на другую, нанимая для того босяковъ, а для надзора за босяками посылая приказчика. Дотлѣвала лѣтняя заря далеко позади хутора. Поджидая отца изъ города, Парашка сидѣла на порогѣ избы, глядѣла на вечернія поблекшія поля, на голый просторъ дороги. Овцы густой грязно-сѣрой отарой медленно двигались мимо съ тѣмъ неопредѣленнымъ шумомъ, что производятъ и движеніе и дыханіе ихъ, съ запахомъ своего руна и корма — степныхъ травъ и полыни. А за ними шли собаки съ высунутыми красными языками, запекшимися и запыленными задень, оборванный высокій малый рядомъ съ оборваннымъ старикомъ и верхомъ ѣхалъ на бѣломъ горбоносомъ киргизѣ съ кутузкой въ рукѣ, въ картузѣ на затылокъ, молодой мѣщанинъ.

— Здравствуй, красавица, — сказалъ старикъ, отдѣляясь отъ гурта. — Помоги намъ, проходимъ, попроси у отца сѣрничка. . .

Она долго не отвѣчала, разглядывая его. Онъ былъ безъ шапки, клоки ея были надѣты на его скользкій костыль. Онъ положилъ на него крупныя блестящія руки, удерживая ихъ дрожь, и съ трудомъ дышалъ.

Въ лохмотьяхъ рыжаго пальто, надѣтаго на голое тѣло и подпоясаннаго обрывкомъ, въ подштанникахъ и сбитыхъ опоркахъ, зелено-сѣдой и кудлатый, мертвенно блѣдный и съ залухшими глазами, онъ имѣлъ видъ яростный, но въ хрипломъ его голосѣ была доброта, усталость. Видна была сѣрая шерсть на его груди, видно было, какъ трепещетъ подъ грудью сердце.

— Отца дому нѣтути, — отвѣтила Парашка, наглядѣвшись.

— Такъ я и зналъ, такъ я и зналъ, — сказалъ старикъ. — Все катается, а ты одна растешь. . . «Вечоръ наша перепелушка, — сказалъ онъ, глядя въ землю: — вечоръ наша рябая всее ноченьку прокликала, всее, темную, протрюкала. . .» Какъ же намъ быть-то, красавица?

Подошелъ малый, мелкой бойкой рысью подѣхалъ верховой, по-степному поджимая ноги въ стременахъ подъ брюхо своего толстогрудаго киргиза, умореннаго, но все горячившагося, задиравшаго назадъ большую голову на крутой шеѣ. Они поглядѣли на старика насмѣшливо, — знали его манеру разговаривать, — на Парашку внимательно. Малый былъ очень длиненъ и тонокъ, съ покатыми плечами, съ круглымъ кошачьимъ лицомъ, въ сѣромъ арестантскомъ картузѣ, а верховой — сухощавъ, но широкъ, очень смуглъ и съ блестящими глазами.

— Я ея отца знаю, — сказалъ онъ, глядя съ сѣдла на Парашку, на ея маленькія ноги, загорѣлыя плечи и грязную сорочку. — Богатый плуть. . . Ступай въ печуркѣ, либо за образами поищи, — прибавилъ онъ строго.

Парашка, не сводя глазъ съ киргиза, короткаго,

плотнаго, все мотавшаго тяжелой головой и грызшаго желтыми зубами слюнявыя удила, вскочила съ порога, сбѣгала въ избу и вернулась съ коробочкомъ спичекъ. А мѣщанинъ тѣмъ временемъ слѣзъ со стараго, сухого и замасленнаго казацкаго сѣдла, расправляя короткія ноги. Взявъ спички, онъ молча пошелъ прочь, повелъ киргиза къ остановившемуся съ опущенными головами гурту. Но Парашка навсегда запомнила его пропыленный пиджакъ, лоснящіеся штаны, заправленные въ сапоги съ узкими голенищами, грязный воротъ вышитой рубахи, и то, что все лицо его было, точно порохомъ, усѣяно синеватыми точками, что на смуглыхъ скулахъ его вились рѣдкіе жесткіе волосы, такіе же рѣдкіе, жесткіе и смоляные, какъ и надъ углами рта. Онъ взглянулъ на нее, уходя, и поразилъ ее силой своихъ твердыхъ глазъ. А старикъ, вѣрно, замѣтившій это, сказалъ ей на прощанье странныя слова:

— Ну, вотъ мы и жители. . . Прощай, спасибо тебѣ, красавица. Попомни, что сказалъ тебѣ страшный старый босякъ: этотъ воръ-мѣщанинъ можетъ погубить тебя. Ты на такихъ-то не заглядывайся. . .

А потомъ на парахъ за дорогой, тамъ, гдѣ заночевалъ гуртъ, долго пылалъ въ темнѣющей синевѣ вечера желтый жаркій костеръ. Ночь шла — отца все не было. Сидя на порогѣ, Парашка слушала, какъ Володя доить на варкѣ, за сѣнцами, корову, и не спускала глазъ съ костра. «Вечоръ наша перепелушка. . .» — вспомнила она слова старика — и, чувствуя сладкую тоску ихъ, видѣла темную-темную ночь и робкую перепелку, трюкающую въ темномъ разливѣ хлѣбовъ. . . Все краснѣй горѣлъ костеръ — и онъ, этотъ черногла-

зый мѣщанинъ, который могъ погубить ее, былъ тамъ, еще близко... Наконецъ ровный, успокаивающій звукъ отцовской телѣжки донесся до ея слуха. Она вскочила въ темную избу и легла, притворяясь спящей. Отецъ подвѣхаль къ порогу, крикнулъ Володѣ; вошелъ и сталъ что-то вѣшать на стѣну. Зашумѣли сонныя мухи въ рѣшетахъ и ситахъ возлѣ печки.

— Батюшка! — негромко позвала Парашка.

— Аюшки? — отозвался отецъ вполголоса.

— Этотъ какой босякъ бываетъ?

— А разуйся хоть ты такая-то, вотъ тебѣ и будетъ босякъ.

— Да онъ не босой. Онъ въ полсапожкахъ.

— Ну, знать, пропился догола. А гдѣ ты могла видѣть его?

Парашка рассказала о прохожихъ, умолчавъ о послѣднихъ словахъ старика.

— Знать, бальмашовскій гуртъ гонять, — сказала онъ, не слушая толкомъ и перевѣшивая наборную узду съ одного колка на другой. — То-то, я гляжу, ко-стеръ горитъ...

— А отчего у него лошадь въ крови?

— У кого это?

— У приказчика. Вся грудь въ струпахъ.

— А это оттого, что она киргицъ называется, — сказала отецъ. — Эти лошади, дочка, злыя, горячія живутъ. Вотъ и сѣкутся, сами себѣ кровь бросаютъ... И тавро, небось, есть?

Парашка подумала.

— А какая она?

— А въ родѣ печати... какъ печать выжжена на ляжкѣ, чтобъ видать было, что это не простая лошадь,

а изъ тавра, изъ косяка киргизкаго. . . Ну, спи, спи, коли поужинала, — прибавилъ онъ. — А я въ холодную пойду, тамъ закушу. . .

И, отворивъ окно, ушелъ въ другую половину. Въ окно было видно лѣтнее ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ, чуть тянуло свѣжестью, смѣшанной съ запахомъ гари потухавшаго костра. . . И, волнуясь отъ этого запаха, что-то какъ будто напоминавшаго, слушающая отца, негромко говорившаго подъ окномъ съ Володей, Парашка заснула въ чувствѣ того жуткаго и манящаго, что есть въ неизвѣстныхъ прохожихъ и проѣзжихъ людяхъ, очарованная смутной думой о томъ, какъ погубить, какъ увезетъ ее куда-то въ даль молодой мѣщанинъ.

II

Съ тѣхъ поръ прошло два года; пошелъ третій. Парашка измѣнилась. Мало-по-малу она заняла свое мѣсто въ хозяйствѣ, стала таскать, надрывая свой дѣвичій животъ, горшки и чугуны изъ печки, доить коровъ, обшивать отца. . . Но нравъ ея мѣнялся мало. Одно лѣто на нее напала страсть къ селу. Она стала наряжаться, гостить у сестры, бывать съ дѣвками въ хоровахъ, пѣть и плясать съ ними, притворяясь бойкой. Потомъ бросила, опять почувствовала себя чужой селу, дѣвкамъ, Евгеніи. Евгенія тоже навѣщала ее, — она ходила солдаткой, дѣтей не имѣла, вдоваго своего свекра не боялась. Но были обѣ онѣ молчаливы, да и слишкомъ разны во всемъ. Миловидную, на видъ спокойную Парашку никто бы и не назвалъ се-

строй Евгеніи: та была крѣпка, плечиста, глядѣла изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, сжавъ губы; странно было видѣть ея скуластое, короткое, рѣшительное лицо рядомъ съ нѣжнымъ оваломъ нерѣшительнаго дѣвичьяго лица.

Близокъ былъ Парашкѣ лишь отецъ. Ея любовь къ нему росла съ каждымъ годомъ. Но не простая, не спокойная была эта любовь.

Она любила отца застѣнчиво, той обостренной любовью, которой часто любятъ дочери вдовыхъ отцовъ. Замѣнять ему мать, хозяйку, заботиться о немъ, таскать для него горшки изъ печки было для нея радостью и гордостью. Но порою эта радость отравлялась болью — вспоминалась однодворка, хозяйничавшая когда-то въ отцовской избѣ... Въ томъ страшномъ и мало понятномъ, что случилось между отцомъ и матерью, о чемъ еще въ дѣтствѣ несвязнымъ шопотомъ, съ чужихъ словъ, рассказывала Евгенія, Парашка была на сторонѣ отца. Но порою находило сомнѣніе: да такъ ли, правъ-ли онъ былъ? — и тогда казалось, что не было на свѣтѣ человѣка лучше и красивѣе матери. Отца Парашка мало видѣла, а понимала и того меньше, постоянно чувствуя и робость и неловкость въ разговорѣ съ нимъ. Да и у всѣхъ онъ слылъ не легкимъ, не простымъ человѣкомъ. Чистотою и правильностью чертъ, тонкимъ станомъ, бронзовой бородкой и зоркостью зеленыхъ глазъ онъ напоминалъ старикамъ-дворовымъ объѣздчика-черкеса, жившаго когда-то у господъ его. Но и крестьянскаго не мало было въ его осторожныхъ манерахъ, въ неуклюжихъ сапогахъ, въ густыхъ кудряхъ, разобранныхъ на прямой рядъ, въ воротѣ суровой рубахи и сермяжной под-

девки. Онъ уменъ и привѣтливъ былъ, даже добръ, но всѣ его побаивались: ужъ очень разсудителенъ. Приходили къ нему изъ селъ, изъ деревень за помощью. Онъ никому не отказывалъ. Онъ внимательно выслушивалъ, кивалъ головою, все приподнимая солба свои бронзовые завитки. Въ глаза поглядывалъ не строго, но пытливо, поддакивалъ, никогда не перебивая, вполголоса. Лихву назначалъ скромную. Но вѣдь лихвой и жилъ онъ, а такіе люди всегда страшны немного.

Вырастая, Парашка худѣла. Въ лицѣ ея появлялось то неуловимое сходство съ отцомъ, которое такъ нѣжно проявляется у дочерей, любимыхъ отцами и на первый взглядъ какъ будто и не схожихъ съ ними. Много одинаково затаивали, сдерживали они въ себѣ, многое одинаково воспринимали: какъ, на примѣръ, волновалъ ихъ обоихъ видъ цыганскаго табора, идущаго осенью по большой дорогѣ на низы, къ югу!

— А я, мальчишкой, разъ было убежъ за цыганами, — сказалъ однажды Устинъ, усмѣхаясь.

— Да что-же? Одумался? — спросила Парашка.

— Одумался. Безъ этого нельзя, дочка, — сказалъ Устинъ уже безъ улыбки. — Сгоряча дѣлать не годится. . .

— Чего дѣлать не годится?

— Да ничего, — отвѣтилъ онъ не сразу — и поглядѣлъ въ сторону. — А то кровь въ глаза кидается, бѣду творить. . .

Она поняла его, оробѣла и смолкла.

Но не только тайнственностью отца, его прошлаго, его развѣздовъ и заботъ, о которыхъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, окружена была она. Осенью, зи-

мою она много спала. Лѣтомъ могла не спать хотъ три ночи подъ рядъ. Любимымъ мѣстомъ ея былъ порогъ, по часамъ стояла она на немъ, чуть склонивъ къ плечу голову. Далеко куда-то, въ счастливую страну, направлялись всѣ тѣ, что порою проѣзжали, проходили мимо. Смѣло и внимательно глядя впередъ, разметавъ по плечамъ свои чубарые отъ солнца волосы, гдѣ мочальные, а гдѣ темные, въ скуфьѣ, въ подрясникѣ, широко шагаль стороной бродяга, отставляя на ходу свой высокій посохъ: она провожала его долгимъ взглядомъ, хотъ и боялась бродягъ, боялась, когда они сворачивали къ хутору за подаяніемъ. Ровной рысцой, часто спотыкаясь и перхая, бѣжала посреди нѣ дороги захудалая помѣщичья тройка — звукъ дребезжащихъ рессоръ, дорожный видъ запыленнаго тарантаса пробуждали въ ней тоску, какія-то желанія. Гнали овецъ — она жадно всматривалась въ провожающихъ, вспоминая бѣду, предсказанную ей. . . Морями разливались по полямъ сѣро-мраморныя ржи. Тѣнь ложилась отъ избы. Впереди, за дорогой, блестящей мелкой муравой, густая рожь клонилась въ яркомъ вечернемъ свѣтѣ, лоснилась противъ солнца, уходившаго за избу. Розоватыя клубы юго-восточныхъ облаковъ, нѣжныхъ, чуть замѣтныхъ, сливались выше горизонта съ матовой лазурью небосклона. . . Въ эту сторону, томимая зовомъ степной дали, она смотрѣла чаще всего.

А любовь — это слово она узнала и почувствовала рано и тоже не просто. Еще въ дѣтствѣ поразило оно ее. Однажды, въ жаркій лѣтній полдень, сидѣла на камняхъ возлѣ устинова амбара мѣщанка изъ Баева, пьяница и бобылка. Она разложила возлѣ себя спич-

жи, жестянку съ махоркой, курила и глядѣла на Парашку, возившуюся въ пыли возлѣ нея. «Что-жъ, отецъ не прогналъ еще любовницу-то?» — сиплымъ таинственнымъ шопотомъ спросила она. И Парашка навсегда запомнила это особенное слово и наитіемъ угадала его сокровенный смыслъ. Съ тѣхъ поръ всякій разъ, когда случалось ей не во-время забѣжать въ избу и увидѣть на колѣняхъ у отца однодворку, сладкимъ страхомъ и стыдомъ обжигало ее. А потомъ отъ сестры, отъ сельскихъ дѣвокъ стала она заучаться пѣснямъ. Во всѣхъ пѣсняхъ говорилось о томъ же, объ одномъ — о любви. И она пѣвала ихъ, но мысленно — такъ трогали онѣ ее, особенно одна, старинная: «Уснуль, уснуль мой любезный у дѣвушки на рукѣ, на кисейномъ рукавѣ...» Всѣ подружки готовились только къ одному — къ замужеству, къ жизни, къ близости съ мужемъ. Рано стало волновать, страшить и ее предчувствіе этой близости. Сестра просто говорила: «Батюшка распутный, онѣ опять съ кѣмъ-то живетъ. Сто рублей отдамъ, а дознаюсь!» А Парашка и сама бы не взяла ста рублей за то, чтобы дознаться о любовницѣ отца, хотя думала о ней дни и ночи. Сестра, когда угнали ея мужа въ солдаты, вскорѣ пришла однажды на хуторъ. «Батюшка дома?» — глухо крикнула она, подойдя къ замерзшему окну. Потомъ вошла, сѣла на лавку, стала ѣсть хлѣбъ и все говорила, что она на минутку, все поглядывала на входившаго и выходившаго Володю, высокаго худого мужика. Онѣ, роясь на лавкѣ въ веревкахъ и вожжахъ, картаво бормотала: «Сто-жъ не раздѣваешься?» А сестра медленно мотала головой, закутанной въ пеньковый платокъ: «Я на минутку...» Была она въ промерзлыхъ

лаптяхъ, въ красной юбкѣ грубой шерсти, въ сермяж-
ной курткѣ, туго застегнутой на полной груди, и
крѣпко пахло отъ нея, крѣпкой, здоровой бабы, из-
бынымъ дымомъ и ржанымъ хлѣбомъ, который она не
спѣша жевала. «Охъ, что-жъ это я сижую-то!» — гово-
рила она. И вдругъ поднялась и рѣшительно вышла,
но не домой, а въ сѣни, къ Володѣ. Парашка кинулась
къ двери и замерла, прильнувъ къ ней ухомъ. Бѣжали
минуты за минутами, все гуще сѣялъ кто-то ночную
мутъ въ избѣ, и ни звука не слышно было за дверью.
Но Парашка, казалось, все видѣла, все слышала. . .

III

Замѣнивъ отцу мать и хозяйку, она стала чувство-
вать себя взрослой и порою заводила съ нимъ бесѣды.

Разъ зимнимъ вечеромъ онъ перебиралъ возлѣ лам-
почки, коптившей на столѣ, какія-то истертые бумаж-
ки, вынимая ихъ изъ-за пазухи, изъ кармана поддевки.
Онъ напряженно соображалъ что-то, шевеля губами,
и писалъ огрызкомъ карандаша, ложась грудью на
столъ, отодвигая рукавъ и долго ерзая по бумажкѣ пе-
редъ тѣмъ какъ вывести цифру. Она, сидя возлѣ печ-
ки, пряла: сучила, доила нитку лѣвой рукой, а правую
отставляла — ловко пускала до самага пола волчокъ
веретена. Въ пестренькомъ ситцевомъ платьѣ, съ рас-
крытой головой, съ опущенными рѣсницами, она была
хороша: она сама чужала это по тѣмъ страннымъ и лас-
ковымъ взглядамъ, что порою, отрываясь отъ работы,
кидалъ на нее отецъ. Она сидѣла на скамьѣ легко и

спокойно, чуть раздвинувъ округлыя колѣни, съ мягкой силой нажимая носкомъ лѣвой ноги на приступку прялки и жужжала колесомъ.

— Батюшка, — сказала она вдругъ: — ты всегда былъ такой красивый?

— А что? — спросилъ онъ, по своему обыкновенію, вполголоса. — Всегда. А что?

— Чего-жъ тебя мать не любила?

— А кто тебѣ это сказалъ?

— Да ужъ я знаю, — сказала она загадочно.

Онъ помолчалъ, сталъ прятать бумажки за пазуху и застегивать крючки поддевки, мотнулъ головою, откидывая со лба завитки волосъ.

— Ты того, дочка, не слухала бы, — сказалъ онъ негромко.

— Ты, говорятъ, убилъ ее... За что? За любовника?

— И этого не надобно знать тебѣ, — сказалъ онъ еще тише, но просто. — Вотъ вѣдь я ни о чемъ не пытаю тебя.

Она подумала.

— Да меня что-жъ пытатъ? Я вся наружи...

— Толкуй! — сказалъ онъ. — Ты вся въ нее.

Она покраснѣла.

— Анъ въ тебя... Я тебя въ свѣтъ ни на кого не промѣняю!

— Промѣняешь, дочка...

Она вспомнила мѣщанина, провожавшаго овецъ, лѣтній вечеръ, который казался теперь такимъ далекимъ и прелестнымъ, стараго, желтозубаго, но горячаго киргиза, его сильную грудь въ рубцахъ засохшей

жрови. . . А онъ, какъ-бы читая книгу, твердо заговорилъ:

— Рано тебя никому не чаю отдать. Для тебя, дочка, для тебя одной съ утра до вечера бьюсь. Буду ждать, высматривать человѣка хорошаго, нужнаго.

— У тебя-жъ есть любовница, — прошептала она.

— Все пустое, все пустое, — отвѣтилъ онъ горячо, но голоса не повышая. — Все тебѣ это постороннее. Съ отцомъ стыдно объ этомъ балакать. . .

Она заплакала. Онъ подошелъ, обнялъ ея голову, поцѣловалъ въ волосы. Сквозь тонкую кожу его проступилъ румянецъ, зеленые глаза горѣли ярко и нѣжно. Она успѣла взглянуть въ нихъ, когда онъ, обернувшись, пошелъ вонъ изъ избы, и заплакала отъ какой-то непонятной радости и еще болѣе непонятнаго горя. Ахъ, да кто-жъ могъ быть лучше его!

Она худѣла. Но округлялись ея руки, ноги, приподнялись маленькія груди, глянцевище и гуще стали волосы. Купаясь, она стала стыдиться своей наготы. . . Скоро, скоро станетъ она невѣстой, будутъ прѣзжать сваты къ отцу, узаконится ея право любить и выбирать. . . хотя, конечно, никогда, ни за кого на свѣтѣ не выйдетъ она. . . Сестра сдѣлалась откровеннѣе съ нею, — это льстило ея самолюбію. Сестра открывала ей тайны любви, она ждала мужа и говорила, что никакъ не дождется его. Хотѣлось и Парашкѣ поговорить о себѣ, о своихъ думахъ, о своей истомѣ. Хотѣлось намекнуть, что и про Володю она знаетъ. . . Провожая сестру, она долго стояла на порогѣ. Пѣли пѣтухи — она слушала ихъ, закрывая глаза. Дремалъ сумеречный мартовскій туманъ надъ сѣрыми снѣгами полей — ей казалось, что уже слышно въ туманѣ волну-

ющее карканье первых грачей. Убѣгала въ туманъ, пропадала въ немъ зимняя навозная дорога — и влекла къ себѣ, тянула въ даль. Капали капли, куры стояли подъ ними, тоже дремали — и вдругъ начинали тревожиться, кудахтать сквозь дрему. Съ веселой, притворной яростью игралъ, взвиваясь на цѣпи подъ амбарами, жарко дышавшій песъ. . . Рѣзко вздрогнувъ, она вбѣгала въ избу.

Но въ теплой избѣ только Володя дѣлилъ ея одиночество. Володя, жившій уже пятый годъ, былъ страшенъ и противенъ ей — съ того самаго вечера, когда Евгенія вышла къ нему. Но вѣдь она такъ часто оставалась наединѣ съ нимъ. . . Она знала, что никогда не рѣшится онъ тронуть ее, — отецъ убилъ бы его, — но вѣдь думала же она объ этомъ. . . И сладость тайныхъ думъ ея даже увеличивалась страхомъ и отвращеніемъ къ Володѣ. Онъ наружно былъ даже недурень, — пожилой, но стройный, легкій, какъ малый въ двадцать лѣтъ. Иногда она пыталась разговориться съ нимъ о чемъ-нибудь, не касающемся хозяйства, о селѣ, о дѣвкахъ, о ребятахъ. Онъ задумывался. Онъ бросалъ веревку, которую вилъ, сидя на коникѣ, вертѣлъ цыгарку. Сѣрое худое лицо его склонялось, прядь сѣрыхъ волосъ падала на узкій лобъ — онъ былъ красивъ. Но вотъ онъ открывалъ ротъ — и сразу превращался въ дурака. О чемъ бы она не заводила рѣчь, онъ сводилъ на то, кто у кого живетъ въ работникахъ и, главное, сколько жалованья беретъ.

— Хоросую, хоросую залованью получаетъ, — бормоталъ онъ, и отъ бормотанья усы его дѣлались слюнявыми.

А когда дулъ южный весенній вѣтеръ, съвдая таяв-

ше снѣга, и она дѣлалась тревожнѣе, онъ видѣлъ и чувствовалъ это. Онъ входилъ въ избу, какъ будто по дѣлу, вѣшалъ или снималъ обротъ съ деревяннаго гвоздя въ стѣнѣ, нарочно мѣшкалъ, начиналъ шутками: «Гдѣ-й-то тутъ обротъ покрѣпче, пора тебя обротать, къ бычку вестъ. . .» Она странно и звонко смѣялась. Онъ проходилъ мимо, внимательно посматривая на нее. Она встрѣчала его глаза широко раскрытыми, ждущими глазами. Казалось — еще минута, и она будетъ въ полной его власти. Но, какъ только онъ протягивалъ руки, брови ея рѣзко вздрагивали, лицо искажалось и вспыхивало. Она вскакивала и съ той внезапной грубостью, которой такъ часто ошеломляютъ мужчинъ дѣвушки, звонко вскрикивала, хватаясь за что попало:

— Тронь только, всю морду расшибу! Батюшкѣ скажу, только на порогъ ступить! Духу твоего тутъ не останется, побирושка, чортъ!

IV

Пришла весна. Сѣрый снѣгъ съѣдали вѣтры и туманы, пѣгими стали мокрыя поля. Кончилась Страстная недѣля, наступила Великая Суббота. Въ пасмурный вечеръ Парашка повѣхала съ отцомъ въ село, къ церкви, уже на телѣгѣ. Неприютно гудѣли голыя лозинки на окраинахъ села, изъ-за нихъ, въ невѣрномъ вечернемъ сумракѣ, глядѣли синевѣлесыя тучи, грозя дождемъ и снѣгомъ, дѣлая горизонты зловѣщими. Но въ ледяномъ вѣтрѣ, что дулъ изъ-подъ тучъ, была вес-

на, свѣжестъ. Лицо Парашки горѣло и отъ вѣтра, и отъ румянъ, и отъ волненья, — отъ того, что она искупалась, надѣла все чистое, нарядилась и сѣла въ новую телѣгу рядомъ съ красивымъ, богатымъ отцомъ, который правилъ дорогой сытой лошадыю.

На широкой улицѣ было грязно, лежалъ горбами ледъ. Вечеръ въ селѣ, на улицѣ, вдоль которой уже горѣли огни по избамъ, уютнымъ, но бѣднымъ и чужимъ, казался еще нелюдимѣе. Но и въ этихъ раннихъ огняхъ, и въ хлопьяхъ снѣга, которые внезапно погналъ вѣтеръ вдоль улицы, странно убѣляя ея грязь, ея темныя крыши, — во всемъ былъ весенній праздникъ. Жмурясь отъ снѣга, Парашка и Устинъ нагнули головы. Изрѣдка Парашка взглядывала исподлобья — и сердце ея заходило отъ непонятной радости при видѣ милаго отцовскаго лица, его тонкой кожи, помолодѣвшей отъ вѣтра, блестящей бороды въ крупныхъ снѣжинкахъ и мокрыхъ рѣсницъ... И вдругъ кто-то громко крикнулъ надъ ними:

— Ай ослѣпъ? Держи правѣе!

И, раскрывъ глаза, Парашка увидѣла высокую лошадь и телѣгу съ передкомъ, а въ телѣгѣ — поднявшаго воротъ чуйки и тоже согнувшася отъ вѣтра и снѣга мѣщанина. Онъ взглянулъ на нее — и она мгновенно признала его.

— Чего кричишь? — отвѣтилъ Устинъ веселымъ крикомъ. — Завтра праздникъ большой!

— Виновать, Устинъ Прокофичъ, — отозвался мѣщанинъ. — Ничего не видать...

И телѣги развѣхались.

Долго помолчавъ, Парашка спокойно спросила:

— Ай ты его знаешь?

— А кто жъ его, плута, не знаетъ! — отвѣтилъ Устинъ. — Онъ у Бальмашева на хуторѣ жилъ, теперь свое дѣло затѣваетъ, кружится, какъ воръ, хочетъ въ селѣ лавку открывать. . .

Парашка запахнула лицо шалью, задержала дыханіе. . . Сердце ея колотилось, лицо стало серьезно. . .

А на Святой мѣщанинъ пріѣхалъ въ гости къ Устину. За три года онъ ничуть не измѣнился, только безпокойнѣе стали его глаза. И одежда на немъ была все та же, только чистъ былъ воротъ рубашки. Она узнала, что зовутъ его Никаноромъ, изъ его разговоровъ съ отцомъ поняла, что онъ еще гадаеть: не уѣхать-ли «на низы», въ Ростовъ. Онъ пилъ съ Устиномъ чай и водку. Она не вникала въ то, что онъ говоритъ, слышала только звукъ его четкаго голоса. Не поднимая глазъ, она, набѣленная, нарумяненная, сидѣла въ углу и грызла подсолнухи, какъ-бы не замѣчая гостя. Не замѣчалъ, или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и онъ ее. Прощаясь, онъ протянулъ ей руку. Она не привыкла касаться чужихъ рукъ, подала ему свою неловко — и поблѣднѣла: и польстило ей это рукопожатіе, и обожгло стыдомъ, точно это было начало тайнаго сближенія ихъ.

Послѣ этого онъ долго не показывался. Она по цѣлымъ днямъ стояла на порогѣ и нетерпѣливо, съ настойчивостью и требовательностью подростка ждала его. Ей казалось, что онъ обязанъ, долженъ теперь пріѣзжать и продолжать то, что началъ, хотя и понимала, что онъ ничего не начиналъ. «Какъ только онъ пріѣдетъ, — думала она, — повернусь и уйду, покажу, что не нуждаюсь имъ. . .» Но прошелъ мѣсяць, вернулись майскіе холода съ дождями — его все не было.

Наканунъ Никола она почему-то особенно ждала его, такъ томилась желаніемъ видѣть его, что, казалось, не можетъ не исполниться ея желаніе. Спать она легла рано и плакала такъ зло и горько, что намокла вся ея подушка, но такъ беззвучно, что отецъ, спавшій въ двухъ шагахъ отъ нея, и не подозрѣвалъ о ея слезахъ. Онъ только слышалъ, что она перевертывалась, и порою спрашивалъ страннымъ и тревожнымъ голосомъ, что это она не спитъ.

Утромъ отецъ уѣхалъ куда-то. Она увидѣла стекла, залитыя дождемъ, и почувствовала, что уже ничего не ждетъ, ничего не хочетъ, что просто ей пріятно вставать, прибирать избу, топить печь, заниматься обыденными дѣлами. Къ вечеру она нарядилась, воткнула два сухихъ василька въ косу, обвитую вокругъ головы, и вздумала поставить самоваръ.

Дождь пересталъ. Все было мокро — и зеленая дорога и зеленые хлѣба, за которыми влажно-синими стѣнами стояли тучи, на все бросая тѣнь свою. Самоваръ кипѣлъ, краснѣлъ рѣшеткой въ темныхъ сѣнцахъ. Она вышла изъ избы съ закопченнымъ чайникомъ въ рукѣ, напѣвая: «страшно итить къ суду Божьему, золотой вѣнецъ примать...», и стала ждать, пока самоваръ раскипится еще больше. Со двора перешагнулъ порогъ Володя, свѣжо пахнуцій дождемъ и затхло-мокрымъ армякомъ. Но только что хотѣлъ онъ подойти къ ней, какъ возлѣ рамы двери показалась голова чей-то высокой лошади. Володя твердо прошелъ дальше, отворилъ дверку на варокъ и скрылся, а она замерла, не поднимая глазъ.

— Здорово! — смѣло сказалъ мѣщанинъ, появляясь на порогѣ. — ловко попалъ, прямо подъ чай. . .

И, засмѣявшись, снялъ и отряхнулъ картузь. Черная поддевка его лоснилась отъ дождя. Смуглое лицо, точно посыпанное порохомъ, было мокро.

Она не отвѣтила и вспыхнула: онъ говорилъ теперь совсѣмъ не тѣмъ тономъ, что при отцѣ. Помолчалъ и онъ, — слышно было, какъ спросонья заворковали въ темномъ углу подъ крышей голуби, — потомъ подошелъ къ ней и, глядя на самоваръ, спросилъ:

— Отца нѣту?

— Нѣту, — отвѣтила она тихо, склоняя голову, на которой синѣли два цвѣточныхъ вѣнчика.

— Жалко, — сказалъ онъ и похлопалъ кнутомъ по голенищамъ. — Такъ ты одна и спасаешься?

— Такъ и спасаюсь, — отвѣтила она, слабо улыбувшись.

— Ну, да ничего, въ другой разъ заѣду, — сказалъ онъ. — Благо придирка ѣсть. . . Я прямо самъ не свой, какъ соскучился по тебѣ, — добавилъ онъ.

Она промолчала.

— Не вѣришь? — сказалъ онъ, осторожно обнимая ее. — А я правду говорю. Я въ тебя влюбился еще въ тотъ разъ, когда гуртъ гналъ. А увидалъ тебя въ селѣ, ослѣпъ отъ радости, чуть въ буераки не заѣхалъ. Я прямо почувствовалъ: быть роману промежду насъ, а не то мнѣ прямо пропадать!

— Я эти побаски слыхала, — съ трудомъ отвѣтила она. — Пусти, — безстрастно сказала она, локтемъ отводя его руку.

Но онъ не пустилъ, онъ зналъ, что еще не слыхала она этихъ побасокъ. Онъ крѣпче обнялъ ее и горячо заговорилъ:

— Дай Богъ мнѣ безъ покаянья помереть, если брешу! Не видать мнѣ отца-матери. . .

Она молчала. Ей казалось, что она вотъ-вотъ упадетъ. Онъ воровски оглянулся, нагнулъ голову, нащель ея губы и откинулъ ея лицо назадъ. И у него и у нея перехватило дыханіе отъ этого насильственного и долгаго поцѣлуя. Потомъ онъ съ притворнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой и пошелъ къ порогу.

— Ну, теперь шабашъ мнѣ! — сказалъ онъ, садясь въ телѣгу. — Потерялъ я свой покой навѣки. . .

И шибко погналъ высокую лошадь по ярко-зеленой травѣ на тучу, тѣнь которой уже мѣшалась съ сумерками.

Скоро онъ скрылся за переваломъ, и стало такъ тихо, что какъ будто въ двухъ шагахъ раздавался бой перепеловъ, перекликавшихся въ самыхъ дальнихъ хлѣбахъ, за чуть синѣвшимъ лѣскомъ.

V

Онъ заѣзжалъ еще два раза, но все не во-время: Устинъ былъ дома. И она притворялась, что не замѣчаетъ его, пока онъ дѣловито болталъ съ Устиномъ. Отъ напраснаго желанія увидѣть его хоть на минуту глазъ на глазъ она ходила какъ пьяная.

Вернулся солдатъ, мужъ Евгени. Съ женой, съ отцомъ и съ мачехой онъ пріѣхалъ Петровками въ гости къ Устину на толстой, низкой соловой лошади, въ новой телѣгѣ, крытой новымъ войлокомъ и по колесамъ облитой свѣжимъ коричневымъ дегтемъ. Отецъ сол-

дата, коротконогій мужикъ въ черной бородѣ съ свди-
ной возлѣ рта, странно-веселый человѣкъ, не стыдясъ
женатаго сына, женился въ третій разъ на хромой ба-
бѣ съ дерзкими глазами и острыми дѣвичьими грудя-
ми. И всѣмъ было неловко за него, да и самъ онъ былъ
веселъ и разговорчивъ, вѣроятно, отъ неловкости. Отъ
неловкости неумѣренно пили за обѣдомъ. Ёли тоже
неумѣренно, угощая другъ друга съ излишней настой-
чивостью, говорили безъ толку, чаще всего загадками,
намекками и пословицами. Парашка весь обѣдъ боя-
лась, что вотъ-вотъ разразится ссора. Всѣ быстро за-
хмѣляли, кромѣ Евгеніи, которая только блѣднѣла отъ
водки и грубо, властно вырывала стаканъ у своего пья-
наго солдата, притворявшася злобнымъ и серьез-
нымъ. Съ губъ Устина не сходила ядовитая усмѣшка,
когда онъ въ полголоса, но твердо, перебивая все объ-
яснявшася ему въ любви солдатава отца, говорилъ
ему пословицы и загадки, намекая на безстыдство
троеженцевъ. Хромая была дерзка и криклива, она
тоже такъ и сыпала пословицами, обрѣзая Устина. Во-
лодя пытался перевести беспорядочный и тревожный
разговоръ на свое любимое, на бесѣду о работникахъ
и жалованьи. Его никто не слушалъ. Онъ неприятно
раскраснѣлся, сталъ со слезами кричать пѣсни. Устинъ
молча взялъ его за плечи, подвелъ къ двери и вытолк-
нулъ вонъ. Онъ ушелъ на варокъ и, свалившись въ са-
ни, заснулъ мертвымъ сномъ. У Парашки, измученной
ожиданіемъ ссоры, какъ отъ угара замирало сердце.

Послѣ обѣда пили чай и водку передъ избою, въ
тѣни, на зеленой травѣ. Потерявъ во хмѣлю всякій
стыдъ, отецъ солдата, шатаясъ, принесъ изъ своей те-
лѣги гармонію, сталъ совать ее въ руки солдату, тре-

буя, чтобы онъ игралъ плясовую. Солдаты, съ помутившимися глазами, въ разстегнутомъ мундирѣ, сидѣлъ на скамьѣ возлѣ стола и раскачивался, каждую минуту готовый упасть. Онъ долго не понималъ, чего требуетъ отецъ. Наконецъ понялъ и бѣшено, отрывисто задергалъ «кабы курочка бычка родила...» Троеженецъ подсунулъ руки подъ черный армякъ за спину, присѣлъ, раскорячился, забилъ сапогами въ землю. Ударивъ въ ладоши, сдѣлала передъ нимъ выходку хромая, затрясла своими козьими грудями. Лицо Евгениіа окаменѣло отъ сонной злобы. Устинъ облокотился на столъ, запустивъ тонкіе пальцы въ свои бронзовые завитки, стиснувъ зубы. Въ углахъ его губъ такъ и застыла ядовитая усмѣшка. Сумрачнымъ весельемъ играли глаза.

— Дочка! Поди сюда! — крикнулъ онъ строго, не въ ладъ со словами сдвигая брови. — Поди поцѣлуй меня!

— Ты пьяный, — отвѣтила Парашка. — Глаза бѣ мои на тебя не глядѣли!

Губы ея задрожали. Она повернулась и ушла за избу. За избой слѣпило низко опустившееся солнце. Блеснувъ крыльями, съ дубковъ слетѣли, пали въ рожь, въ неглубокіе лужки, заросшіе цвѣтами, двѣ горлинки. . . Какъ тихо было тутъ послѣ гама пьяныхъ! Просторъ хлѣбныхъ полей былъ къ закату неоглядный, золотой, счастливый. . . Парашка сѣла на межу и дала полную волю слезамъ.

Наплакавшись, она рѣшила вернуться къ избѣ и, съ помощью сестры, прекратить это безобразіе — растащить пьяныхъ, убрать водку, самоваръ. Была уже ночь — свѣтлая, странная. Высоко на небѣ громоздились

огромныя матовыя облака — небо казалось больше и величественнѣе, больше и зеркальнѣе казалась и высокая луна, сіявшая среди нихъ. По широкой дорогѣ, по хлѣбамъ пятнами проходили тѣни. Грядка телѣги, стоявшей передъ избою, и солома въ ней серебрились. Въ телѣгѣ лежалъ отецъ солдата — боролся и ссорился съ пьяной женой. У стола валялась опрокинутая скамейка. Самоваръ блестѣлъ мѣднымъ бокомъ, тускло блестѣла лужа на столѣ: кто-то выдернулъ кранъ изъ самовара. Подъ навѣсомъ амбара, какъ будто радуясь то сіявшей, то таявшей лунѣ, игралъ, взвивался и давился на цѣпи жарко дышавшій песъ. Парашка заглянула въ избу. Солдатъ сидѣлъ за столомъ, близко придвинувъ къ себѣ лампочку, облокотясь на обѣ руки и положивъ въ нихъ ошалѣвшую голову. Онъ что-то бормоталъ. Мухи сонно и угрюмо шумѣли въ рѣшетахъ и ситахъ, развѣшанныхъ на стѣнѣ возлѣ печи. А солдатъ что-то кому-то рассказывалъ, хвастался, что онъ, въ силу своего значенія, «присвоить» къ какому-то барину какого-то Якова Ивановича. . .

Но гдѣ отецъ, Евгенія? Парашка повернулась, вышла въ сѣнцы, на порогъ. Высокая теплая луна ярко сіяла среди матовыхъ облачныхъ громадъ. Противъ порога стоялъ, держа въ одной рукѣ поводъ, въ другой кнутъ, мѣщанинъ, сзади него — его высокая лошадь подъ сѣдломъ. Лицо его отъ луннаго свѣта мѣняло выраженіе.

— Отецъ твой совсѣмъ готовъ, на девятомъ обручѣ, — съ усмѣшкой сказалъ онъ онѣмѣвшей отъ страха Парашкѣ. — Сейчасъ встрѣтилъ во ржахъ: пьянъ хоть выжми, буровить — «въ село иду», а Евгенія его назадъ тащить. . .

Парашка молчала. Онъ бросилъ поводъ, взялъ ее медяную руку въ свою, горячую и крѣпкую, втянулъ ее въ темныя сѣнцы. Она вошла, упираясь. Онъ прижалъ ее, тупо глядѣвшую черезъ его плечо на дымно-зеленую полосу луннаго свѣта, падавшую сквозь дыру крыши въ темноту, притиснулъ къ холодной каменной стѣнѣ и сталъ цѣловать ея лицо, приговаривая:

— погоди, за ради Бога погоди. . . «Энтихъ нѣту ужъ дѣнь, что летѣли стрѣлой, что любовью насъ жгли, что палили огнемъ. . .» Я памяти по тебѣ лишился! Увезу тебя въ Ростовъ, повѣнчаюсь тамъ съ тобой, ударимся мы въ степя, на Кавказъ, — на однихъ лошадахъ тысячи наживемъ. . . Лучше всякой модистки будешь наряжена!

Она вспомнила его такимъ, какимъ увидала впервые, — среди овецъ и собакъ, на старомъ, тавреномъ киргизѣ, — обняла его за шею одной рукой, вся задрожала отъ счастья и нѣжности, спрятала лицо на его груди. Потомъ рѣшительно, порывисто обняла его обѣими руками. . .

VI

Придя въ себя, она долго сидѣла въ этомъ темномъ углу на соломѣ. Мѣщанинъ пытался цѣловать ее, что-то торопливо говорилъ. Она оттолкнула его, замотала головой, показывая, что не слушаетъ. Онъ воровски выглянулъ изъ сѣнецъ, быстро сказалъ, что пріѣдетъ завтра ночью, что она должна выйти къ нему подъ дубки за избой, что у него есть большое дѣло къ ней. . . «Приду, приду», — отвѣтила она. «Смотри же, не об-

мани», — сказалъ онъ неестественно, понявъ, что она не придетъ. Слышно было, какъ звякнулъ онъ стремянемъ, поднимаясь въ сѣдло, какъ затопталась на мѣстѣ и тронула лошадь. . . Она то глядѣла на полосу луннаго свѣта, то опускала глаза.

Когда мѣщанинъ, обернувшись, сказалъ ей: «смотри же не обмани», — она вдругъ увидала въ окошечкѣ, пробитомъ въ дверкѣ на варокѣ, шапку и лицо Володи. Это было такъ страшно, какъ если бы сама смерть заглянула въ сѣнцы. «Да теперь все равно!» — подумала она. Сердце ея билось такъ сильно, что трудно было дышать. Высоко поднимая и опуская грудь, она прижимала къ нему руки. Но все это не мѣшало ясности мысли. А мысль была проста: она пропала! и такъ страшно, неожиданно, какъ бываетъ это во снѣ!

Нѣсколько дней послѣ праздника Устинъ хмурился: стыдно, дюже напился. А она изнемогала отъ слабости, разбитости во всемъ тѣлѣ и желанія лежать съ утра до вечера. Но нужно было ходить, быть бодрой и покойной, даже шутить за обѣдомъ съ отцомъ и съ Володей. Думала же она съ утра до вечера все одно и то же.

Устинъ уѣзжалъ и пріѣзжалъ. Казалось, что посиди онъ дома, никуда не спѣши, не волнуй ее своими отъѣздами и пріѣздами, она бы пришла въ себя и выдумала бы какой-нибудь исходъ, какое-нибудь подобіе спасенія. Было страшно, что онъ, посидѣвъ дома и приглядѣвшись къ ней, все пойметъ; но и хотѣлось, остро хотѣлось порою, чтобы онъ понялъ: тогда бы само собой какъ-нибудь развязалось все это. Казалось, что будь дождливо, сумрачно, было бы легче. Но настали дни свѣтлые, знойные и безконечно-долгіе; бли-

зилась рабочая пора, стали поспѣвать, желтѣть моря
отяжелѣвшихъ и подсохшихъ хлѣбовъ, — и некуда
было скрыться отъ свѣта и зноя. Послѣ того нечаян-
наго праздника, что нарушилъ будни въ хуторѣ, ху-
торъ сталъ какъ будто еще молчаливѣе, и напряжен-
ная тишина стояла вокругъ него въ желтыхъ и свѣт-
лыхъ поляхъ.

Она по цѣлымъ днямъ сидѣла на лавкѣ возлѣ стола
въ жаркой и пустой избѣ, глядя на несмѣтныхъ мухъ
и мельчайшихъ новыхъ мушекъ на горячихъ мутныхъ
стеклахъ. Володя ничего не дѣлалъ, но, какъ всегда,
имѣлъ озабоченный видъ, отыскивалъ какія-то пустя-
ковыя занятія и рѣдко входилъ въ избу. А входя,
былъ простъ, какъ будто ничего не случилось, только
прекратилъ любовныя попытки. Что это значило?
Вѣрно, онъ ждалъ какой-то удобной минуты и надѣ-
ялся, что теперь уже не дастъ промаху. И Парашка
горько усмѣхалась: вотъ дуракъ! Взять бы лучше да
разсказалъ отцу все, что видѣлъ!

Однажды въ полдень, когда въ мягкомъ свѣтонос-
номъ блескѣ мѣли въ высокомъ мѣющемъ небѣ,
надъ хлѣбами и нагрѣтой пыльной дорогой, чуть вид-
ныя сіяющія облака, возлѣ амбара остановилась пара
лошадей. Въ телѣжкѣ сидѣла полная барыня, которая,
какъ знала Парашка, много была должна Устину. Видѣ
у нея былъ усталый, озабоченный, на сѣромъ лицѣ и
на крыльяхъ носа пыль. Она, задумчиво говоря все од-
но и то же, выражала сожалѣніе, что не застала Усти-
на, томительно-долго не уѣзжала. Кучеръ исподлобья
глядѣлъ на пристяжную, которая зубомъ чесала свою
оставленную ногу, барыня — не то въ землю, не то
себѣ въ переносицу. Потомъ, прищурившись, стала

разсматривать похудѣвшее лицо Парашки, ея позеленѣвшіе прозрачные глаза.

— Ты здорова? — спросила она вдругъ.

Парашка просто и твердо отвѣтила, что здорова; но, когда барыня уѣхала, съ часъ смотрѣла въ зеркало, сидя на лавкѣ у окна, поражалась своимъ сходствомъ съ отцомъ и замирала отъ страха. Она очень измѣнилась, это ребенокъ могъ замѣтить — какъ же не замѣчалъ отецъ? Но вотъ-вотъ и онъ замѣтитъ: сразу пойметъ все, что случилось — и что тогда?

Думая, она охватила всю свою недолгую жизнь. Оказалось, что она даже и не подозрѣвала прежде, въ какомъ навожденіи жила она, какъ много думала все объ одномъ и томъ же, сколько смутныхъ плѣнительныхъ картинъ какихъ-то дальнихъ счастливыхъ городовъ, степей и дорогъ дали ей думы, какъ нѣжно любила она кого-то. . . Сдѣлавъ свое страшное дѣло, Никаноръ убилъ и ее и себя. Онъ, этотъ коротконогій воръ, вдругъ сталъ живымъ, настоящимъ — и ненавистнымъ ей. Не могла любить и никогда не любила она его. Теперь безъ стыда, отвращенія и отчаянія нельзя было вспомнить объ этомъ человѣкѣ. Сбылось предсказаніе страшнаго босяка! Она чувствовала себя какъ бы зараженной какой-то постыдной неизлѣчимой болѣзью и навѣки отдѣленной отъ отца бездоннымъ проваломъ.

Но, думая, тихо плача, снимая съ головы платокъ и разглаживая его, она незамѣтно для самой себя давала волю сердцу — и мысли ея туманились. Она вспоминала, какъ любила, ждала кого-то — и любовь эта возвращалась, и она не могла найти себѣ мѣста отъ тоски по прошлому, отъ жалости къ себѣ, отъ нѣж-

ности къ тому, кого она, казалось, такъ долго любила. Она думала объ отцѣ, которому говорила когда-то: «я вся наружи передъ тобою» и готова была закричать, вскочить въ холодную половину, гдѣ онъ жилъ, ночевалъ, отдыхалъ послѣ обѣда, и кинуться ему подъ ноги, чтобы онъ истопталъ, убилъ ее сапогами, лишь бы утолилась ея мука о невозвратномъ, прежнемъ времени. «Для тебя дочка, для тебя одной» — вспоминала она нѣжныя слова его и плакала, изнемогая отъ сладострастія горя и слезъ.

Какъ-то вечеромъ Устинъ съ Володей поѣхали въ село, повезли отбивать косы. Вечеръ былъ ясный, покойный, равнины спѣлыхъ ржей за блестящей въ вечернемъ свѣтѣ муравой по большой дорогѣ розово желтѣли, черныя стрѣльчатыя касатки, мелькая розовыми грудками, проносились мимо открытаго окна, у котораго сидѣла Парашка. Вдругъ на опушкѣ хлѣбовъ, во ржи за дорогой, выросла короткая фигура Никанора: онъ, видно, давно сидѣлъ въ хлѣбахъ, прятался и вдругъ всталъ, выпрямился. Она въ ужасѣ отшатнулась отъ окна. А онъ быстро пересѣкъ сухія колеи и вошелъ въ избу.

— Здравствуй, — сказалъ онъ негромко, останавливаясь у порога. — Никого нѣту?

— Никого, — отвѣтила Парашка, чуть шевельнувъ поблѣднѣвшими губами.

— Дѣло есть. Пойдемъ за избу, подъ дубки.

Онъ говорилъ, какъ мужъ, какъ близкій, какъ власть имѣющій, какъ человекъ, съ которымъ у нея уже есть нерушимая связь и тайна. Она поняла и то, что не за однимъ дѣломъ зоветъ онъ ее. И вдругъ сладко и жутко захолонуло сердце отъ властной простоты

его приказанія, отъ предчувствія, что сейчасъ опять будетъ то, что показалось ей въ первый разъ такимъ ужаснымъ. Слабое головокруженіе вызвало даже сознание преступности, какой-то противоестественности того, что сейчасъ будетъ, и той покорности, съ которою она, какъ настоящая любовница, должна встать и идти за нимъ. И она молча встала и пошла...

Потомъ онъ твердо, кратко, оглядываясь, сказалъ ей, зачѣмъ пришелъ: она должна помочь ему свести съ отцовскаго двора двухъ кобылъ и бѣжать съ нимъ въ Ростовъ. Она не удивилась и спокойно отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Хорошо.

Солнце опускалось за усатыми колосьями, среди которыхъ они сидѣли на межѣ, и осыпало остинки колосьевъ золотистой пылью. Отъ большой дороги, съ юго-востока чуть тянуло мягкимъ вѣтромъ близкаго юля, рабочей поры, когда такъ ровна и матова сухая синева неба, и мягко жужжали сухія, жесткія подкрылія опускающихся на колосья и качающихся на нихъ рыжихъ хлѣбныхъ жучковъ.

Никаноръ говорилъ такъ: ровно черезъ недѣлю Устинъ уѣдетъ въ ночь на Тихвинскую ярмарку, возьметъ и Володю съ собой, а вернется только позднимъ вечеромъ; все это онъ, Никаноръ, доподлинно знаетъ, такъ какъ обѣщалъ Устину тоже быть на ярмаркѣ и помочь ему продать жеребца. Значитъ, въ обѣды, когда ни души не будетъ въ поляхъ, можно спокойно вывести кобылъ со двора, привязать ихъ къ телѣгѣ и гнать что есть духу по проселкамъ, особенно глухимъ предъ рабочей порой, въ сторону Лебедяни. Но чувствуютъ они въ такихъ артебахъ, въ такихъ заповѣд-

ныхъ логахъ среди хлѣбовъ, куда ни одинъ чортъ не заглянетъ. Чѣмъ свѣтъ — дальше. А въ Лебедяни есть вѣрный, золотой человѣкъ: ему-то они и сбудутъ кобыль за три, четыре сотни, и составитя тогда у нихъ больше пятисотъ рублей, на которые они и до Ростова добьются, и дѣло начнутъ, давно уже обдуманное.

— А какое ? — спросила Парашка.

— Ну, ты по этой части еще тупорыла, — сказалъ Никаноръ съ усмѣшкой.

— Лучше бы ночью, — сказала она серьезно.

— Да что ты! — насмѣшливо сказалъ Никаноръ, дѣлая папиросу изъ газетной бумаги.

И вздохнулъ:

— Никакъ, дѣвка, не выходитъ. Ужъ слушай мое готовое.

— А скорѣй нельзя? — спросила Парашка, разглядывая свои маленькія босыя ноги.

— Скоро дѣлають, слѣпыхъ рожаютъ.

Она помолчала, и въ сердцѣ у нея опять задрожала злоба противъ него. Ждать цѣлую недѣлю! Какъ онъ не чувствуетъ ея муки! Ахъ, да не лучше ли взять да повѣситься вотъ на этомъ дубкѣ? — подумала она безъ словъ и стала крѣпко кусать губы, удерживать дрожь мускуловъ на лицѣ, но не выдержала и заплакала.

— О чемъ ты? — спросилъ удивленный Никаноръ.

Она на отвѣтила и заплакала пуще.

— Тебѣ говорю, ай нѣтъ? — грубо крикнулъ Никаноръ.

— Отстань! — крикнула она въ отвѣтъ съ такой

ненавистью и бѣшенствомъ, что Никаноръ даже отодвинулся отъ нея.

— Ну, будя, будя, — сказалъ онъ смущенно. — Давай лучше объ дѣлу-то поговоримъ...

И она стихла, отупѣла.

VII

Цѣлую недѣлю, до самой Тихвинской, Устинь, какъ нарочно, сидѣла дома. Приходила Евгенія — жаловаться на своего солдата, оказавшагося послѣ службы совсѣмъ дуракомъ и пьяницей, и на свою хромую свекровь, злую и распутную, помыкавшую свекромъ. Но Парашка не смутилась даже Евгеніи. Она уже ничего не думала, ничего не чувствовала — тупость, какая-то обреченность, овладѣвшая ею, давала ей безстыдное спокойствіе. Спала она эту недѣлю очень много — и днемъ и ночью. Просыпаясь, вскакивала, пораженная мыслью о томъ, что вотъ-вотъ предстоитъ ей.

Наконецъ пришла послѣдняя ночь.

Эта ночь была точь въ точь такая же, какъ та, когда пылалъ костеръ за большой дорогой. Такъ же, какъ тогда, лежала она въ темной избѣ, видѣла въ окно ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ... И такъ же, какъ тогда, что-то говорилъ подъ окномъ отецъ... Вдругъ дверь избы безшумно распахнулась.

— Дочка! Спишь? — негромко спросилъ онъ, останавливаясь у порога.

— Нѣтъ... — съ трудомъ пробормотала она.

Но онъ не замѣтилъ страннаго звука ея голоса —

и двинулся къ нарамъ, на которыхъ она лежала. Найдя ее въ темнотѣ, онъ сѣлъ возлѣ нея и положилъ на ея обнаженное плечо руку.

— Дочка, что съ тобою? — тихо и таинственно сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, — и она почувствовала его бороду, тепло его дыханія и пріятный, хлѣбный запахъ водки. — Ты не таись, — еще тише сказалъ онъ, обнимая ее и царапая плечо сермягой поддевки. — Дѣло твое молодое, горячее...

Сердце ея затрепетало. «Батюшка! — со слезами хотѣла крикнуть она — и однимъ крикомъ этимъ выразить всю свою муку и беспомощность. — Батюшка, — хотѣла она сказать, — онъ погубилъ, опоганилъ меня, я не его, я не знаю, кого люблю, а тебя въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю...» Но онъ еще ближе прижался къ ней и вдругъ зашепталъ совсѣмъ на иной ладъ, заискивающе, слащаво, путаясь:

— А гостинчика, обновочки хочется? Я въ городъ, на ярманку ѣду сейчасъ — что тебѣ купить? А? Говори-ка скорѣй, не бойся...

И дрожащей рукой скользнулъ по ея спинѣ. И, пораженная, она такъ рванулась изъ подъ него, что онъ чуть не упалъ съ лавки. Вскочивъ на ноги, она заби-лась въ уголь, протянула впередъ руки, а онъ отступилъ и забормоталъ:

— Что ты? Что ты? Да ты что подумала-то?

— Уйди, — едва слышно выговорила она, чувствуя свои оледянѣвшія губы. И въ радостномъ изумленіи, въ свѣтломъ восторгѣ изступленія, отчаянія, подумала:

«А-а! Такъ вотъ оно что!»

Онъ постоялъ и вышелъ. Она слышала его неестест-

венно-звонкій голосъ на дворѣ, слышала скрипъ телеги, окрики на привязаннаго къ ней и шарахавшагося жеребца, слышала, какъ они съ Володей сѣли и тронулись. . . Съ кошачьей зоркостью глядя въ темноту избы, ставшую какъ будто прозрачной, и на блѣдныя звѣзды небосклона, виднаго въ открытое окно, она долго стояла на нарахъ въ глубокой тишинѣ степной ночи, обступившей ее со всѣхъ сторонъ. Потомъ осторожно легла и сразу заснула. . .

А день насталь глухой, палящій, ослѣпительный, хотя блестящіе горизонты были отъ зноя мутны и блѣсы. Она очнулась чуть не передъ обѣдами. Солнце било въ тускляя, засиженныя мухами окна, наполняло избу жаромъ и свѣтомъ. Заспанная, не умываясь, съ тупой и тяжелой головой, она босикомъ выскочила на порогъ, подъ солнце, стоявшее уже очень высоко, и сухой жаръ такъ и облилъ ее всю. Море спѣлыхъ хлѣбовъ какъ будто сдвинулось, тѣснѣе обступило и дворъ и дорогу, тускло блестящую глубокой пылью. И этотъ песочный цвѣтъ хлѣбовъ, низко склонившихъ тяжелыя колосья и застывшихъ въ тишинѣ, въ густомъ горячемъ воздухѣ, давалъ впечатлѣніе отчаянной духоты.

Она растерянно оглянулась и попыталась вспомнить: что это она должна сдѣлать сейчасъ? Вчера ночью, послѣ ухода отца, показалось, что все сразу стало яснымъ, понятнымъ и рѣшеннымъ. А теперь она никакъ не могла вспомнить, что именно и какъ было рѣшено. То, что за нею сейчасъ пріѣдутъ, и что надо будетъ послѣ этого поскорѣе уѣзжать, скрываться, она твердо помнила. Но какъ же это она не простилась съ отцомъ, не сказала ему того, что придумала ночью и

что надо сказать? Правда, послѣ вчерашняго, съ отцомъ можно было и не прощаться и ничего не говорить, но какъ же она не подумала, что взять съ собою, ничего не собрала, не умылась, не обулась? Она стояла на зноѣ съ открытой головой, держала руки подмышками, чувствовала жаръ на своихъ открытыхъ плечахъ, касалась боссыя ногой горячаго камня у порога. Бѣлый песъ съ высунутымъ языкомъ лежалъ въ короткой тѣни подъ амбарами. Она со страхомъ глядѣла то на него, то на хлѣба, на проселокъ...

И вдругъ во ржахъ, на тускло-серебристомъ небо-склонѣ, появилась дуга и высокая худая лошадь. Никаноръ сидѣлъ на грядкѣ телѣги, сдвинувъ на затылокъ картузь, и усердно дергалъ вожжи. Рысью, поднимая пыль, перерѣзалъ онъ большакъ и, гремя, подкатилъ къ самому порогу. Глаза у него были расширены, черное отъ загара лицо все въ поту, видъ будто удивленный.

— Что же ты? — быстрымъ шопотомъ спросилъ онъ, соскакивая съ телѣги и не замѣчая, что Парашка разута и почти раздѣта. — Все готово? Уѣхали?

Она, не отвѣчая, дико глянула на него, спрыгнула съ порога, блеснувъ голыми ногами, и направилась къ воротамъ, на варокъ. Навалившись на нихъ плечомъ и чувствуя, что и ворота горячи отъ солнца, со скрипомъ распахнула обѣ половинки. По глубокому пересохшему навозу пошла къ темному деннику, гдѣ стояли кобылы. Никаноръ вѣхалъ за ней, сдѣлалъ кругъ, бормоча: — «Да что жъ ты не одѣлась-то?» — На двери денника висѣлъ большой замокъ. Парашка обернулась.

— Ключа у меня нѣту, — сказала она, глядя на Никанора большими, стоячими, прозрачно-зелеными глазами.

Никаноръ оглянулся, увидалъ голышъ, на которомъ точили топоры, схватилъ его въ обѣ руки и съ навѣсу стукнулъ по замку. Замокъ отвалился вмѣстѣ съ петлей — и Парашка, не давъ ему упасть, подхватила и крѣпко зажала его въ своей маленькой загорѣлой рукѣ. Еще больше сдвинувъ на затылокъ картузь, мокрый отъ пота, Никаноръ съ тяжелой обротью въ рукѣ вошелъ въ денникъ и склонилъ голову къ плечу, вглядываясь въ сумракъ, гдѣ, отшатнувшись, изогнулась и прижалась къ стѣнѣ гнѣдая кобыла, красавица съ лиловыми глазами. Парашка сдѣлавъ большой шагъ, неумѣло, но изо всей силы ударила его въ високъ замкомъ. Онъ коротко споткнулся и упалъ, ткнулся головой въ навозъ. Парашка подскочила, какъ стрѣла метнулась вонъ изъ денника и понеслась къ воротамъ. Лошадь Никанора, стоявшая у воротъ, всхрапнула — и вмѣстѣ съ нею вылетѣла на дорогу. Пыля и гремя телѣгой, она подхватила въ одну сторону, къ городу, въ бѣлесую блестящую даль за переваломъ, а Парашка — въ другую, черезъ дорогу, ко ржамъ. На бѣгу обернувшись, она вдругъ остановилась: изъ воротъ выскочилъ, безъ картуза, весь облитый по лицу и по рубашкѣ алой кровью, Никаноръ и, почти падая, ударился догонять свою обезумѣвшую лошадь. Парашка взвизгнула и нырнула въ душную гущу колосьевъ. . .

Многіе, что ѣхали въ этотъ день по проселкамъ, видѣли ее, быстро бѣжавшую цѣликомъ, безъ дорогъ, по хлѣбамъ. Порою она присѣдала, выглядывала — и

опять бѣжала, мелькая среди желтыхъ колосьевъ бѣлой сорочкой и раскрытой головой.

Поймали ее только черезъ пять дней. И, отбиваясь, она проявила страшную силу, искусила трехъ мужиковъ, крутившихъ ей руки новой вожжевкой.

Капри, III. 1913.

Я ВСЕ МОЛЧУ

Молодымъ Александра Романова всѣ звали Шашей, жилъ онъ тогда въ селѣ, въ домѣ подь желѣзомъ, а билъ его отецъ, Романъ.

Романъ мнилъ себя первымъ человѣкомъ въ округѣ, самимъ господамъ-дворянамъ совалъ руку при встрѣчѣ. Была у него лавка въ селѣ, мельница за селомъ, а богатѣлъ онъ тѣмъ, что скупалъ помѣщичьи роши на срубъ. Макару, родному брату его, вѣсть было нечего; онъ, оборванный, плелся по выгону и смиренно говорилъ, снимая шапку: «Здорово, братъ!» А Романъ, сытый, похожій на дьякона, отвѣчалъ ему съ крыльца: «Ты меня, дуралей, не обращай. Братъ, братъ! Поклонись да иди, куда шелъ, а въ разговоры не лѣзь.» Что же долженъ былъ чувствовать единственный наслѣдникъ такого человѣка? Онъ по селу гулялъ въ городскомъ картузѣ, въ поддевкѣ тонкаго сукна, въ сапогахъ съ лакированными голенищами, грызъ безъ числа подсолнухи и наигрывалъ польки на дорогой ливенкѣ. Встрѣчались ему дѣвки и ребята и провожали его тѣми взглядами, отъ которыхъ у людей извѣстныхъ мурашки бѣгутъ по спинѣ. Но мрачнымъ и даже свирѣпымъ взглядомъ встрѣчалъ

онъ эти взгляды: вся молодость его прошла какъ бы въ приготовленіи себя къ той роли, въ которой достигъ онъ въ послѣдствіи такого совершенства.

Романъ на вершинѣ благополучія сталъ ослабѣвать, запутываться въ дѣлахъ. Сивый, бородатый, длиннопузый, въ казинетовой поддевкѣ, похожей на подрясникъ, онъ только во хмелю бодрился, а трезвый былъ унылъ и нарочито грубъ. Слава и могущество еще были у него. Онъ на выгонѣ возлѣ церкви, противъ своихъ оконъ, выстроилъ школу, былъ попечителемъ ея и въ любую минуту могъ заставить учителя въ ногахъ у себя валяться. Онъ еще могъ давать въ долгъ помѣщикамъ, давать взятки становому, угощать могъ шпротами, кислымъ омаромъ въ ржавой жестянкѣ, хересомъ и цымлянскимъ и, угощая, покрикивалъ на кого попроще: «Пей, глупецъ!» Но пора, пора было смѣнить его. А кому? Смѣны-то и не было. Шаша все больше втягивался въ свою роль, роль человека, чѣмъ-то кровно оскорбленнаго, — и отношенія между нимъ и Романомъ сводились только къ тому, что Романъ таскалъ его за «виски». Шаша, по его словамъ, ангела могъ вывести изъ себя, не таскать его нельзя было. И онъ таскалъ. А чѣмъ больше таскалъ, тѣмъ все нестерпимѣе становился Шаша.

Ему ли было не гордиться домомъ, могуществомъ и повадками отца! Отецъ при гостяхъ кричалъ на него: «Да будь ты маленько поразвязнѣй, дуралей!» Но вѣдь это была повадка тѣхъ, кому подражалъ отецъ, повадка купцовъ, а развѣ не высшая гордость — чувствовать себя купеческимъ сыномъ? Отецъ даже хвастался имъ порою, самодовольно говорилъ гостю: «Постой, я табѣ сына покажу!» — и горланилъ на

весь домъ: «Шашь, подь суда, тобой Миколай Михайль антересуется!» Но, ахъ, какъ входилъ Шаша въ комнату, гдѣ сидѣлъ гость съ отцомъ! Онъ входилъ, багровѣя, глядя изъ-подъ насупленныхъ и перекошенныхъ бровей, руки держалъ туго, кренделемъ, ступаль еще туже, внутрь носками и такъ щеголевато, точно пятую фигуру кадрили танцовалъ, а шаркнувъ гостю, тотчасъ же отскакивалъ къ окну, къ притолкѣ, раздувалъ ноздри, рвалъ зубами заусеницы и, въ ожиданіи оскорбленія со стороны гостя, на вопросы отвѣчалъ съ нелѣпѣйшей краткостью и рѣзкостью. Какъ же было не бить его? Гость увѣзжалъ; Романъ, проводивъ его, молча подходилъ къ Шашѣ и, размахнувшись, жрѣпко сгребалъ Шашу за волосы. Шаша молча вырывалъ голову изъ его пятерни и, выскочивъ въ прихожую, ударялъ себя кулакомъ въ грудь:

— Нну, папаша! Я молчу! Я все-е молчу! — шипѣлъ онъ зловѣще.

— Да животная ты этакая! — оралъ Романъ. — Вѣдь за это за самое молчанье да ломанье я и бью-то тебя! Значить, ты самъ того добиваешься? За чѣмъ? Почему?

— Прахъ моей могилы все узнаеть! — отвѣчалъ Шаша яростно и загадочно.

Онъ ли не въ рубашкѣ родился! По два, по три раза въ годъ онъ заказывалъ себѣ сапоги; деньги и подсолнухи у него не переводились; на улицу онъ ходилъ съ учителемъ, осенью, зимой ухаживалъ на вечеринкахъ за кокетливыми поповнами, за дочерьми станового, танцовалъ съ ними подъ аристонъ. Но и ухаживалъ онъ какъ-то ѣдко, срыву. Да что! Даже наединѣ съ самимъ собой, глядясь въ зеркало и взбивая

металлическимъ гребешкомъ свое бурое руно, извѣрски косился онъ. Носъ у него былъ раздавленный, голосъ хриплый, видъ каторжный; мужики называли его палачомъ. Кажись, не великая честь! Такъ нѣтъ, онъ и этимъ наслаждался. «Подколотый, дьяволъ! — говорили мужики. — Все ему не нравится, все не по его, не такъ!» И онъ изо всѣхъ силъ старался оправдать эти клички. «Хто? Это Шаша-то подколотый? — спрашивалъ Романъ съ негодованіемъ. — Да такими подколотыми хоть мосты мости! Онъ дуракъ, ахтеръ, лодаръ прирожденный и болѣ ничего. Чего онъ карежится? Какого ему рожна надобно?» А Шаша глядѣлъ съ ядовитой усмѣшкой да помалкивалъ. «Ну вотъ, глянь, глянь на него! — говорилъ Романъ. — Глянь, что онъ строить изъ себя!» А Шаша все выше косилъ брови, все быстрѣе кусалъ заусенцы и уже самъ вѣрилъ, что закипаетъ въ немъ что-то ужасное. «Охъ, папаша! — шипѣлъ онъ, какъ бы не выдержавъ. — Охъ, сказалъ бы я вамъ одну штуку!» Романъ, унылый, съ обвислыми мѣшками подъ глазами, страдальчески ухмылялся: «А что же это за штука такая? У? Ну-ка, скажи?» — «Это я-то?» — спрашивалъ Шаша, кидая взглядъ исподлобья. — «Да. Ты-то?» — «Прахъ моей могилы все узнаеть!» — «Да что узнаеть-то? Ты пьянь, негодяй?» — «Пьянь! — отвѣчалъ Шаша. — Пьянь! Я молчу! Я все-е молчу!» — И, чуть не плача, Романъ опять вставалъ на него, какъ медвѣдь, опять ловилъ за голову и таскалъ съ мучительнымъ упоеніемъ.

Но вотъ кончились эти побои, кончилась власть отца надъ Шашей, — вошелъ Шаша уже въ настоящій возрастъ. Нужно было изыскивать новые поводы къ

самотерзанію. И Шаша не ударилъ таки лицомъ въ грязь въ этихъ поискахъ.

Онъ женился и чудесно — на дочери управляющаго барскимъ имѣніемъ, смѣшливой и хорошенькой веселушатай дѣвицѣ. Женитьбу его праздновали удивительно. Господа жили за границей; поэтому вѣнчаться ѣздилъ Шаша въ господской каретѣ, и священникъ, изъ уваженія къ ней, поздравлялъ его съ законнымъ бракомъ такъ изысканно, что казалось Шашѣ, что надъ нимъ издѣваются. Въ господскомъ домѣ шелъ и свадебный пиръ. Вино рѣвкой лилось. Романъ, при общихъ восторженныхъ кликахъ, плясать пошелъ, сотрясая паркетъ, зеркала и люстры. Господскій лакей превосходно изобразилъ поѣздъ: гремуче засвисталъ въ пальцы, затѣмъ началъ медленно и тяжело отбивать грохотъ все расходящагося поѣзда и кончилъ буйнымъ галопомъ. Дьячокъ, опившись на пиру коньякомъ, по дорогѣ домой умеръ. Дьякона, на собственномъ дворѣ упавшаго въ навозъ, едва не затоптали овцы. Мерзѣйшій осенній разсвѣтъ блѣдно синѣлъ изъ тумана въ господскія дымныя залы, а тамъ все еще горѣли огни, все еще захлебывался охрипшій аристонъ то «Лезгинкой», то «Вьюшками», все еще кричали мокрые отъ жары и хлопотъ шафера, управлявшіе танцами, и у барышень мутились глаза отъ усталости, отскакивали отъ пляса подошвы бѣлыхъ туфель. Но Шаша и собственнаго торжества не пощадилъ: притворясь пьянымъ, убѣдивъ себя, что онъ адски приревновалъ свою молодую жену къ одному молоденькому помѣщику, онъ внезапно наступилъ во время вальса ей на шлейфъ, съ трескомъ оторвалъ его. А затѣмъ кинулся къ ножу, пытался зарѣзаться и,

будучи безоруженъ шаферами, дико рыдалъ и рвалъ съ себя бѣлый галстукъ, взывая къ памяти покойной матери. Послѣ же свадьбы сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разрушить свое семейное благополучіе и ускорить разореніе Романа.

Достигнувъ вершины, Романъ неминуемо долженъ былъ, какъ это всегда водится, покатиться опять внизъ, въ прежнее мужицкое логово. Вскорѣ послѣ свадьбы оказалось, что онъ весь, съ руками и ногами, запутанъ въ долговыхъ тенетахъ. Онъ сталъ страшень. Сивая борода его побѣлѣла. Лицо уподобилось грязно-сѣрому выдоенному вымени. Глаза околѣли. Брюхо обвисло, издрябло. А Шаша злорадствовалъ: «Я говорилъ, говорилъ!» — и добивалъ его: бушевалъ, скандалилъ, требовалъ раздѣла. И Романъ, зеленѣя отъ злобы, медвѣдемъ вставалъ на него, жаждалъ изувѣчить — и уже не могъ, не могъ! Пришибленный мыслью о близкомъ позорѣ, нищетѣ, онъ пьянствовалъ на сломную голову. Потерявъ всякій стыдъ, онъ въ домъ перетащилъ свою любовницу, солдатку кухарку. Жилъ съ нею, на зло ему, и Шаша. А жену онъ изнурялъ ревностью и страхами, — пропадалъ изъ дому и присылалъ ей съ мужиками записки, гдѣ стояло: «Прощай на вѣки, благословляю дѣтей», а внизу была нарисована могила съ крестомъ. Кончилось тѣмъ, что Романа разбилъ ударъ, что осталась отъ всего его богатства одна вѣтрянка за селомъ, что жена Шаши, забравъ дѣтей, бѣжала къ своему любовнику, учителю: упиваясь своими несчастіями, всѣхъ и все нещадно проклиная и шельмуя, Шаша пропадалъ на селѣ, пьянствуя не хуже отца, а она поднялась да и скрылась.

Изъ села, на мельницу вышелъ Романъ нищимъ и еле живымъ. Нищимъ и вдовымъ, скрипя зубами въ ярости, вышелъ за нимъ Шаша. Если бы работа да забота, можно было не плохо жить и мельницей. Но до того ли было Шашѣ! И прежде-то ему, непонятому, неощенному, осужденному жить среди враговъ, недоброжелателей, оставалось только одно: молчать, молчать и молчать. А теперь? Вотъ онъ тысячи могъ бы нажить на одной этой мельницѣ, къ ней ни проходу ни проѣзду не стало бѣ отъ телѣгъ съ зерномъ, будь у него хоть двѣ три сотни на новый сто-якъ и новые жернова. Да гдѣ же ихъ взять? Это вѣдь только дуракамъ счастье само въ руки преть, а дѣль-наго, умнаго судьба въ бараній рогъ карежить. Да пусть, пусть! «Я молчу, — говорилъ Шаша, злорад-ствуя. — Я все-е молчу!»

Разбитое корыто, знакомое, мужицкое, опять поя-вилось передъ Романомъ. И дѣло было вовсе не въ томъ, что, вмѣсто шпротовъ и цымлянскаго, на столѣ его очутилась черная краюха хлѣба и корецъ съ водой, — онъ вѣдь бы съ прежнимъ вкусомъ: дѣло было въ страданіяхъ гордости, самыхъ лютыхъ человѣческихъ страданіяхъ. Въ большой покосившейся избѣ съ земля-нымъ поломъ и дырами въ углахъ, на холодной печи спалъ теперь Романъ. Утромъ онъ вылѣзалъ за порогъ съ высокой палкой въ рукѣ. Лебедой и бурьяномъ зара-стала снаружи изба, крапива глушила огромный ос-товъ раскрытой вѣтрянки. Все это стояло на голомъ горбѣ полей, у проѣзжей дороги. И Романъ выхо-дилъ подъ дорогу и клалъ дрожащія холодныя лапы на палку. Онъ былъ безъ шапки, вѣтеръ путалъ его сѣдыя космы, сѣдую бороду — бороду мужицкаго

лова. Онъ былъ босъ, въ затрапезныхъ порткахъ, въ длинной рубахѣ, грязной отъ золы, отъ печного сора. Ноги его были тонки, туловище велико и худо. Бхали тѣ, что знали его въ славѣ и богатствѣ, тѣ, что прежде трепетали его, тѣ, кого угощаль и поучаль онъ когда-то. И Романъ, — не даромъ же породилъ онъ Шашу! — даже радовался, что видять его люди въ нищетѣ, позорѣ и до земли кланялся имъ. Вечерами же онъ стоялъ въ темной избѣ передъ дощечкой въ углу и съ тяжкими вздохами кланялся ей еще ниже, чѣмъ людямъ, то шопотомъ, то громко читая молитвы — горько благодаря Бога за все, что ниспослалъ Онъ ему, несчастному старику. Шаша, тотъ упивался своимъ униженьемъ по шинкамъ, по кабакамъ, пропивая скудные остатки прежняго и расплачиваясь за свой языкъ синяками уже отъ мужицкихъ кулаковъ. Особенно страшной муки добивался онъ ежегодно пятнадцатаго іюля.

Солдатка осталась вѣрна Романову двору. Она тоже переселилась на мельницу. И когда Романъ умеръ, — ахъ, какъ злорадно-гордъ былъ этимъ несчастьемъ Шаша! — перешла въ руки Шаши открыто. А межъ тѣмъ воротился со службы ея законный мужъ. Нужна она ему была какъ лѣтошній снѣгъ, но все-таки онъ счелъ священнѣйшимъ долгомъ своимъ мстить за свою поруганную честь. И мудро приурочилъ эту месть ко дню большаго многолюдства въ Лимовомъ.

Ежегодно пятнадцатаго іюля, на престольный праздникъ, называемый Кириками, въ Лимовомъ бываетъ ярмарка. Лютъ холодные ливни, о лѣтѣ напоминаютъ только грачи въ поляхъ, густота хлѣбовъ и травъ, да жаворонки, распѣвающіе надъ ними подъ

дождемъ и вкось сдуваемые вѣтромъ. А на выгонѣ Лимового уже растеть кочевой городокъ палатокъ. Приѣхали торгаши изъ города — и съ непривычки странно видѣть въ селѣ этихъ городскихъ людей въ длиннополыхъ сюртукахъ — они, застраивая и дѣлая тѣснымъ выгонъ, измѣнили простую сельскую картину своими крѣпкими телѣгами съ товаромъ, покрытымъ кожами и ладно увязаннымъ, привезли вмѣстѣ съ этимъ товаромъ азіатскій базарный запахъ — дымятъ самоварами, чадятъ жаровнями, на которыхъ жарится баранина. Съ ранняго утра пятнадцатаго они уже стоятъ за прилавками, заваленными жамками, рожками и краснымъ товаромъ, а мужики съ бабами и ребятишками ѣдутъ и ѣдутъ, отовсюду тянутся подъ мелкимъ дождемъ къ селу, запруживаютъ возами выгонъ такъ густо, что иголкѣ негдѣ упасть, а надо всей этой тѣснотой, говоромъ, гамомъ и скрипомъ телѣтъ гудитъ праздничный звонъ къ обѣднѣ.

Подъ этотъ звонъ, на глазахъ ѣдущихъ по грязному проселку мимо вѣтрянки, Шаша стоитъ возлѣ своего порога, распояской, согнувшись, держитъ въ одной рукѣ корецъ съ водой, а другой, мокрой, третъ свое бородатое, корявое, распухшее со сна лицо. Какъ не похожъ этотъ коренастый мужикъ въ разбитыхъ сапогахъ на прежняго Шашу! Съ виду онъ сталъ спокойнѣе, но еще мрачнѣе, чѣмъ прежде. Волосы его и теперь страшно густы, но уже стали по-мужицки лохматы. Умывшись, онъ раздираетъ ихъ деревяннымъ овечьимъ гребнемъ, расчесываетъ спутанную круглую бороду, крипло откашливается и косится въ зеркальце — на свое широкое, пористое, съ раздавленным носомъ лицо. Онъ не забылъ, что онъ похожъ на пала-

ча. И точно — похожъ, теперь особенно: причесавшись, онъ надѣваетъ хранимую для торжественныхъ случаевъ линючую кумачную рубаху. Въ будни онъ тупѣетъ отъ скуки, отъ долгаго сна, отъ того, что никто не обращаетъ вниманія на него, никто его не слушаетъ: его хвастовство своимъ прежнимъ богатствомъ, его намеки на то, что будто бы таится у него въ душѣ, и гнусныя розказни про сбѣжавшую жену давно всѣмъ надоѣли; нынче же — праздникъ, нынче онъ будетъ играть передъ огромной толпой, нынче онъ будетъ страшно, до безпамятства избить на глазахъ этой толпы — и вотъ онъ уже входитъ въ свою роль, онъ возбужденъ, челюсти его крѣпко сжаты, брови искажены. . . Нарядившись, онъ надѣваетъ рыжій картузь и тугимъ шагомъ, рѣшительно и твердо идетъ въ село.

Страннѣе всего благочестіе, съ котораго онъ начинаетъ этотъ день. Онъ направляется прямо къ церкви и, ни на кого не глядя, но всѣмъ существомъ чувствуя на себѣ взгляды окружающихъ, съ размаха кланяется и крестится. Въ церкви онъ продирается къ самому амвону, гдѣ стоялъ когда-то по праву, и въ эту минуту до мозга костей презираетъ мужиковъ, напоминаетъ имъ кратко и строго, какъ власть имѣющій, что не мѣшало бы догадаться посторониться. И мужики торопливо сторонятся. Быкомъ, исподлобья глядя на священнослужителей, на иконы, онъ до самаго конца обѣдни истово и сурово молится, надменно показываетъ всѣмъ, что только онъ одинъ знаетъ, когда именно нужно кланяться и креститься. Такъ же сурово ходитъ онъ и по ярмаркѣ, послѣ обѣдни, гордится тѣмъ, что онъ уже выпилъ, что онъ можетъ подойти, какъ рав-

ный, къ торгашу подъ палатку, поздороваться съ нимъ за руку, облокотиться на прилавокъ, взять горсть подсолнуховъ и мѣшать торгашу разговорами о городѣ, о торговомъ дѣлѣ, а порою прикрикнуть на дѣвокъ, которыя стадами, какъ овцы, давятъ другъ друга къ прилавку, на мужика, который съ мѣшкомъ подъ мышкой, — въ мѣшкѣ ерзаетъ поросенокъ, — перепробоваль уже всѣ свистульки, всѣ губныя гармоньи и никакъ не рѣшится, какую взять. Народъ, вылившійся изъ церкви, затопилъ весь выгонъ, на колокольнѣ трезвонятъ, нищѣ гнусаво горланятъ, скотина, которою тоже торгуютъ на Кирики, блеетъ и гогочетъ, — и среди густой толпы, плюющей подсолнухами и скользящей по грязи между палатками, уже много пьяныхъ. Шаша успѣлъ еще выпить и чувствуетъ: пора! Наговорившись съ торгашами, онъ рѣшительно шагаетъ къ каруселямъ. Тамъ сгрудилось несчетное количество народу, до головокруженія глядящаго на мелькающихъ кольцомъ деревянныхъ коней и на ихъ всадниковъ. Тамъ чуть не все Лимовое и головой выше всѣхъ — солдаткинъ мужъ. У Шаши холодѣютъ руки, дергаются губы, но онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего врага. Онъ подходитъ къ знакомымъ, громко говоритъ, хохочетъ, а самъ ждетъ, на чуку. И вотъ, шатаясь, притворяясь вдребезги пьянымъ, въ новомъ картузѣ, на которомъ еще бѣлѣетъ лавочный билетикъ съ цѣной, выбритый, сытый, съ сонными синими глазами, солдатъ идетъ прямо на него и со всего размаху, какъ будто ничего не видя, бьетъ его плечомъ въ грудь. Шаша, стиснувъ зубы, сторонится и продолжаетъ бесѣду. Но солдатъ возвращается, опять проходитъ мимо и опять — разъ его плечомъ въ грудь!

Тогда, какъ бы не выдержавъ такой наглости, Шаша искажаетъ свое и безъ того искаженное лицо и сквозь зубы говоритъ:

— О-хъ, малый! Какъ бы я не толкнулъ тебя по-своему!

И вдругъ солдатъ, сразу осадивъ свое наклонное стремленіе впередъ, отшатывается назадъ и бѣшено взрываетъ:

— Што-о?

Среди ярмарочнаго гама, грохота и позвонковъ бѣшено крутящейся карусели и восторженныхъ притворно-сострадательныхъ криковъ ахнувшей и раздавшейся толпы, солдатъ оглушаетъ и окровавливаетъ Шашу съ перваго же удара. Шаша, норовя, по старой мужицкой манерѣ, запустить ему пальцы въ ротъ, разорвать губы, звѣремъ кидается на него и тотчасъ же замертво падаетъ въ грязь, подъ кованные каблуки, тяжело бьющіе въ грудь, въ лохматую голову, въ носъ, въ глаза, уже помутившіеся, какъ у зарѣзаннаго барана. А народъ ахаетъ и дивуется: вотъ настырный, непонятный человекъ! Вѣдь онъ же зналъ напередъ, чѣмъ кончится дѣло! Зачѣмъ же онъ шель на него? И правда: зачѣмъ? И къ чему вообще такъ настойчиво и неуклонно идетъ онъ, изо дня въ день опустошая свое разоренное жильё, стремясь до тла искоренить даже слѣды того, что такъ случайно было создано дикимъ гениемъ Романа, и непрестанно алкая обиды, позора и побоевъ?

Ужасные люди въ двѣ шеренги стояли во время обѣдни въ церковной оградѣ, на пути къ паперти! Въ жаждѣ самоистязанія, отвращенія къ уздѣ, къ труду, къ быту, въ страсти ко всякимъ личинамъ, — и тра-

гическимъ и скоморошескимъ, — въ темныхъ, преступныхъ хотѣніяхъ, въ слабоволіи, вѣчной тревогѣ, бѣдахъ, печаляхъ и нищетѣ, Русь издревле и безъ конца рождаетъ этихъ людей. Въ одномъ Лимовомъ собирается ихъ около полусотни. И что это за лица, что за головы! Точно на кіевскихъ церковныхъ картинахъ да на кіевскихъ лубкахъ, живописующихъ и дьяволовъ, и подвижниковъ мати-пустыни! Есть старцы съ такими изсохшими головами, съ такими рѣдкими прядями длинныхъ сѣрыхъ волосъ, съ такими тончайшими носами и такъ глубоко провалившимися щелками незрячихъ глазъ, точно столѣтія лежали эти старцы въ пещерахъ, гдѣ замуровали ихъ еще при кіевскихъ князьяхъ и откуда вышли они въ полуистлѣвшемъ рубищѣ, крестъ-накрестъ возложили на свои останки нищенскія сумы, на веревочныхъ обрывкахъ повѣсили ихъ черезъ плечо и пошли себѣ странствовать изъ конца въ конецъ Руси, по ея лѣсамъ, степямъ и степнымъ вѣтрамъ. Есть слѣпцы мордастые, мужики крѣпкіе и приземистые, точно колодники, холодно загубившіе десятки душъ: у этихъ головы твердыя, квадратныя, лица какъ будто топоромъ вырублены, а босыя ноги налиты сизой кровью и противоестественно коротки, равно какъ и руки. Есть идиоты, толстоплечіе и толстоногіе. Есть злые карлы съ птичьими лицами. Есть горбуны, клиноголовые, какъ бы въ острыхъ шапкахъ изъ черныхъ лошадиныхъ волосъ. Есть карандыши, осѣвшіе на кривыя ноги, какъ таксы. Есть лбы, сдавленные съ боковъ и образовавшіе черепъ въ видѣ шляпки желудя. Есть костлявыя, совсѣмъ безносыя старухи, ни дать ни взять сама Смерть. . . И все это, на показъ выставивъ свои лохмотья, раны и бо-

лячки, на древне-церковный распѣвъ, и грубыми басами, и скопческими альтами, и какими-то развратными тенорами вопить о гнойномъ Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, который, въ жаждѣ нищеты и мученичества, ушелъ изъ-подъ отчаго крова «ня знамо куда. . .»

Всѣ эти люди, двигая бровями надъ своими темными очами, наитіемъ, инстинктомъ, острымъ, точнымъ, какъ у какихъ-нибудь первичныхъ особей, мгновенно чуютъ, угадываютъ приближеніе дающей руки и уже не мало нахватали огрызковъ хлѣба, баранокъ и зеленыхъ отъ махорки мужицкихъ мѣдяковъ. Послѣ обѣдни, съ ивнѣемъ, уже болѣе бодрымъ и требовательнымъ, они растекаются по народному морю, по ярмаркѣ. Двинулись за ними и калѣки — безногіе, ползающіе на задахъ и четверенькахъ и лежащіе на вѣчномъ одрѣ, въ телѣжкахъ. Вотъ одна изъ этихъ телѣжекъ: въ ней — маленькій человѣчекъ, лѣтъ сорока, по ушамъ повязанный бабьимъ платкомъ, со спокойными молочно-голубыми глазами, высунувшій изъ ветошекъ тонкую фіолетовую ручку съ шестью пальцами; возитъ его живоглазый мальчишка, съ очень острыми ушками и лисьимъ пухомъ на головѣ. Вотъ мужикъ съ большимъ бѣлымъ лицомъ, весь изломанный, исковерканный, совсѣмъ безъ зада, въ одномъ прѣломъ лаптѣ. Вѣрно, и его, — не хуже Шаши, — били гдѣ-то: весь платокъ его, ухо, шея и плечо въ засохшей крови. Въ длинномъ мѣшкѣ — куски сырого мяса, варенныя бараньи ребра, корки и пшено. А сидѣнье подшито кускомъ кожи — и вотъ весь онъ искривился, заерзалъ и пошелъ чесать задомъ по грязи, выкидывая впередъ необутую ногу, до половины голую, въ известковыхъ

струпахъ, сочащихся гноемъ и залѣпленныхъ кусками лопуха.

— Гляньте, православные, гляньте скорѣе: ѣго считается, по старинному заведенію, болѣзнь проказа! — развеселымъ, быстрымъ речитативомъ выкрикиваетъ возлѣ него рябой оборванецъ, его импрессаріо.

И вотъ къ этимъ-то людямъ и шель Шаша. Живетъ онъ еще три-четыре года на мельницѣ; встрѣчаетъ еще три-четыре ярмарки; вступаетъ еще три-четыре раза въ бой съ солдатомъ; поливаютъ его, бездыханнаго и безгласнаго, водой изъ жбановъ добрые люди; онъ медленно приходитъ въ себя; не раскрывая глазъ, возитъ онъ по землѣ мокрой головой и сквозь зубы тяжко стонетъ:

— Ну, добрые люди! Я молчу! Я все-е молчу!

Затѣмъ его везутъ на мельницу, онъ недѣли двѣ лежитъ на печи, понемногу оправляется и вскорѣ уже опять гуляетъ по шинкамъ, хвастается, лжетъ, все и всѣхъ шельмуетъ, бьетъ себя кулакомъ въ грудь, грозитъ всѣмъ своимъ врагамъ и особливо — солдату. Но однажды выпадаютъ несчастливые Кирики: солдатъ переламываетъ ему каблукомъ руку и раздробляетъ переносицу, выбиваетъ глаза. Вотъ Шаша и слѣпой и калѣка. Солдатка бросаетъ его; мельницу, землю берутъ за долги добрые люди. И Шаша — у пристани: теперь онъ равноправный членъ, кость отъ кости, плоть отъ плоти нищей орды, стоящей на Кирики въ церковной оградѣ. Босой, въ лохмотьяхъ, густо-бородый, съ головой, стриженной ежомъ, въ мѣшкахъ крестъ-накрестъ, дико ломаетъ онъ брови надъ выбитыми и затянувшимися глазами и сипло оретъ въ ладъ съ прочими за душу хватающія нищенскія стихиры.

Хоръ мрачно дереть кто во что гораздъ — звонко выдѣляются голоса поводырей, выкрикивающихъ каждый слогъ:

Три сестры жили, три Маріи Египетскія были,
На три доли свою богатству дѣлили:

Одну долю отдѣлили на незрящее тѣло,
Другую долю отдѣлили по тюрьмамъ, темни-
цамъ,

Третью долю отдѣлили по церквамъ, соборамъ:
Не сокращайте свое тѣло хорошимъ нарядомъ,
Сокрасьте свою душу усерднымъ подаяньемъ,
Ета ваша подаянья на первомъ присутствіи
будеть,

Какъ свѣча передъ образомъ-Богомъ!

Вступаетъ и выдѣляется рѣзкій голосъ Шаши:

Придетъ время,
Потрясется земля, небо,
Всѣ камушки распадутся,
Пристола Господни нарушатся,
Солнце съ мѣсяцемъ примеркнетъ
И пропуститъ Господь огненную рѣку. . .

И сливаясь, сходясь, достигая зловѣщей силы и торжественности, зычно горланить весь хоръ:

Михаилъ Архангяль
Тварь земную поморить,
Онъ вострубитъ въ трубы,
Возглаголетъ людямъ:

Вотъ вы жили-были
Своей вольной волей,
Въ церкви не бывали,
Заутреню просыпали,
Позднюю обѣдню прожирали:
Вотъ вамъ рай готовый, —
Огни негасимые,
Муки нестярпимыя!

14. IX. 1913.

СВЯТЫЕ

Домъ былъ полонъ гостей, — гости бывали часто и гостили подолгу, — свѣтлая морозная ночь сверкала звѣздами за мелкими стеклами старинныхъ оконъ. Къ кафельнымъ печкамъ подойти было нельзя, — такъ накалили ихъ. По всѣмъ комнатамъ горѣли праздничныя лампы, въ самой дальней, диванной, даже люстра, мягко игравшая хрусталемъ, смугло-золотистымъ отъ времени. Въ гостиной сдавали на трехъ зеленыхъ столахъ, за высокими канделябрами, въ блескѣ свѣчей. Въ залѣ столъ былъ уставленъ закусками, посудой и разноцвѣтными графинами: гости то и дѣло со смѣхомъ выходили изъ гостиной, наливали рюмки, чокались и, потыкавъ вилками, возвращались къ картамъ. Въ буфетной кипѣлъ ведерный самоваръ: старикъ-буфетчикъ волновался, ссорился съ Агафьей Петровной, шипѣлъ и замахивался серебряной ложкой на Устю, накладывая граненныя вазы вареньемъ, наливалъ стаканы чернымъ чаемъ и посылалъ подносы въ гостиную. Вся лакейская была завалена хорошо пахнущими шубами, шапками и лисьими поддевками. . . А тамъ, въ дядиныхъ комнатахъ, сидѣлъ Арсеничъ.

Дѣти заходили и въ лакейскую и въ буфетную, сто-

яли возлѣ играющихъ въ гостиной; отъ-нечего-дѣлать таскали со стола въ залѣ кружочки колбасы, смотрѣли въ нижнія стекла: видно было глубокое небо въ рѣдкихъ острыхъ звѣздахъ, снѣгъ, солью сверкавшій подлунною, длинная волнистая тѣнь дыма изъ поварской; а дальше, за бѣлыми лугами — высокіе косогоры, густо поросшіе темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, сказочно посеребреннымъ сверху. Подражая гостямъ, дѣти говорили другъ другу «вы».

— Мить, а Мить, — сказала застѣнчивый Вадя, наглядѣвшись въ окно: — а вы нынче пойдете къ Арсеничу?

— А вы? — спросилъ Митя, какъ всегда, очень строго. — Я непременно пойду.

И, оглянувшись на гостиную, на буфетную, — ходить къ Арсеничу запрещалось, потому что у него было очень холодно, — дѣти медленно, какъ будто гуляя, перешли залѣ и вдругъ быстро шмыгнули за небольшую дверку возлѣ печки въ углу — въ тѣ необитаемыя комнаты, гдѣ жилъ и умеръ дядя-охотникъ и гдѣ теперь гостилъ Арсеничъ, раза два-три въ годъ приходившій повидать своихъ господъ.

Домъ жилъ своею жизнью, веселой, праздничной, эти комнаты своей — бѣдной, всѣмъ чужой. Но Арсеничъ наслаждался своею близостью къ той, первой. Два-три раза въ годъ, — и всегда зимой, при гостяхъ, — барынѣ докладывали, что онъ стоитъ у крыльца. Она приказывала сказать ему, чтобы онъ шелъ въ дядины комнаты, и Агафья Петровна посылала ему самоваръ, колбасы, бѣлаго хлѣба, графинчикъ водки. Арсеничъ, сидя весь день одинъ-одинешенекъ, пилъ чай, курилъ, сладко плакалъ и поздно ночью, — въ

одно время съ господами, — укладывался, усталый и растроганный, на соломѣ возлѣ печки. Проживъ такъ съ недѣлю, насмотрѣвшись съ задняго крыльца, какъ разъѣзжаются гости, онъ искалъ случая увидеть барыню и, накланявшись ей, нѣсколько разъ поймавъ ея руку для поцѣлуя, удалялся на деревню, на свою квартиру у мужика. Это и называлось — повидаться со своими старыми господами.

Дядиныхъ комнатъ было всего двѣ. Теперь въ первой комнатѣ было темно, только на полу лежали и наполняли темноту таинственнымъ свѣтомъ два бѣлыхъ частыхъ переплета; пахло тутъ сѣдлами дяди и крысами. Въ другой сумрачно, дрожащимъ пламенемъ пылала на кухонномъ столѣ возлѣ остывшаго самовара толстая сальная свѣча въ черномъ желѣзномъ подсвѣчникѣ и густыми волнами плавалъ дымъ: посылали Арсеничу и табаку, но слабаго, турецкаго, и Арсеничъ, чтобы накуриться, принужденъ былъ курить безъ передышки. Топили тутъ рѣдко, окно съ верху до низу было запушено сѣрымъ инеемъ, и отъ него несло морозомъ. Большая черная картина висѣла въ углу вмѣсто образа: на рукахъ чуть видной Богоматери деревянно желтѣлъ нагой Іисусъ, снятый со креста, съ запекшейся раной подъ сердцемъ, съ откинутымъ назадъ мертвымъ ликомъ. Арсеничъ, взлохмаченный, какъ кипень сѣдой, красный и небритый, въ истертомъ дядиномъ пиджакѣ, сидѣлъ, подложивъ подъ себя одну ногу въ валенкѣ, на табуретѣ возлѣ стола. Онъ курилъ толстую вертушку и въ какой-то радостной задумчивости плакалъ горькими слезами, не стирая крупныхъ капель, катившихся по носу. Какъ всегда, дѣти, не спуская съ него любопытныхъ глазъ, подошли къ

стола и стали пристально разглядывать сизыя отъ холода старческія руки, воротъ грязной ночной рубашки, тоже дядиной, и красное, измятое, въ колючемъ серебрѣ лицо. Арсеничъ, стыдливо отвернувшись, сталъ искать по карманамъ свой ужасный носовой платокъ.

— Вы опять свои дудки курите? — спросилъ Вадя, остановивъ большіе чистые глазки на этой ветошкѣ, давно и бережно хранимой.

— Опять, сударь, — покорнымъ шопотомъ, тихо и радостно улыбнувшись, отвѣтилъ Арсеничъ.

— И водку пили? — спросилъ Митя, какъ всегда, очень серьезно.

— Пилъ и ее, окаянную...

— Всю?

— Всю-съ, — прошепталъ Арсеничъ. — Только вы за ради Бога не сказывайте мамашѣ про мои слезы. Это я не отъ этого-съ. Сами изволите знать — не первый разъ...

— Я ни за что не скажу, — сказалъ Митя твердо. — А вы? — спросилъ онъ Вадю. — Вы вѣдь тоже не скажите?

Вадя, что-то думая, нѣжно покраснѣлъ, поспѣшно перекрестился и помоталъ головой. Изъ зала доносился смѣхъ, говоръ. Кто-то, на время освободившійся отъ картъ, игралъ на фортепьяно польку Анну. Слушать старинные звуки было и пріятно и грустно. Слушая и думая что-то, Вадя спросилъ:

— Вы бѣдные?

Арсеничъ вздохнулъ.

— Бѣдность не бѣда-съ, и въ богатствѣ, напримѣръ, пропадаютъ люди, — отвѣтилъ онъ. — Мнѣ ваша ма-

маша мѣщину выдаютъ и рубль серебромъ денегъ, а за квартиру я не Богъ вѣсть что плачу, всего четвертакъ въ мѣсяцъ. . . Въ этомъ случаѣ я на Бога не жалеюсь.

— Вы теперь умрете скоро, — сказалъ Митя.

— Сущая правда ваша-сь. Полагаю, даже ноябрьской зимой.

— А охотникомъ вы были?

— Нѣтъ-сь, этого не привелъ Богъ. Я у вашего дѣдушки буфетчикомъ былъ.

— Вы о дѣдушкѣ плачете?

— Ну, что-жъ о нихъ плакать-сь! — сказалъ Арсеничъ. — Они, напримѣръ, еще въ сорокъ осьмомъ году скончались. Да и прожили по нашему времени не мало — восемьдесятъ семь лѣтъ съ лишкомъ. Я нынче плакалъ по поводу блудницы и мученицы Елены, о судьбѣ ея несчастной. . .

Изъ-подъ соломы, насланной на полу возлѣ печки, вынырнула мышь, метнулась-было къ столу и побѣжала въ темную комнату. Дѣти проводили ее заблестѣвшими глазами, потомъ, облокотившись на столъ, опять стали разсматривать гляцевитые рукава Арсенича, жилы на его сморщенной розовой шеѣ.

— Ее казнили? — спросилъ Вадя, вспоминая другихъ мученицъ и мучениковъ, о которыхъ постоянно рассказывалъ Арсеничъ.

— Это ужъ какъ водится, — отвѣтилъ Арсеничъ.

— Только не мечомъ, не пыткой, а еще хуже того. . .

— Вамъ ее жалко?

— Понятно, жалко-сь. Только я вѣдь больше не отъ жалости плачу, а, напримѣръ, отъ своего чувствительнаго сердца. . . Это дѣло-сь, по старому преданію.

такъ было, — сказалъ Арсеничъ, стараясь не глядѣть на дѣтей, отводя отъ нихъ глаза, опять покраснѣвшіе. — Жила-была, на примѣръ, самая что ни на есть отпѣтая блудница, по имени Елена, дѣвушка богатаго роду, отмѣнная красавица и бездушная кокетка. . .

— А гдѣ она жила? — спросили дѣти, перхая отъ дыма. — Въ лѣсу.

— Нѣтъ-съ, это ей потомъ Господь привелъ жить и пострадать за свою вѣрную любовь въ лѣсу, а сперва она проживала въ столичномъ городѣ, въ пространной и чудной квартирѣ, въ пирахъ, въ веселіи, по баламъ да маскарадамъ, — попросту сказать, блудъ творила за большія деньги. Была же она, на примѣръ, все-таки не настоящая госпожа и называлась промежъ господъ Адель, а брала, конечно, съ кого попало, и съ пьянаго и съ тверезаго, даже, можетъ, не побрезгала бы приказнымъ твореніемъ, будь у того средства. Ъздили къ ней первые князья и графы, дѣлали ей подарки изъ послѣдняго, многіе даже руки на себя наложили изъ-за ней. . . ну только она въ этомъ случаѣ и бровью не веда и была ко всѣмъ, на примѣръ, безчувственна, какъ Ніоба, ни къ кому не питала привязчивости: была у нея вѣчная-безконечная тоска на душѣ. Такая-съ тоска, что и сказать не возможно!

— А вы у ней въ гостяхъ были? — спросилъ Вадя.

— Статочное ли дѣло-съ! — сказалъ Арсеничъ. — Я, сударь, холопъ простой, дворовый человѣкъ всегонавсего. Меня оттуда господа палками выгнали бы; да и подѣломъ было-бы!

— А дѣдушка?

— Дѣдушка — тѣ иное дѣло, но только они тогда, можетъ, и на свѣтъ не рожались еще. Это, сударь, въ

старинныя времена было, и тому теперь никогда не бывать, теперь вѣкъ насталь бездушный. . . Ну, такъ вотъ я и докладываю вамъ: была эта Елена просто алчная блудница, и множество господъ пропали, напримѣръ, изъ-за ея красы, какъ червь капустный. Только всходить однажды въ ея уборныя комнаты, ужъ этакъ поздно вечеромъ, главный ея камердинеръ и докладываетъ, что желаетъ ее немедленно видѣть молодой и прелестный графъ изъ свиты самой государыни императрицы. Она сидитъ, напримѣръ, за своимъ туалетомъ въ одномъ капотѣ, чешетъ неподобнымъ черепашковымъ гребнемъ роскошныя волны кудрей и отвѣчаетъ, что моль, я бы весьма рада, да теперь слишкомъ поздно, я и такъ, говоритъ, изъ-за своей корысти денденской какъ въ смолѣ киплю и, значить, принять его и осчастливить никакъ не могу, беру ванну съ духами, а потомъ спать ляжу, меня тоска съѣла, ненавижу всѣхъ, зрить не могу. . . Слуга удаляется, но только воскорости опять всходить и говорить, что моль, такъ и такъ. . . графъ проигралъ въ штось все свое состояніе и хочетъ на послѣднія свои средства. . . — Арсеничъ при этихъ словахъ съ трудомъ овладѣлъ голосомъ. . . — и хочетъ, говоритъ, на послѣднія свои средства провести ночь прекрасной любви. . . А будучи, напримѣръ, допущенъ къ ней, несказанно пльнилъ ее своей младостью и томной грустью, и порѣшили они тутъ же умереть одной смертью въ одинъ часъ и даже мигъ. Да Господь-то, видно, не по-ихнему судиль! Можетъ, на то вонъ Ея святая воля была, — сказала Арсеничъ, поднимая воспаленные глаза и указывая ими на Богоматерь. — Всякія тамъ богини никогда не могли по-нашему страдать и сердечность имѣть, онѣ

только страсть свою питали, а вѣдь Она Сама за Свою любовь къ кресту пошла скорбѣть. . . Но только Спаситель Ей такъ сказалъ: «Не плачь, Моя мать, дѣва Марія, Моя мука — животъ вѣчный отнынѣ и во вѣки вѣковъ. . .»

И Арсеничъ, заплакавъ, на минуту смолкъ, прижимая рукавъ къ лицу, облитому слезами.

— Все? — тихо спросили дѣти, подождаявъ продолженія.

— Нѣтъ-съ, не все еще, — со вздохомъ облегченія сказалъ Арсеничъ. — Они, докладывая вамъ, умереть рѣшились, и, конечно, молодой графъ тотчасъ-же скончались, а ее этотъ ядъ не могъ взять, ей вскорости полегчало, и осталась она еще жить на бѣломъ свѣтѣ, чтобы, на примѣръ, пострадать и награду получить за свою первую и послѣднюю любовь. . . Мужское дѣло, конечно, иное. . . мужчина можетъ, и любя свой предметъ, прельщаться на другихъ, а ужъ женщина нѣтъ, никогда себѣ этого не позволить, она, можетъ, оттого и грѣхъ дѣлаетъ, что не нашла себѣ достойнаго. . . Ну, вотъ такъ и тутъ. Она, конечно, даже въ лицѣ измѣнилась, исхудѣла, стала еще прекраснѣе прежняго и совсѣмъ отвратилась, на примѣръ, отъ бездушной свѣтской жизни, стала negliжировать своими обязанностями и ужъ ни за какія благи въ мѣрѣ не соглашалась предать свое тѣло любовной ласкѣ, полюбивши одного до гробовой доски. Тутъ, въ скоромъ-ли, въ долгомъ-ли времени, хозяйка оказалась ей недовольна, зачала ее всячески мальтретировать, она же безо всякаго отвѣту собрала въ ночное время всѣ, на примѣръ, свои браліанты, золото и сѣребро, всякіе тамъ самоцвѣтные камни и брошки, какіе ей надарили, за-

вязала ихъ въ узелочекъ да и удалилась въ садъ, а изъ саду — въ чистое поле, въ дремучій лѣсъ, гдѣ, можетъ, только одни орлы скрыжутъ да рыси по дубамъ прядаютъ. Взяла она, значитъ, съ собой лишь этотъ узелокъ, да, на примѣръ, материно благословеніе, образъ Николая угодника въ серебряной-вызолоченной ризѣ, идетъ по межамъ куда глаза глядятъ и плачетъ горькими слезьми, не хуже меня такого-то — конечно, ужъ отъ радости, что вырвалась, значитъ, на волю, подъ голубыя небеса, и доходитъ до большого стада. Пастухъ спрашиваетъ, кто она такая, а она безо всякаго страха подходитъ прямо къ нему, отдаетъ ему свой драгоценный узелокъ, всякія свои рѣдкости, снимаетъ съ себя роскошные наряды и кринолины и проситъ его отдать ей свое нищее рубище. Тотъ, понятно, радъ-радехонекъ, скинулъ поскорѣй свой пошлый зипунъ и прикрываетъ, на примѣръ, ея почестъ нагое тѣло. А она, низко ему поклонившись, идетъ бѣдной странницей дальше и приходитъ въ тихій монастырь, въ прекрасную женскую обитель въ этомъ дремучемъ лѣсу, проситъ старицу принять ее простой послушницей и начинаетъ вмѣстѣ съ ними спасаться, грѣхи свои, на примѣръ, замаливать и изо всѣхъ силъ проситъ себѣ у Бога вѣчной-безконечной жизни.

— Гдѣ тля тлитъ, — добавилъ Вадя, вспоминая прежніе рассказы Арсенича.

— Нѣтъ, сударь, не тля, — сказалъ Арсеничъ, — а напротивъ того, радость безмѣрная. И вотъ, по волѣ Божьей, происходитъ такой нечаянный случай: оказался въ той обители старецъ древній, живописецъ крѣпостной, пожелавшій къ монахинямъ на спокой уда-

литься. Писалъ онъ, на примѣръ, всякіе образа, всякія священныя живописи для ихней церкви и начинаеть, видя ея красоту и муку, всякій ея самый низкій трудъ, умолять ея дозволить списать съ нея образъ Царицы Небесной всѣхъ скорбящихъ радостей. Она падаетъ въ ноги ему, заклиняетъ Христомъ Богомъ не дѣлать того. «Я говоритъ, великая грѣшница, я предана вѣчному унынію — смертному грѣху, я имѣю на душѣ страшную тайну», — ну, словомъ, почестъ признается, что я, моль, и до сихъ поръ не могу разстаться съ любовью къ одному человѣку... да наконецъ того просто и одежда моя не дозволяетъ, я, моль, въ черной блѣдной рясѣ, а снять ея не могу ни на одну минуту — такой обѣтъ Богу дала... Но только тотъ старецъ остается, на примѣръ, непреклоненъ: говоритъ, эта одежда разрѣшается, ты блѣдна и прекрасна, какъ мраморный группъ, и черный цвѣтъ тебѣ какъ нельзя кстати... Жалуется, наконецъ, самой матери-игуменьѣ... А та возьми да и прикажи немедленно же снять этотъ портретъ съ нея. Старецъ, конечно, радуется несказанно, регулярно дѣлаетъ свое дѣло — остается только вѣнчикъ золотой округъ головы подрисовать и въ церковь несть... И ужъ хотѣли-было такъ и сдѣлать, какъ думали, — дописать и освятить этотъ образъ прелестный, что-бы въ церковь его, на примѣръ, поставить, какъ оказывается вдругъ страшное, несказанное дѣло: оказывается, эта дѣвица Елена... ну, просто сказать, тяжелая — и ужъ никакъ нельзя ей скрывать этого больше, сама природа не дозволяетъ... Боже мой, — воскликнулъ Арсеничъ, качая головой: — что тутъ было дѣлать монахинямъ! Свѣтъ вездѣ бездушень, а вѣдь она плодъ любви понесла! Она ни-

когда того положенія не знала, не могла, не любя, зачать дитя въ своей утробѣ, а тутъ полюбила какъ на грѣхъ, а ужъ разъ она стала не простая дѣвица, а мать беременная, какъ могла она блудъ въ этомъ случаѣ творить?

— Они ее убить велѣли? — спросилъ Митя.

— Нѣтъ-съ, хуже — онѣ ее, въ ночь-полночь, въ лѣсъ выгнали, — сказалъ Арсеничъ. — И вотъ извольте подумать, что она должна была прочувствовать въ этомъ случаѣ? Можетъ, одна Эекла-старица то испытала въ сновидѣніи, въ хожденіи своей души по мукамъ. А вѣдь, однако, одинъ платочекъ бѣлый, какой она подала нищему старику и какой ангелъ на вѣсы, въ посрамленіе бѣсамъ, кинулъ, и то спасъ ее, всѣхъ ея грѣховъ тяжелѣе оказался!

— А зачѣмъ ее выгнали въ лѣсъ? — спросили дѣти.

— А куда же-съ? — отвѣтилъ Арсеничъ. — Конечно, въ лѣсъ дремучій, непроходимый. . .

— Гдѣ орлы скрыжуютъ, — добавилъ Вадя.

— Истинно-съ, гдѣ орлы скрыжуютъ и всякій звѣрь необузданный съѣсть можетъ, — повторилъ Арсеничъ съ горькимъ торжествомъ. — Гдѣ дивья темь лѣсная и одна скала-пещера могла служить ей приютомъ! А она въ той пещерѣ принуждена была дитя родить, и пеленаетъ его, на примѣръ, чѣмъ можетъ, деретъ въ этомъ случаѣ свою послѣднюю рубашку на свивальнички, а тутъ, можетъ, всякія рыси голосятъ, глядятъ съ дубовъ зелеными глазами и летитъ и шумитъ сама птица-Игра, — Арсеничъ крѣпко сдѣлалъ удареніе на первой буквѣ, — летитъ птица-Игра, вся бѣлая съ черными крыльями, вѣтса, кричитъ, хочетъ

его, напрімѣръ, крыльями до смерти затрепать. . . И, конечно, не смогли они, беззащитный младенецъ съ матерью, стерпѣть такой муки, голоду-холоду, поруганія, и тутъ же и скончались, потому что у ней не только молока въ грудяхъ, а и хлѣба ни синь пороха не осталось для пропитанія. . . И что же тутъ случилось, какое внезапное чудо! Звѣри, птицы, и тѣ възрыдали, возскорбѣли о ней, и такой вихорь поднялся по лѣсу, что въ самую ночь-полночь проснулась вся обитель отъ такого шуму, а древній этотъ старецъ, живописецъ, вскочилъ, напрімѣръ, съ ложа въ своемъ студіи, слышитъ въ этомъ страшномъ шумѣ чей-то голосъ, повелѣвающей ему поскорѣе въ лѣсъ итти, — и, какъ былъ, такъ и выбѣгаетъ вонъ, всѣхъ будить, зоветъ мать-игуменью, зоветъ самую старую старицу-схимницу — и отправляются они, значить, въ трехъ лицахъ, съ огнями, съ фонарями, въ этотъ самый непроходимый лѣсъ. А тамъ, напрімѣръ, только ужъ бездыханное тѣло лежитъ! Стоитъ чаща дремучая — и лежитъ подъ ней, подъ сосной, которая певгъ называется, мать красы неописанной, вся какъ снѣгъ бѣлая, въ своей ризѣ черной, гробной, съ мертвымъ младенцемъ у бесплодной груди — и горитъ округъ ея головы вѣнчикъ огненный, весь ликъ ея блѣдный и ризу озаряетъ: значить, тотъ самый, какой не насмѣлился старецъ-живописецъ на своей иконѣ подрисовать, узнавши о грѣхѣ Елены, про то, кто она такая въ міру была! — Это ли-съ не чудо великое, это ли не указаніе? — воскликнулъ Арсеничъ восторженно и горько, глядя на дѣтей вопрошающими красными глазами, отъ которыхъ еще бѣлѣе казалась его взлохмаченная сѣдина.

— Ее въ монастырь принесли? — спросили дѣти.

— Понятно-съ, куда же больше. И, конечно, съ великими почестями отпѣли и схоронили, какъ мощи, въ самой церкви, даже и съ младенцемъ вмѣстѣ, и къ ручкѣ ея со слезами прикладались. . . Вотъ тутъ-то, небось, и вспомнили, что апостолы-то святые намъ наказывали: помните, моль, — великое, несмѣтное множество грѣховъ прикрываетъ любовь!

Темная свѣча поыхала, какъ лучина. Арсеничъ смолкъ и долго молчалъ въ какой-то думѣ, глядя на свою руку и на ветошку, зажатую въ ней. Митя пристально и серьезно ковырялъ подсвѣчникъ, облитый застывшимъ саломъ. Вадя не сводилъ съ огня неподвижныхъ и уже дремотныхъ глазъ. Въ залѣ опять играли польку Анну, и кто-то, смѣясь, кричалъ: «Не пускать, не пускать!» Вдругъ Вадя очнулся и спросилъ охрипшимъ голоскомъ:

— А вы будете святой?

Арсеничъ закачалъ головой.

— Ахъ, сударь, какой вы грѣхъ великій говорите! Да я, какъ песь какой, округъ господъ весь вѣкъ свѣковалъ, дня одного страданія не зналъ! За что же награждать-то меня?

— А вы это все сами выдумали?

— Боже избави! Я все это по народу слышу да изъ книгъ сличаю-съ. Сижу и читаю на гулянкахъ, — у меня книги безподобныя, старинныя есть. . . Душа у меня, правда, не нонѣшняго вѣку. . . Мнѣ Господь не по заслугамъ великій даръ далъ. Этого дару старцы валаамскіе только при великой древности, да и то не всѣ, домогаются. Этотъ прелестный даръ, слезный даръ

называется. А ужь какъ я стихи, напримѣръ, люблю, того и сказать даже невозможно!

И, глядя на дѣтей грустно-радостными глазами, Арсеничъ, на старинный ладъ, пѣвуче растягивая тѣ гласныя, на которыя по размѣру падало удареніе, декламировалъ:

И въ послѣдній мой часъ я завѣтъ вамъ даю:

Посадите вы ель на могилу мою!

За окномъ, по сугробамъ, скрипѣли полозья саней, со скрипомъ шли къ крыльцу лошади, громыхая бубенчиками: кто-то, счастливый, уѣзжалъ въ свѣтлую морозную ночь, въ тѣ туманно-серебристые лѣса, что сказочно темнѣли по косогорамъ за лугами.

Въ залъ вприпрыжку кружилась полька — и Арсеничъ, закрывъ глаза, съ чуть замѣтной счастливой улыбкой, покачивалъ въ тактъ головою.

— Ахъ, но и свѣтская жизнь хороша-сь! — сказалъ онъ, вздыхая. — И кабы моя воля, прожилъ бы я на свѣтѣ тыщу лѣтъ!

— А зачѣмъ?

— А затѣмъ-сь, что все бы жилъ, смотрѣлъ, на Божій свѣтъ дивился... Очень я разстроился нонче, раздумавшись объ этой Еленѣ, вѣчной печальницѣ, а потомъ вспомнилъ, напримѣръ, великомученика Вонифатія — и залился въ три рѣвки отъ радости! Тоже простого званія человекъ былъ... рабъ крѣпостной, только и всего-сь... И ужь совсѣмъ иного складу: отпѣтый бокутирь, безпутная головушка, все ни по чемъ... Пишутъ его, напримѣръ, на образахъ русымъ... въ житіи такъ прямо и сказано: желтоволосъ былъ, — значитъ, весь, небось, въ веснушкахъ, ростомъ не великъ, и глаза веселые, наигранные, не то что

у этой Елены страдальцы. Былъ онъ въ городѣ Римѣ, у госпожи своей Аглаиды стольникомъ, при столѣ, на-примѣръ, прислуживалъ — ну, и пѣвчилъ ее... Въ житіи, конечно, ужъ очень бездушно сказано — молъ, не будучи замужней, жизнь свою протекала въ грѣхахъ, сдѣлалась преклонна своимъ похотямъ, проживала въ незаконномъ сожителствѣ съ рабомъ своимъ Вонифатіемъ, а ежели судить въ этомъ случаѣ по чело-вѣчеству, то, небось, такъ случилось: увидитъ его, глянетъ и усмѣхнется, — вотъ, молъ, счастливый, хо-рошій чело-вѣкъ, а тамъ и полюбила и приблизила къ себѣ... Ну, живутъ они такимъ побытомъ годъ, жи-вуть другой, она за нимъ, небось, какъ за ребенкомъ заботится, — есть такія женщины ласковыя, прелест-ныя, богомольныя душой, хоть и въ грѣхѣ всегда, ни-кому, на-примѣръ, не умѣютъ отказать по своей доб-ротѣ... Онъ день и ночь съ пріятелями, на гитарахъ тамъ на разныхъ играетъ и вино пьетъ, — въ житіи такъ и сказано: былъ обуреваемъ страстями, погряз-залъ въ грѣхахъ, — а она все дома, шьетъ, небось, ему, нѣжно о немъ думаетъ, всѣ измѣны прощаетъ ему, въ родѣ матери... Только-съ время-то не ждетъ, прохо-дятъ, на-примѣръ, ея лѣта, стала она надъ своей судь-бой задумываться, иной разъ, небось, и поплачетъ тишкѣмъ... И, какъ говорится, насмѣлилась разъ. До-рогой, говоритъ, мой возлюбленный, есть у меня меч-та завѣтная: я для тебя всѣмъ пожертвовала, ни лю-дей ни Бога, на-примѣръ, не боялась, а живемъ мы все-таки не вѣнчаные, не признанные — надо намъ въ домъ часть мощей внести, просвѣтитъ нашъ домъ, очи-ститъ. Умоляю тебя — снаряди корабль, возьми зла-та, серебра, дорогихъ благовонныхъ плащаницъ вся-

жихъ, чтобы, на примѣръ, эти честныя мощи увить, и плыви ты въ Киликійскую страну, въ городъ Тарсъ, тамъ много святыхъ страстотерпцевъ свои главы за Христа сложили. . . Ну, онъ, конечно, на это соглашается, снаряжаетъ корабль парусный, устилаетъ его, на примѣръ, всякими коврами и шелками шамаханскими и отплываетъ въ путь съ друзьями-пріятелями, съ винами, съ музыкой, со всякой дворовой прислугой. . .

— А дорогой буря поднялась? — спросили дѣти.

— Нѣтъ-съ, напротивъ того, всѣ они преблагополучно достигли тѣхъ странъ. Опустили тамъ всѣ свои якоря, паруса — и отправляется онъ въ этотъ городъ Тарсъ, въ гостинный домъ, чтобы, значить, отдохнуть, погулять, а съ утра и за дѣло взяться. Проходитъ, на примѣръ, градскія ворота, идетъ вверхъ по улицѣ, конечно, безпечный, беззаботный, напѣваетъ свою арію и вдругъ слышитъ страшный шумъ. . . Спѣшитъ, понятно, поскорѣй туда и видитъ безчеловѣчное смертоубійство: сгрудился народъ на площади, кричитъ, махаетъ руками и требуетъ казни, а посередь площади сидитъ жестокой судья и мучаетъ лютѣйшими муками святыхъ христіанъ, — кого велитъ на-двое рубить, кому глаза выколоть, кому голову отсѣчь, — а передъ нимъ старецъ на колѣняхъ, преклонилъ подъ острый обоюдный мечъ и восклицаетъ въ свой послѣдній часъ: «Да святится имя Господне, Христово, пречистое!» И какъ услыхалъ это Вонифатій, этотъ, на примѣръ, беззавѣтный бокутирь, такъ и загорѣлся весь, — въ житіи такъ прямо и сказано: — возвеселился духомъ за имя Господне, — кинулся въ самый народъ, выско-чилъ напередъ всѣхъ да и подхвати, даже не подумавши, тотъ старцевъ крикъ: «Да прославится, моль, имя

Господнее! . . . Что вы, моль, дѣлаете, язычники бездушные, пропустите меня — хочу и я пострадать за Спасителя!» Тутъ всѣ, понятно, къ нему — ужасаются за него, уговариваютъ — побойся, напимѣрь, за жизнь свою, одумайся, ты — чужеземный гость, какое тебѣ дѣло. . . А онъ — все свое: «Знать ничего не хочу, недостойны вы меня склонить, прельстить — проклинаю вашихъ мраморныхъ боговъ, сѣките мнѣ голову!» Разорвалъ единымъ махомъ всѣ свои одежды разноцвѣтныя, палъ на колѣни середь площади, уронилъ свою головушку. . .

— И принялъ мечное сѣченіе — добавилъ Вадя тихо.

— Да-съ, и принялъ мечное сѣченіе, ненаглядная моя дѣточка! — воскликнулъ Арсеничъ и, поймавъ его ручку, крѣпко прижался къ ней своими холодными губами, на которыя закапали горячія слезы. — Ну, да что! — прошепталъ онъ потомъ, отвертываясь и ловя по столу свой платокъ. — Никуда я сталъ, совсѣмъ никуда!

Утершись, онъ досталъ изъ кармана осьмушку табаку, сталъ, облегченно вздыхая, вертѣть толстую папиросу. Дѣти долго смотрѣли то на его сѣдую голову, то на большую дрожащую тѣнь ея на стѣнѣ, слушая нестройный, уже застольный говоръ и смѣхъ въ залѣ.

— Вамъ Вонифатій больше нравится? — строго спросилъ Митя.

— Грѣшный человѣкъ, — прошепталъ Арсеничъ, поспѣшно наклоняясь, чтобы языкомъ заклеить свою вертушку, — больше-съ!

Капри. 23. I. 1914.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ

На Оминой недѣль, въ ясный, чуть розовый вечеръ, въ ту прелестную пору, когда земля только-что вышла изъ-подъ снѣга, когда въ степныхъ лощинкахъ еще лежитъ подъ голыми дубками сѣрый затвердѣвшій снѣжокъ, ходилъ по одной елецкой деревнѣ, отъ двора къ двору, старикъ-нищій — безъ шапки, съ длинной холщевой кисой черезъ плечо.

Деревня эта большая, но молчаливая, полевая. Да и вечеръ такой выдался. Пусто было вдоль безконечно разливагося глинистаго пруда, на ровномъ выгонѣ, гдѣ, въ тѣни отъ избъ и пунекъ, шель, держа въ рукѣ высокую орѣховую палку, этотъ лысый и еще черный старикъ, похожій на святителя. Выгонъ чисто, ярко зеленѣлъ, въ воздухѣ свѣжѣло, прудъ, выпукло-полный, зеркально-тѣлеснаго тона, очень хорошъ былъ, хотя еще плавала на немъ одна бутылочно-зеленая, въ рыжемъ навозѣ, льдина. Гдѣ-то на томъ боку, тепло и ласково освѣщенномъ въ упоръ низкимъ солнцемъ, — гдѣ-то, какъ казалось, очень далеко, — плакалъ ребенокъ, заблудившійся за какой-нибудь ригой или амбаромъ, и мило было слушать по зарѣ его жалобный однообразный плачь. . . Но подавали плохо.

Тамъ, при вѣздѣ, возлѣ стараго богатаго двора съ вѣковыми дубами въ грачиныхъ гнѣздахъ за темно-красной кирпичной избой въ три связи, подала молодая сѣроглазая бабочка, да и то пустякъ. Стояла она у каменнаго порога среди подсыхающей весенней грязи, на тугой тропинкѣ, держала сидѣвшую у нея на рукахъ хорошенькую дѣвочку съ безсмысленными голубыми глазами, въ разнололоскутномъ чепчикѣ, и, прижимая ее къ себѣ, плясала, притоптывала босыми ногами и повертывалась, раздувая ситцевую юбку.

— Вонъ старикъ, сейчасъ въ сумку отдамъ, — заговорила она сквозь зубы, впиваясь губами въ щечку дѣвочки: —

Ппайду плясать,
Альни полъ хруститъ. . .

И, перевернувшись, перемѣнила голосъ на звонкій, кому-то подражающій, кокетливый:

— Старикъ, старикъ, не надобно-ли вамъ дѣвочку?

Дѣвочка не испугалась, она спокойно сусолила толстую баранку — и мать, шутя, на всѣ лады, стала уговаривать дѣвочку отдать ее подошедшему и улыбавшемуся нищему:

— Отдай, дѣточка, отдай, а то мы съ тобой во всемъ дворѣ однѣ-одинешеньки, намъ и милостинку сотворить не изъ чего. . .

И дѣвочка тупо протянула короткую ручку, свой маленькій кулачекъ съ зажатой въ немъ слюнявой котелкой. И нищій, съ улыбкой качая головой на чужое счастье, взялъ и пошелъ, на ходу закусывая.

Онъ шелъ, держа палку наотлетъ, наготовѣ: то ку-

баремъ катится подъ ноги злая хрипучая шавка — и, докатившись, неожиданно смолкаетъ; то желтый пушистый кобель яростно деретъ, кидаетъ землю задними ногами, стоя возлѣ пуньки, и рычитъ, захлебываясь, съ огненными глазами. . . Подойдя къ избѣ, къ маленькому окошечку, нищій смиренно кланялся и легонько стучалъ батошкой въ раму. Но часто никто не отзывался на этотъ стукъ: еще досѣвали, допахивали многие, были въ полѣ. И старая крестьянская душа даже втайнѣ радовалась: въ полѣ народъ. . . это время годъ кормить. . . не до нищихъ. . . А порой за стеклами, въ которыя постукивалъ нищій, склонялась сидѣвшая на лавкѣ съ груднымъ на рукахъ бѣлолицая баба. Въ окошечкѣ, маленькомъ, бѣдномъ, она казалась очень большой. Ничуть не стыдясь, что нищій видитъ ея мягкую пшеничную грудь, она махала крупной рукой въ серебряныхъ кольцахъ, а ребенокъ, не выпуская сладкаго соска изо рта, лежалъ, смотрѣлъ ей въ лицо темными ясными глазами, дралъ голыя каряжки въ розовыхъ точкахъ отъ блохъ. — «Богъ дастъ, не прогнѣвайся!» — говорила баба спокойно. Что до старухъ, то каждая, болѣзненно морщилась, непримѣнно высовывалась наружу и долго жаловалась, все твердила, что рада-бѣ радостью подать, да нечего. . . всѣ въ полѣ. . . а безъ спросу боязно, ее, старуху, и такъ заглодали. . . Нищій соглашался, говорилъ: — «Ну, прости за ради Бога» — и шелъ дальше.

Онъ сдѣлалъ за день версть тридцать и ничуть не утомился: только одеревянѣли, притупились, стали неладно вилять ноги. Длинный мѣшокъ его былъ до половины набитъ корками и кое-какимъ добришкомъ; а подъ низками, подъ армякомъ въ большихъ запла-

тахъ, подъ овчиной курткой и заношенной рубахой, давно висѣла на крестѣ ладанка, гдѣ зашто было девяносто два рубля бумажками. И на душѣ у него было покойно. Конечно, старь, худь, вывѣтрился, — ротъ стянутый, пересохшій дочерна, носъ какъ кость, шея вся въ трещинахъ, клѣтчатая, точно пробковая, — но бодрь еще. Глаза, когда-то бывшіе черными, гноились и туманились легкими бѣльмами; да все-таки видѣли — и полноводный прудъ, и розовый свѣтъ на избахъ на томъ боку, и даже чистое блѣдное небо. Воздухъ свѣжѣлъ, слышнѣе, но какъ будто еще дальше замиралъ дѣтскій плачь, пахло холодѣющей травой... Два голубя дружно пронеслись надъ крышами, пали на глинистомъ бережку и, подымая головки, стали пить... Давеча на большой дорогѣ, въ одинокомъ дворѣ, расщедрились бабы: подали большой кусокъ коленкора и хорошіе, совсѣмъ еще хотъ куда штаны: справилъ себѣ ихній малый, да придавило его въ ямѣ, въ пищулѣ, гдѣ мужики глину копали. Теперь нищій шелъ и думалъ: не то сбыть ихъ, не то самому надѣть, а свои, ужъ очень непарадные, въ полѣ подъ межу кинуть?

Кончивъ деревню, онъ пошелъ въ короткій переулочекъ, на выѣздъ въ степь. И въ глаза ему глянуло лучистое, погожее апрѣльское солнце, опускавшееся далеко за равниной, за сѣрыми парами и яровыми взметами. На самомъ выѣздѣ, на поворотѣ укатанной блестящей дороги въ ту дальнюю притынную деревушку, гдѣ думалъ заночевать нищій, стояла небольшая новая изба, плотно крытая вприческу лимоннаго цвѣта старновкой. Ото всѣхъ отдѣлясь, поселились тутъ съ годъ тому назадъ, — еще щепя валялась кое-гдѣ, — мужъ съ женой, люди хозяйственные и пріятные, тайкомъ

торговавшіе водкой. Нищій и пошелъ прямо къ этой избѣ: штаны можно было продать хозяину ея; да любилъ онъ и просто заходить въ нее, любилъ за то, что живетъ она какой-то своей особенной жизнью, тихой и прочной, стоитъ на вывздѣ и глядитъ чистыми окошечками на закатъ солнца, при которомъ допѣваютъ въ холодбующемъ воздухѣ свои вечернія пѣсни жаворонки. Подъ глухой стѣной, выходящей въ переулокъ, была тѣнь. А съ лица было весело. Прошлой осенью хозяинъ посадилъ подъ окошечками три куста акаціи. Теперь они принялись и уже опушились желтоватой зеленью, нѣжной, какъ на вербѣ. Обойдя ихъ, нищій вошелъ черезъ сѣни въ горницу.

Сперва, послѣ солнца, онъ ничего не видѣлъ, хотя солнце и сюда глядѣло, освѣщая голубой прозрачный дымъ, плававшій надъ столомъ, подъ висячей жестяной лампой. Выгадывая время для глазъ, онъ долго кланялся, крестился на новую фольговую икону въ углу. Потомъ сложилъ мѣшокъ и палку возлѣ двери на полъ и различилъ крупнаго мужика въ лаптяхъ и оборванномъ полушубкѣ, сидѣвшаго спиной къ двери, на скамейкѣ за столомъ, а на лавкѣ — нарядную хозяйку.

— Благодать вамъ Господня, — негромко сказалъ онъ ей, еще разъ кланяясь. — Съ прошедчимъ праздникомъ.

Хотѣль-было спѣть «Христось воскресе», да почувствовалъ, что будетъ некстати, и подумалъ:

— А хозяина-то, знать, дома нѣту. . . Жалко.

Хозяйка была хороша собой, съ ладнымъ станомъ, съ бѣлыми руками, точно и не баба простая. Одѣта она была, какъ всегда, по-праздничному: перловое оже-

релье, миткалевая сорочка съ тонкими вздутыми рукавами, краснымъ и синимъ расшитая занавѣска, шерстяная кубовая юбка въ кирпичную клѣтку и грубые, но крѣпко и по ногѣ сшитые полсапожки со стальными подковками. Склонивъ аккуратную голову, чистое лицо, она вышивала рубаху мужу. Когда нищій поздоровался, она подняла на него твердые, безъ блеску глаза, пристально посмотрѣла и привѣтливо кивнула. Потомъ, легонько вздохнувъ, отложила работу, ловко воткнула въ нее иголку, прошла, постукивая по деревянному полу полусапожками и виляя задомъ, къ печкѣ, вынула изъ шкапчика косушку водки и толстую чашку въ синихъ разводахъ.

— А притомился, однако... — какъ-бы про себя сказалъ нищій — и въ извиненіе за водку, и слегка смущаясь молчаніемъ не повернувшася къ нему мужика.

Мягко ступая лаптями, скромно обойдя его, онъ сѣлъ на другую лавку, на уголь стола, напротивъ. А хозяйка поставила передъ нимъ косушку, чашку и вернулась къ работѣ. Тогда тяжело поднялъ голову этотъ здоровый оборванный степнякъ, — передъ нимъ зеленѣлъ цѣлый полштофъ, — и, прищурившись, уставился на своего скромнаго собутельника. Можетъ, онъ и притворялся малость; но все-же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутнымъ блескомъ хмеля, пересмягшія губы полураскрыты, точно въ жару: видно, ужъ не первый день пилъ онъ. И нищій слегка подтянулся и осторожно сталъ наливать свою чашку. Чтожъ, моль, всякій свое пьетъ... тутъ шинокъ, и мы другъ дружкѣ не мѣшаемъ. Онъ поднялъ голову, и туманно-черные глаза его цвѣта спѣлаго терна и весь

вывѣтренный и загрубѣвшій въ степи ликъ ничего не выражали.

— Гдѣ таскался? — грубо и шало спросилъ мужикъ. — Воровать пришелъ, благо народъ въ полѣ?

— Зачѣмъ воровать? — ровно и скромно отозвался нищій. — У меня шесть человѣкъ дѣтей было, свой домъ, хозяйство. . .

— Слѣпой, слѣпой, а, небось, сколько натаскалъ перьевъ, прутьевъ у свою яругу!

— Зачѣмъ? Я въ черной работѣ на шахтахъ харьцызскихъ десять лѣтъ работалъ. . .

— Энто не работа. Энто. . .

— Ты лишняго не говори, — не возвышая голоса, не поднимая рѣсницъ, сказала хозяйка и перекусила нитку. — Я похабнаго не слушаю. Отъ мужа еще не слыхала.

— Ну, молчи, не буду. . . барыня! — сказалъ мужикъ. — Низвините. . . Я тебя спрашиваю, — сказалъ онъ, нахмуриваясь, нищему: — какія такія шахты, когда земля не сѣяна, не скорожена?

— Да вѣдь, конечно. . . у кого она есть, къ примѣру. . .

— погоди, я тебѣ умнѣй! — сказалъ мужикъ, хлопнувъ ладонью по столу. — Отвѣчай на вопросъ: въ солдатахъ служилъ?

— Ундеръ-церъ десятаго гренадерскаго малороссійскаго генераль-фитъмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка. . . Какъ-же такъ не служилъ?

— Молчи, не вякай лишняго! Въ какомъ году взяли?

— Семьдесятъ шестомъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

— Ничѣмъ не былъ провиненъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Начальство ублажалъ?

— Не могъ того не дѣлать. Присягу прималъ.

— А это что за шрамъ на шеѣ? Понялъ, ай нѣтъ, куда я вижу? — Это я его испытываю, — сказалъ мужикъ, угрюмо двигая бровями, но мѣняя властный тонъ на болѣе простой и обращая къ хозяйкѣ свое шальное лицо, золотисто освѣщенное сквозь табачный дымъ закатомъ. — Я его насквозь вижу... Я бѣденъ, бѣденъ, а не одного такого-то оброталъ! Не лаптемъ то же щи хлебаю!

И опять нахмурился, взглянувъ на нищаго:

— Передъ святымъ крестомъ-евангеліемъ преклонялся?

— Такъ точно, — отвѣтилъ нищій, успѣвшей вытереться рукавомъ, сѣсть опять прямо и придать своему лицу и туманнымъ глазамъ безстрастное выраженіе.

Мужикъ мутно оглядѣлъ его:

— Встань передо мной!

— Не шуми. Тебѣ сказано, ай нѣтъ? — спокойно вмѣшалась хозяйка.

— Постой ты за ради Бога, — отмахнулся мужикъ и повторилъ: — Встань передо мной!

— Да что-й-то вы, ей-Богу... — забормоталъ было нищій.

— Встать, тебѣ говорятъ! — крикнулъ мужикъ. — Я тебѣ вопросъ сдѣлаю.

Нищій поднялся и переступилъ съ ноги на ногу.

— Руки по швамъ! Такъ. Пачпортъ есть?

— Да ай вы урядникъ, что-ли. . .

— Молчи, не смѣй такъ со мной бадакать! Я умнѣй тебѣ! Я самъ тянулся. Показывай сію минуту!

Покорно, поспѣшно отстегнувъ крючки армяка, потомъ овчинной куртки, нищій долго рылся за пазухой. Наконецъ выгнулъ завернутую въ красный платокъ бумагу.

— Подай сюда, — отрывисто сказалъ мужикъ.

И, развернувъ платочекъ, нищій подалъ ему истертую сѣрую книжечку съ большой сургучной печатью. Мужикъ неловко раскрылъ ее корявыми пальцами и, дѣлая видъ, что читаетъ, далеко отставилъ отъ себя, откинулся и долго смотрѣлъ сквозь дымъ и краснѣющій свѣтъ зари.

— Такъ. Вижу. Все въ аккуратѣ. Бери назадъ, — съ трудомъ сказалъ онъ спекшимися губами. — Я бѣденъ, бѣденъ, я, можетъ, другую весну не пашу, не сѣю. . . меня люди зарѣзали, я у него, у собаки, въ ногахъ валялся. . . а мнѣ, можетъ, цѣны нѣту. . . А что наворовалъ, сказывай, а то убью сейчасъ! — крикнулъ онъ свирѣпо. — Я все знаю, все прійзошелъ. . . самъ въ смоль кипѣлъ. . . Жизнь намъ Господь даетъ, а отымаетъ ее всякая гадина. . . Давай сюда мѣшокъ и болъ никакихъ!

Хозяйка только головой качнула и отклонилась отъ вышивки, разглядывая ее. Нищій пошелъ къ двери, подалъ мужику и мѣшокъ. Мужикъ взялъ, положилъ возлѣ себя на скамейку и, приминая его, сказалъ:

— Правильно. Теперь садись, давай побалакаемъ. Я всѣ эти дѣла разбярю. Я свою ревизию сдѣлаю, не бойся!

И замолчалъ, уставившись въ столъ.

— Вясна. . . — пробормоталь онъ: — Ахъ, да несчастная субботушка, нельзя въ полъ работать. . . Дѣлай! — крикнуль онъ, стараясь щелкнуть пальцами:

Пошла барыня плясать,
Голубые пальцы. . .

И опять замолчалъ. Хозяйка заглаживала наперсткомъ вышивку.

— Я корову пойду доить, — сказала она, поднимаясь съ мѣста. — Огня безъ меня не вздувайте, а то еще пожару спьяну надѣлаете.

Мужикъ очнулся.

— Господи! — воскликнулъ онъ обиженно. — Хозяюшка! Да неужто мы. . . Объ мужу небось скучились?

— Это не твоя печаль, — сказала хозяйка. — Онъ въ городъ, по дѣлу. По кабакамъ не таскается.

— Потаскаешься! — сказалъ мужикъ. — Что-жъ мнѣ, ай подь дорогу теперь выходить? Вамъ, чертямъ, богатымъ, хорошо. . .

Хозяйка, захвативъ подойникъ, вышла. Въ избѣ темнѣло, было тихо, и розовый свѣтъ разливался въ темнотѣ, мягкой, весенней. Мужикъ, облокотясь на столъ, дремалъ, насасывая потухшую цыгарку. Нищій сидѣлъ смиренно, неслышно, прислоняясь къ темному простѣнку, и лица его почти не было видно.

— Пиво пьешь? — спросилъ мужикъ.

— Пью, — слышался негромкій отвѣтъ.

Мужикъ помолчалъ.

— Бродяги мы съ тобой, — сказалъ онъ хмуро и

задумчиво. — Сволотá несчастная... побирушки...
Мнѣ съ тобой скушно!

— Это правильно...

— А пиво я люблю, — опять помолчавъ, громко сказалъ мужикъ. — Не держить, стерва! А то бы я и пива выпилъ... и закусилъ-бы... у меня языкъ намокъ, ъсть хочется... Закусилъ-бы и выпилъ... да... А эта, хозяйка, хороша лицомъ! Мнѣ-бы такую-то на пристяжку, я бы... Ну, ничего, сиди, сиди... Я слѣпыхъ уважаю. Придетъ престольный праздникъ, я ихъ, слѣпыхъ-то, бывало, человекъ двадцать за столъ посажу, у насъ дворъ былъ — поискать такого-то! Они мнѣ и стихъ споютъ и поклоняются... Стихи можешь пѣть? Про Алексѣя Божьи человекъ? Я этотъ стихъ долюбая. Бери чашку, — своей угощу...

Взявъ изъ рукъ нищаго чашку, онъ поднялъ ее на слабый свѣтъ зари и налилъ до половины. Нищій всталъ, низко поклонился, выгянулъ чашку до дна и опять сѣлъ. Мужикъ потащилъ къ себѣ на колѣни его мѣшокъ и, развязывая, забормоталъ:

— Я тебя сразу понялъ... У меня, братъ, денегъ хватить, я тебѣ не ровня... Я ихъ хладнокровно проживаю... пропиваю... Въ годъ по лошади пропиваю, по хорошему барану прокуриваю... Ага! Накололся на мужичка, понялъ, кто я такой? А мнѣ тебѣ жалко... Я понимаю! Васъ, такихъ-то, тыщи весеннее время идутъ... Грязь, чичерь, ни путя ни дороги, а ты иди, кланяйся... да еще не то дадутъ, не то нѣтъ... Братъ! Разя я не понимаю? — спросилъ мужикъ горько, и глаза его наполнились слезами.

— Нѣтъ, вешнее время ничего, хорошо, — тихо ска-

заль нищій. — Идешь полемъ, большакѣмъ. . . одинъ, какъ есть. . . Опять-же солнушко, тепло. . . Правда, большія тысячи насъ такихъ-то идутъ. Поль-Россіи идетъ.

— Я двѣ лошади пропиль, — сказалъ мужикъ, выгребая изъ мѣшка коржи, выгаскивая жилетку, коленкоръ, штаны и лапотъ. — Я всѣ твои хрунки, лохмотья несчастные разберу. . . Стой! Брюки! Это я у тебя, съ деньгами справлюсь, обязательно куплю. . . Сколько?

Нищій подумалъ.

— Да я-бы за два отдалъ. . .

— Троякъ дамъ! — сказалъ мужикъ, поднимаясь, подсовывая подъ себя штаны и садясь на нихъ. — Мои! А лапотъ гдѣ другой? Совсѣмъ новый, — значитъ, обязательно укралъ. . . Ну, да ужъ лучше воровать, чѣмъ такъ-то, не хуже меня, сердце себѣ терзать вешнее время, съ голоду околѣвать, сѣнцы послѣднія раскрывать, когда послѣдній пастухъ, и тотъ при дѣлу. . . Я лошадь пропиль, а она, скотина-то, дороже человека стоитъ. . . Ай я не пахарь, не косецъ? — А теперь пой стихъ, а то убью сейчасъ! — крикнулъ онъ. — Мнѣ съ тобой скушно!

Дрожащимъ, скромнымъ, но привычнымъ голосомъ нищій запѣлъ изъ темноты:

Жили-были братья рѣдные,
Богомъ Христомъ братья сводные. . .

— Ахъ, да и сводная! — высоко и жалостно подхватилъ мужикъ, надрываясь.

Нищій ровнымъ церковнымъ напѣвомъ продолжалъ:

Одинъ бѣдень-скудень,
У гною-проказѣ. . .

— А другой бога-атый! — не въ ладъ, заглушая его, со слезами въ голосъ подхватилъ мужикъ. — Сердитый! — крикнулъ онъ, срываясь. — Мне горе съвѣло, у всѣхъ людей прозникъ, у всѣхъ людей съвѣ, а я грызу землю, она, родимая, другую весну у меня пустуя. . . Подай сюда чашку, а то убью сейчасъ! Открой мнѣ окошко!

И опять нищій покорно подалъ чашку. Потомъ сталъ отворять окно. Новое, оно забухло и долго не подавалось. Наконецъ подалось, распахнулось. Свѣжо, хорошо запахло полемъ. Поле было уже совсѣмъ темно, розовая заря потухла, чуть рѣяла надъ мягкой тьмой его, тихаго, счастливаго, оплодотвореннаго. Слышно было, какъ допѣвали свои самыя послѣднія пѣсни полусонныя жаворонки.

— Пой, Лазарь, пой, родный мой братецъ! — сказала мужикъ, протягивая нищему полную чашку. — Оба мы съ тобой. . . Только что ты передо мной? Бредяга! А я рабочій человекъ, всѣхъ страдающихъ поилецъ-кормилецъ. . .

Онъ тяжело, срыву сълъ и опять полѣзъ въ мѣшокъ.

— А это что у тебя такое? — спросилъ онъ, разглядывая коленкоръ, чуть порозовѣвшій отъ едва уловимаго свѣта зари.

— Такъ. . . бабы подали, — сказала нищій тихо, чувствуя, что отъ жмея все плыветъ подъ нимъ, что пора уходить, и что надо какъ-нибудь вытянуть изъ-подъ мужика штаны.

— Какъ — такъ? Брешешь! — крикнулъ мужикъ,

ударяя кулакомъ по столу. — Это саванъ! Вижу! Это гробный саванъ! — со слезами крикнулъ онъ и помолчалъ, какъ будто слушая затихающія пѣсни жаворонковъ. Потомъ отпихнулъ отъ себя мѣшокъ и, замотавъ лохматой головой, заплакалъ: — Возгордился я на Бога! — горько сказалъ онъ, плача.

И, натуживаясь, ладно, сильно запѣлъ:

Зародила-сохранила меня мать,
Непростительнаго!
Усѣ муки прійзашель,
Всѣ печали прійзашель,
Нигдѣ счастья не призрѣлъ!
Говорила мине мать,
Приговаривала:
Кабы знала-вѣдала,
Такой чады никогда
Не стерпѣла бы...

— Душа моя грѣшница, веретенница! — дико закричалъ онъ, плача, и вдругъ съ жуткимъ хохотомъ захолопалъ въ ладоши: — Нищій человекъ, отдай мнѣ свои деньги! Я тебѣ насквозь знаю, я тебѣ насквозь вижу — отдай! Знаю, что есть! Не можетъ того быть, чтобы не было, — отдай за ради самого Господа Бога!

И, шатаясь, поднялся, и у нищаго, тоже поднявшагося, отнялись ноги отъ страха, заныло въ ляжкахъ. Заплаканное лицо мужика, чуть видное въ сумеркахъ, было безумно.

— Отдай! — повторилъ онъ сразу охрипшимъ голосомъ. — За ради Царицы Небесной — отдай! Ви-

жу, вижу — за грудь, за пельки ухватился, — значить, есть, — у васъ у всѣхъ есть! Отдай — тебѣ все равно ни къ чему, ты въ гробу одной ногой, а я навѣкъ человѣкомъ стану! Отдай добромъ, — братъ, родной, не доводи до грѣха!

— Никакъ нѣтъ, — тихо и безстрастно сказалъ нищій.

— Какъ?

— Никакъ нѣтъ. Двадцать лѣтъ собиралъ. Не рѣшусь.

— Не отдашь? — силно спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ, — едва слышно, но непоколебимо сказалъ нищій.

Мужикъ долго молчалъ. Въ темнотѣ было слышно, какъ у обоихъ стучали сердца.

— Хорошо, — съ безумной покорностью проговорилъ мужикъ. — Я тебѣ убью. Пойду, найду камень и убью.

И, шатаясь, пошелъ къ порогу.

Нищій, прямо стоя въ темнотѣ, широко и медленно перекрестился. А мужикъ, быкомъ склонивъ голову, уже ходилъ подъ окнами.

Потомъ послышался хрусть, — видно, онъ выди-ралъ камень изъ фундамента.

И черезъ минуту дверь снова хлопнула — и нищій вытянулся еще болѣе.

— Остатній разъ тебѣ говорю... — пробормоталъ мужикъ спаленными губами, подходя къ нему съ большимъ бѣлымъ камнемъ въ рукахъ. — Братъ...

Нищій молчалъ. Лица его не было видно. Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откачнувшееся лицо хо-

лоднымъ камнемъ. Нищій рванулся назадъ и, падая, задѣвая лаптемъ столю, стукнулся затылкомъ объ лавку, потомъ объ полъ. И, навалившись на него, мужикъ сталъ яростно, сдавивъ въ груди дыханіе, перебивать ему камнемъ горло.

Черезъ десять минутъ онъ былъ уже далеко въ темномъ ровномъ полѣ. Было звѣдно, свѣжо, металлически пахло землей. Совсѣмъ трезвый, онъ шелъ такъ быстро и такъ легко, что, казалось, можно было еще сто верстъ пройти. Ладанку, сорванную съ креста нищаго, онъ крѣпко держалъ въ кулакѣ. Потомъ отшвырнулъ въ темные взметы. Глаза его стояли по-совиному, зубы были стиснуты, какъ клещи. Раскрытую голову, — шапку онъ не нашелъ въ темнотѣ, хотя искалъ долго, — обливало холодомъ. Она была какъ каменная.

Капри, 31. I. 1914.

БРАТЯ

Взгляни на братьевъ, избивающихъ другъ друга. Я хочу говорить о печали.

Сутта Нипата.

Дорога изъ Коломбо вдоль океана идетъ въ густыхъ кокосовыхъ лѣсахъ. Слѣва, въ ихъ тѣнистой глубинѣ, испещренной солнечнымъ свѣтомъ, подъ высокимъ навѣсомъ перистыхъ метелокъ-верхушекъ, разбросаны сингалезскія хижины, полускрытыя блѣдно-зелеными лопастями банановъ, такія низенькія по сравненію съ окружающимъ ихъ тропическимъ лѣсомъ. Справа, среди высокихъ и тонкихъ, въ разныя стороны и причудливо изогнутыхъ темнокольчатыхъ стволовъ, стелются глубокіе шелковистые пески, блестятъ золотое, жаркое зеркало водной глади и стоятъ на ней грубые паруса первобытныхъ пироговъ, утлыхъ сигароподобныхъ дубковъ. На пескахъ, въ райской наготѣ, валяются кофейныя тѣла черноволосыхъ подростковъ. Много этихъ тѣлъ плещется со смѣхомъ, крикомъ и въ теплой прозрачной водѣ каменистаго побережья... Казалось бы, зачѣмъ имъ, этимъ лѣснымъ людямъ, прямымъ наследникамъ земли прародителей, какъ и теперь еще называютъ Цейлонъ, зачѣмъ имъ города, центы, рупіи? Развѣ не все даютъ имъ лѣсъ, океанъ, солнце? Однако, входя въ лѣта, одни изъ нихъ торгуютъ, другіе работаютъ на рисовыхъ и чайныхъ плантаціяхъ,

третьи — на сѣверѣ острова — ловятъ жемчугъ, опускаясь на дно океана и поднимаясь оттуда съ кровавыми глазами, четвертые замѣняютъ лошадей, — возятъ европейцевъ по городамъ и окрестностямъ ихъ, по темно-краснымъ тропинкамъ, осѣненнымъ громадными сводами лѣсной зелени, по тому «кабуку», изъ котораго и былъ созданъ Адамъ: лошади плохо переносятъ цейлонскій зной, всякій богатый резидентъ, который держитъ лошадь, отправляетъ ее на лѣто въ горы, въ Кэнди, въ Нурилью.

На лѣвую руку рикши, между плечомъ и локтемъ, англичане, нынѣшніе хозяева острова, надѣваютъ бляху съ номеромъ. Есть простые номера, есть особенные. Старикку-сингалезу, рикшѣ, жившему въ одной изъ лѣсныхъ хижинъ подъ Коломбо, достался особенный, седьмой номеръ. «Зачѣмъ, сказалъ бы Возвышенный, зачѣмъ, монахи, захотѣлъ этотъ старый человекъ умножить свои земныя горести?» — «Затѣмъ, отвѣтили бы монахи, затѣмъ, Возвышенный, захотѣлъ этотъ старый человекъ умножить свои земныя горести, что былъ онъ движимъ земной любовью, тѣмъ, что отъ вѣка призываетъ всѣ существа къ существованію.» Онъ имѣлъ жену, сына и много маленькихъ дѣтей, не боясь того, что «кто имѣетъ ихъ, тотъ имѣетъ и заботу о нихъ.» Онъ былъ черенъ, очень худъ и невзраченъ, похожъ и на подростка и на женщину; посѣрѣли его длинные волосы, въ пучокъ собранные на затылкѣ и смазанные кокосовымъ масломъ, сморщилась кожа по всему тѣлу, или, лучше сказать, по костямъ; на бѣгу потъ ручьями лилъ съ его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокругъ жидкаго таза, узкая грудь дышала со свистомъ и хрипомъ; но, подкрѣпляя себя дурма-

номъ бетеля, нажевывая и сплевывая кровавую пѣну, пачкая усы и губы, бѣгалъ онъ быстро, и бѣлые, катавшіеся въ его черной лакированной колясочкѣ по знойному городу, по темно-краснымъ, мягкимъ отъ солнца и пахнувшимъ цвѣточнымъ перегноемъ и нефтью мостовымъ, были этимъ довольны.

Движимый любовью, онъ не для себя, а для семьи, для сына хотѣлъ счастья, того, что не суждено было, не далось ему самому. Но по англійски зналъ плохо, названія мѣстъ, куда надо было бѣжать, разбиралъ не сразу и часто бѣжалъ наугадъ. Колясочка рикши очень мала; она съ откиднымъ верхомъ, колеса ея тонки и высоки, оглобли не толще хорошей трости. И вотъ влѣзаетъ въ нее большой бѣлоглазый человѣкъ, весь въ бѣломъ, въ бѣломъ шлемѣ, въ грубой, но дорогой обуви, усаживается плотно, кладетъ ногу на ногу и сдержанно-повелительно, въ горло себѣ, каркаетъ. Подхвативъ оглобли, старикъ припадаетъ къ землѣ и стрѣлой летитъ впередъ, едва касается земли легкими ступнями. Человѣкъ въ шлемѣ, держа палку въ конопатыхъ рукахъ, задумался о дѣлахъ, заглядѣлся — и вдругъ злобно выкатываетъ глаза: да онъ мчится совсѣмъ не туда, куда надо! Короче сказать, не мало палокъ влѣтало старику въ спину, въ черныя лопаточки, вѣчно сдвинутыя въ чайніи удара. Но не мало и лишнихъ центовъ сорвалъ онъ съ англичанъ: осадивъ себя на всему бѣгу у подъѣзда какого-нибудь отеля или конторы и бросивъ оглобли, онъ такъ жалостно морщился, такъ поспѣшно выкидывалъ впередъ длинныя, тонкія руки, сложивъ ковшикомъ мокрыя обезьяньи ладони, что нельзя было не прибавить.

Разъ прибѣжалъ онъ домой совсѣмъ не въ урочное

время: въ самый жаръ полдня, когда золотыми стрѣлами снуютъ въ лѣсахъ тѣ лимонныя птички, что называются солнечными, когда такъ весело и рѣзко вскрикиваютъ зеленые попугаи, срываясь съ деревьевъ и радугой сверкая въ пестротѣ лѣсовъ, въ ихъ тѣни и лаковомъ блескѣ, когда такъ сладко и тяжело пахнутъ въ оградахъ старыхъ буддѣйскихъ вихаръ, крытыхъ черепицей, сливочные цвѣты безлиственнаго жертвеннаго дерева, похожіе на маленькія туберозы, такими яркими самоцвѣтами переливаются толстогорлые хамелеоны, мелькая и по гладкимъ и по кольчатымъ, какъ хоботъ слона, стволамъ деревьевъ, такъ много рветъ и замираетъ на солнцѣ огромныхъ пышныхъ бабочекъ и агатовымъ зерномъ кишать, текутъ горячіе бурые холмики муравьевъ. Все въ лѣсахъ пѣло и славило бога жизни-смерти Мару, бога «жажды существованія», все гонялось другъ за другомъ, радовалось краткой радостью, истребляя другъ друга, а старый рикша, уже ничего не жаждавшій, кромѣ прекращенія своихъ мученій, легъ въ душномъ сумракѣ своей мазанки, подъ ея пересохшей листовенной крышей, шуршащей красными змѣйками, и къ вечеру умеръ — отъ ледяныхъ судорогъ и водяного поноса. Жизнь его угасла вмѣстѣ съ солнцемъ, закатившимся за сиреневой гладью великихъ водныхъ пространствъ, уходящихъ къ западу, въ иурпуръ, пепель и золото великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ облаковъ, — и настала ночь, въ которую въ лѣсахъ подъ Коломбо остался отъ рикши только маленькій скорченный трупъ, потерявшій свой номеръ, свое имя, какъ теряетъ свое названіе рѣка Келани, достигнувъ океана. Солнце, заходя, переходитъ въ вѣтеръ; а во что переходитъ умершій? — Ночь быстро

гасила сказочно-нѣжныя, розовыя и зеленыя краски минутныхъ сумерекъ, летучія лисицы безшумно пронеслись подъ вѣтвями, ища ночлега, и черной жаркой тьмой наполнялись лѣса, загораясь мириадами свѣтящихся мухъ и таинственно, знойно звеня цикадами и цвѣтами, въ которыхъ живутъ мелкія древесныя лягушки. Въ далекой лѣсной кумирнѣ, передъ лампадой, чуть мерцавшей на черномъ жертвенникѣ, облитомъ кокосовымъ масломъ и усыпанномъ рисомъ и увядшими цвѣточными лепестками, на правомъ боку, кротко подложивъ ручку подъ голову, покоился Возвышенный, гигантъ изъ сандалнаго дерева, съ широкимъ позолоченнымъ лицомъ и длинными косыми глазами изъ сапфира, съ улыбкой мирной грусти на тонкихъ губахъ. На спинѣ лежалъ въ темной хижинѣ рикша, и смертная мука искажала его жалкія черты, ибо не дошелъ до него голосъ Возвышеннаго, призывавшій къ отреченію отъ земной любви, ибо за могилой ждала его новая скорбная жизнь, слѣдъ неправой прежней. Зубастая старуха, сидѣвшая у порога хижины, у костра подъ котелкомъ, плакала въ эту ночь, скорбь свою питая все той-же неразумной любовью и жалостью. Возвышенный уподобилъ-бы ея чувства мѣдной серьгѣ въ ея правомъ ухѣ, имѣвшей видъ боченка: серьга была велика и тяжела, она такъ оттянула разрѣзъ мочки, что образовалась порядочная дыра. Рѣзко бѣлѣла ея короткая кофточка изъ бумажной матеріи, надѣтая прямо на голое кофейное тѣло. Голыя дѣти, какъ чертенята, играли, визжали, гонялись другъ за другомъ возлѣ. А сынъ, легконогій юноша, стоялъ въ полутьмѣ за огнемъ. Онъ вечеромъ видѣлъ свою невѣсту, круглолицую тринадцатилѣтнюю дѣвочку изъ сосѣдняго

селенья. Онъ испугался и удивился, услыхавъ о смерти отца, — онъ думалъ, что это будетъ еще не скоро. Но, вѣрно, былъ онъ слишкомъ взволнованъ другою любовью, которая сильнѣе любви къ отцамъ. «Не забывай, сказалъ Возвышенный, не забывай, юноша, жаждущій возжечь жизнь отъ жизни, какъ возжигается огонь отъ огня, что всѣ страданія этого міра, гдѣ каждый либо убійца, либо убиваемый, всѣ скорби и жалобы его — отъ любви.» Но уже безъ остатка, какъ скорпіонъ въ свое гнѣздо, вошла любовь въ юношу. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на огонь. Какъ у всѣхъ дикихъ, ноги его были не въ мѣру тонки. Но и Шива позавидовалъ-бы красотѣ его торса цвѣта темной корицы. Блестѣли при огнѣ его черносиніе конскіе волосы, длинные, стянутые и закрученные на макушкѣ, блестѣли глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, и блескъ ихъ былъ подобенъ блеску кокса противъ огня.

На другой день сосѣди отнесли мертваго старичка въ глубину лѣса, положили въ яму, головой на западъ, къ океану, торопливо, но стараясь не шумѣть, забросали землей, листьями и торопливо пошли омываться. Старичокъ отбѣгался; съ его тонкой, посѣрѣвшей и сморщившейся руки сняли мѣдную бляху — и, любуясь ею, раздувая тонкія ноздри, юноша надѣлъ ее на свою, круглую и теплую. Сперва онъ только гонялся за опытными рикшами, прислушиваясь, куда посылаютъ ихъ сѣдоки, запоминалъ названія улицъ и англійскія слова; потомъ и самъ сталъ возить, самъ сталъ зарабатывать, готовясь къ своей семьѣ, къ своей любви, желаніе которой есть желаніе сыновей, равно какъ желаніе сыновей есть желаніе имущества, а желаніе имущества — желаніе благополучія. Но однажды, при-

бѣжавъ домой, онъ наткнулся на другую страшную вѣсть: невѣста его исчезла — пошла на Невольничій Островъ, въ лавку, и не вернулась. Отецъ невѣсты, хорошо знавшій Коломбо, часто ходившій туда, дня три разыскивалъ ее и, должно-быть, что-нибудь узналъ, потому что вернулся успокоенный. Онъ вздыхалъ и опускалъ глаза, выражая покорность судьбѣ; но это былъ большой притворщикъ, старикъ лукавый, какъ всѣ, у кого есть достатокъ, кто торгуетъ въ городѣ. Онъ былъ полонъ, съ женскими грудями, съ матовой сѣдиной, зачесанной и украшенной дорогимъ черепаховымъ гребнемъ; ходилъ онъ босикомъ, но подъ зонтомъ, бедра обертывалъ кускомъ хорошей пестрой матеріи; кофта на немъ была пикейная. Отъ него нельзя было добиться правды, а женщины, дѣвушки всѣ слабы, какъ всѣ рѣки извилисты, и молодой рикша понималъ это. Въ столбнякѣ просидѣвъ двое сутокъ дома, не притрогиваясь къ пищѣ, только жуя бетель, онъ наконецъ очнулся и опять убѣжалъ въ Коломбо. О невѣстѣ онъ, казалось, совсѣмъ забылъ. Онъ бѣгалъ, жадно копилъ деньги — и нельзя было понять, во что больше онъ влюбленъ: въ свою бѣготню или въ тѣ серебряные кружочки, что собиралъ за нее. Одинъ русскій морякъ снялся съ нимъ въ фотографіи и подарилъ ему карточку. Долго послѣ того молодой рикша радостно дивился на свое изображеніе: онъ стоялъ въ оглобляхъ, повернувъ лицо къ воображаемымъ зрителямъ, и всякій сразу могъ узнать его, — вышла даже бляха на рукѣ. Благополучно, съ виду даже счастливо проработалъ онъ такъ съ полгода.

И вотъ сидѣлъ онъ какъ-то утромъ, вмѣстѣ съ другими рикшами, подъ многоствольнымъ баніаномъ на

той длинной улицѣ, что идетъ отъ Невольничьяго Острова къ Парку Викторіи. Горячее солнце только-что показалось изъ-за деревьевъ со стороны Мараданы. Но высоко разросся баніанъ, и уже не было тѣни у его корней, осыпанныхъ сожженной листвою. Колясочки накалялись отъ зноя, тонкія оглобли ихъ лежали на темно-красной разогрѣтой землѣ, пахнувшей и нефтью, и такъ, какъ пахнетъ теплый отъ размола кофе. Съ этимъ запахомъ мѣшались густые сладкіе запахи вѣчно-цвѣтущихъ окрестныхъ садовъ, камфары, мускуса и того, что ѣли рикши; а ѣли они бананы, маленькіе, теплые, нѣжно-розовые, въ золотистой кожѣ, ѣли тѣ оранжевые плоды, мясо которыхъ похоже на дѣтское тѣло съ привкусомъ терпентина, и болтали, сидя на землѣ, до подбородка поднявъ острыми углами колѣни, положивъ на нихъ руки, а на руки — свои женскія головы. Вдругъ вдалекѣ, возлѣ бѣлыхъ оградъ бунгаллоу, испещренныхъ свѣтотѣнью, показался человекъ въ бѣломъ. Онъ шелъ по срединѣ улицы той упрямой и твердой походкой, которой ходятъ только европейцы. И, молніей вскочивъ съ земли, вперегонки кинулась къ нему вся стая этихъ голыхъ длинноногихъ людей. Они налетѣли на него со всѣхъ сторонъ, и онъ грозно крикнулъ, взмахнувъ тростью. Робкіе и обидчивые, они со всего разбѣга осадили себя вокругъ него. Онъ взглянулъ на нихъ, — и седьмой номеръ съ его смоляными волосами показался ему сильнѣе прочихъ. На седьмой номеръ и палъ его выборъ.

Онъ былъ не высокъ и крѣпокъ, въ золотыхъ очкахъ, съ черными сросшимися бровями, въ черныхъ короткихъ усахъ, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, на которомъ тропическое солнце и болѣзнь печени уже оста-

вили свой смуглый слѣдъ. Шлемъ на немъ былъ сѣрый, глаза какъ-то странно, будто ничего не видя, глядѣли изъ угольной тьмы бровей и рѣсницъ сквозь блестящія стекла. Онъ сълъ умѣло — сразу нашель въ колясочкѣ ту точку, при которой рикшѣ свободнѣе бѣжать, и, взглянувъ на татуированную кисть лѣвой руки, короткой и сильной, на маленькіе часики въ кожаной лункѣ, назвалъ Йоркъ-Стритъ. Деревянный голосъ его былъ твердъ и спокоенъ, но взглядъ страненъ. И рикша подхватилъ оглобли и понесся впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ требовалось, поминутно пощелкивая звонкомъ, прикрѣпленнымъ на концѣ оглобли, и тасуясь съ пѣшеходами, арбами и другими рикшами, бѣгущими назадъ и впередъ.

Былъ конецъ марта, самое знойное время. Не прошло и трехъ часовъ съ восхода солнца, а ужъ казалось, что близокъ полдень, — такъ жарко, свѣтло было всюду и такъ многолюдно возлѣ лавокъ въ концѣ улицы. Земля, сады, вся та высокая, раскидистая растительность, что зеленѣла и цвѣла надъ бунгалоу, надъ ихъ мѣловыми крышами и надъ старыми черными лавками, пресытили воздухъ тепломъ и благовоніемъ, — лишь дождевыя деревья туго свернули свои листья-чашечки. Ряды лавокъ, вѣрнѣе, навѣсовъ, крытыхъ черной черепицей, увѣшанныхъ огромными связками банановъ, сушеной рыбой, вяленой акулой, были полны покупателями и продавцами, одинаково похожими на темнокожихъ баньщиковъ. Рикша, подавшись впередъ, мелькая длинными ногами, бѣжалъ быстро, и еще ни одной капли пота не было на его лоснящейся кокосовымъ масломъ спинѣ, на его округлыхъ плечахъ, среди которыхъ тонкій стволъ дѣвичьей шеи граціозно дер-

жалъ смоляную голову, накаляемую солнцемъ. Въ самомъ концѣ улицы онъ вдругъ остановился. Чуть повернувъ лицо, онъ быстро проговорилъ что-то по-своему. Англичанинъ, его сѣдокъ, увидалъ концы изогнутыхъ рѣсницъ, уловилъ слово «бетель» и поднялъ брови. Какъ? Такой молодой, крѣпкій, пробѣжалъ какихъ-нибудь двѣсти шаговъ и уже бетель? Не отвѣтивъ, онъ ударилъ рикшу тростью по лопаткамъ. Но тотъ, — трусливый, какъ всѣ сингалезы, но и настойчивый, — только дернулъ плечомъ и стрѣлой полетѣлъ вкось по улицѣ, къ лавкамъ.

— Бетель! — повторилъ онъ, поворачивая къ англичанину гнѣвные глаза и по-собачьи оскалившись.

Но англичанинъ уже забылъ о немъ. И черезъ минуту рикша выскочилъ изъ лавочки, держа на узкой ладони листъ перечнаго дерева, намазывая его известью и завертывая въ него кусочекъ арековаго плода, похожій на кусочекъ кремня. Не убивай, не воруй, не прелюбодѣйствуй, не лги и ничѣмъ не охмеляйся, заповѣдалъ Возвышенный. Да, но что зналъ о Немъ рикша? Смутно звучало въ его сердцѣ то, что было смутно воспринято несмѣтными сердцами его предковъ. Въ дождливое время года онъ ходилъ съ отцомъ къ священнымъ шалашамъ и тамъ, среди женщинъ и нищихъ, слушалъ жрецовъ, читавшихъ на древнемъ, всѣми забытомъ языкѣ, и ничего не понималъ, только подхватывалъ общее радостное восклицаніе при имени Возвышеннаго. Не разъ случалось, что молился при немъ отецъ на порогѣ кумирни: онъ преклонялся передъ лежащей деревянной статуей, бормоча ея заповѣди, поднимая соединенныя ладони ко лбу, а потомъ клалъ на жертвенникъ самую мелкую и старую изъ

«своихъ тяжело заработанныхъ монетъ. Но бормоталь онъ равнодушно, — онъ вѣдь только боялся картинъ на стѣнахъ кумирни, изображеній муки грѣшниковъ; онъ преклонялся и передъ другими богами, передъ ужасными индусскими статуями, онъ и въ нихъ вѣрилъ, какъ вѣрилъ въ силу демоновъ, змѣй, звѣздъ, мрака. . .

Сунувъ бетель въ ротъ, рикша, въ чувствахъ своихъ рѣзко измѣнчивый, дружелюбно улыбнулся англичанину глазами, схватилъ оглобли и, оттолкнувшись лѣвой ногой, опять побѣжалъ. Солнце слѣпило, сверкало въ золотѣ и стеклахъ очковъ, когда англичанинъ поднималъ голову. Солнце жгло его руки и колѣни, земля горячо дышала, было даже видно, что надъ ней, какъ надъ жаровней, дрожить воздухъ, но онъ сидѣлъ неподвижно, не дотронулся до верха колясочки. Двѣ дороги вели въ городъ, или, какъ называютъ его резиденты, въ Фортъ: одна вправо, мимо малайскаго капища, по дамбѣ между лагунами, другая влѣво, къ океану. Англичанину хотѣлось послѣдней. Но рикша обернулся на бѣгу, показывая свои окровавленные губы, и сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, чего хотятъ отъ него. И англичанинъ опять уступилъ, — онъ разсвѣянно смотрѣлъ вокругъ себя. Зеленая лагуна, блестящая, теплая, полная черепахъ и гнили, окаймленная вдали кокосовой рощей, лежала справа. По дамбѣ шли, ѣхали, бѣжали, щелкая звонками. Стали попадаться рикши въ фескахъ, бѣлыхъ кителяхъ и короткихъ бѣлыхъ панталонахъ. Европейцы, сидѣвшіе въ колясочкахъ, были блѣдны послѣ томительной ночи, высоко задирали свои бѣлые башмаки, положивъ колѣно на колѣно. Прокатила двуколка, запряженная сѣрымъ горба-

тымъ бычкомъ, — подъ ея навѣсомъ, въ легкой жаркой тѣни, сидѣлъ парсъ, желтолицый старикъ, похожій на евнуха, въ халатѣ и бархатномъ черепеникѣ, шитомъ золотомъ. Великанъ-афганецъ въ бѣлыхъ шароварахъ, въ мягкихъ сапогахъ съ загнутыми носками, въ бѣломъ казакинѣ и огромномъ розовомъ тюрбанѣ, неподвижно стоялъ надъ лагуной, глядя на черепахъ, въ теплую жидкую воду. Безъ конца тянулись влекомыя волами длинныя крытыя арбы. Подъ ихъ узкими соломенными сводами навалены были тюки товаровъ, а порою — цѣлая куча коричневыхъ тѣлъ, молодыхъ рабочихъ. Тощіе, сожженные зноемъ старики, съ красными отъ красной пыли ногами, шагали у колесъ, точно муміи старухъ. Шли каменьщики, дюжіе черные томилы. . . «Пагода» — разумѣя чайный домъ, сказалъ англичанинъ подъ тѣми патріархальными деревьями, что растутъ при вѣздѣ въ Фортъ, подъ необъятными навѣсами зелени, свѣтлой отъ солнца, ее проникающаго.

Возлѣ стараго голландскаго зданія съ аркадами въ нижнемъ этажѣ остановились. Англичанинъ посмотрѣлъ на часы и ушелъ пить чай и курить сигару. Арикша сдѣлалъ полукругъ по широкой тѣнистой улицѣ, по красно-лиловой мостовой, усыпанной желтыми и алыми лепестками кетмѣй, и, бросивъ оглобли у древесныхъ корней, съ разбѣгу сѣлъ. Онъ поднялъ колѣни и положилъ на нихъ локти, жарко дыша баннымъ, благовоннымъ тепломъ полдня и безсмысленно поводя глазами за проходящими сингалезами и европейцами, вынулъ изъ-за передника тряпку, вытеръ ею окровавленные бетелемъ губы, лицо, выпуклости на гладкой груди и, сложивъ ее бинтомъ, приложилъ ко лбу, по-

вязаль голову: это было совсѣмъ некрасиво, придавало ему видъ больного, но вѣдь многіе рикши дѣлають такъ. Онъ сидѣль и, можетъ-быть, думаль. . . «Тѣла наши, Господинъ, различны, но сердце, конечно, одно», сказалъ Ананда Возвышенному, и, значить, можно представить себѣ, что долженъ думать или чувствовать юноша, выросшій въ райскихъ лѣсахъ подъ Коломбо и уже вкусившій самой сильной отравы — любви къ женщинѣ, уже вмѣшавшійся въ жизнь, быстро бѣгущую за радостями или убѣгающую отъ печалей. Мара уже раниль его, но вѣдь Мара и залѣчиваетъ раны. Мара вырываетъ изъ рукъ человѣка то, что схватилъ человѣкъ, но вѣдь Мара и разжигаетъ человѣка снова схватить отнятое или другое что-нибудь, подобное отнятому. . . Напившись чаю, англичанинъ бродилъ по улицѣ, заходилъ въ магазины, разсматриваль въ витринахъ драгоценные камни, слоновъ и буддъ изъ эбеноваго дерева, всякія пестрыя ткани, золотыя въ черныхъ крапинахъ шкуры пантеръ. А рикша, что-то думая или только чувствуя, ярко переглядывался съ другими рикшами и ходилъ позади англичанина, возя за собой колясочку. Ровно въ полдень англичанинъ далъ ему рупію, чтобы онъ купилъ себѣ поѣсть, а самъ ушелъ въ контору большого европейскаго пароходства. Рикша купилъ дешевыхъ папиросъ, сталъ курить, сильно затягиваясь, глядя на папиросу, какъ дѣлають это женщины, и выкурилъ подъ-рядъ цѣлыхъ пять штукъ. Сладко одурманенный, сидѣль онъ въ сквозной тѣни противъ трехъэтажнаго дома, гдѣ была контора, и вдругъ, поднявъ глаза, увидѣль, что на балконѣ подъ бѣлой маркизой появился его сѣдокъ и еще человѣкъ пять европейцевъ. Всѣ они смотрѣли въ бинокли на

гавань — и вотъ за крышами пристани показались одна за другой и медленно поплыли три высокія, тонкія мачты, слегка отклоненныя назадъ. Съ балкона замаяхали платкми, а изъ-за крышъ мрачно, могуче и величаво, отзываясь по рейду и въ городъ, заревѣла труба: пароходъ изъ далекой Европы, котораго ожидалъ съдокъ рикши номеръ седьмой, прибылъ. Съ точностью вошелъ онъ послѣ двадцатидневнаго плаванія въ Коломбо — и то, чего совсѣмъ не ожидалъ рикша, еще полный надеждъ и желаній, этотъ роковой для него обѣдъ въ домѣ на лагунѣ, былъ рѣшенъ.

Но до обѣда, до вечера оставалось еще много времени. И опять вышелъ на улицу этотъ ничего не видящій человекъ въ очкахъ. Онъ простился съ тѣми двумя, что вышли съ нимъ и направились къ бѣлой статуѣ Викторіи, къ крытой пристани, и опять побрелъ по улицѣ рикша — на этотъ разъ къ отелю, гдѣ въ эту пору, въ полутемной залѣ, знойную духоту которой развѣвали, мѣшали съ запахомъ кушаній вертѣвшіяся подъ потолкомъ весла, ѣло и пило много богатыхъ резидентовъ и туристовъ. И опять, какъ собака, сълъ рикша на мостовую, на лепестки кетмій. Сквозная тѣнь соединяющихся свѣтло-зелеными вершинами деревьевъ освѣняла улицу, и шли мимо него въ этой тѣни женоподобные сингалезы, навязывая европейцамъ цвѣтныя открытки, черепаховые гребни, драгоценныя камни, — одинъ даже таскалъ за собой на шнуркѣ и продавалъ звѣрька въ шубкѣ изъ длинныхъ колючекъ, — и все бѣжали, бѣжали по этой богатой европейской улицѣ полудикіе рикши. . . Вдали, среди открытой площади, горѣла бѣлизной большая мраморная женщина, гордая, съ двойнымъ подбородкомъ, въ порфирѣ и ко-

ронъ, возсѣдавшая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ. И оттуда толпой шли только-что прибывшіе изъ Европы. На подъѣздѣ отеля выскакивали сизые и черные слуги, кланяясь, выхватывали изъ рукъ у нихъ трости, мелкія вещи, и поклонами, сдержанными, изысканными, встрѣчаль ихъ на порогѣ челоуѣкъ, блестящій напомаженнымъ проборомъ, глазами, зубами, запонками, крахмальнымъ бѣльемъ, пикейнымъ смокингомъ, пикейными панталонами и бѣлой обувью. «Люди постоянно идутъ на пиршества, на прогулки, на забавы, — сказалъ Возвышенный, нѣкогда посѣтившій этотъ райскій пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желанія. — Видъ, звуки, вкусъ, запахи опьяняютъ ихъ, сказалъ Онъ, желаніе обвиваетъ ихъ, какъ ползучее растеніе, зеленое, красивое и смертоносное, обвиваетъ дерево Шала.» Слѣды усталости, истомы отъ зноя, морской качки и болѣзней были на сѣрыхъ лицахъ шедшихъ къ отелю. У всѣхъ видъ былъ полумертвый, всѣ говорили, не двигая губами, но всѣ шли и одинъ за другимъ скрывались въ сумракѣ вестибюля, чтобы разойтись по своимъ комнатамъ, вымыться, ободриться, а потомъ, до красноты лица опьянивъ себя ѣдой, питьемъ, сигарами и кофе, покатить на рикшахъ на берегъ океана, въ Сады Корицы, къ индускимъ храмамъ и буддѣйскимъ вихарамъ. У каждого, у каждого въ душѣ было то, что заставляетъ челоуѣка жить и желать сладкаго обмана жизни! А рикшѣ, рожденному на землѣ первыхъ людей, развѣ не вдвойнѣ былъ сладокъ этотъ обманъ? Мимо него шли женщины, пожилыя, некрасивыя, такія-же длиннозубыя, какъ его черная мать, сидѣвшая въ далекой лѣсной хижинѣ, но порою проходили и дѣвушки, милovid-

ныя, въ бѣлыхъ нарядахъ, въ небольшихъ шлемахъ, опутанныхъ легкими вуалями, и, возбуждая въ немъ вождельніе, пристально глядѣли на его поднятыя великолѣпныя рѣсницы, на тряпку вокругъ его смоляной головы и на окровавленный ротъ. А развѣ она, та, что пропала въ этомъ городѣ, была хуже ихъ? Тепло тропическаго солнца взрастило ее. Отъ бѣлой, въ голубыхъ цвѣточкахъ, короткой кофты и такой-же юбки, надѣтыхъ на голое, чуть полное, но крѣпкое, небольшое тѣло, она казалась чернѣе. У нея была круглая головка, выпуклый лобикъ, круглые сіяющіе глаза, въ которыхъ дѣтская робость уже смѣшивалась съ радостнымъ любопытствомъ къ жизни, съ затаенной женственностью, нѣжной и страстной; было коралловое ожерелье на круглой шеѣ, маленькія руки и ноги въ серебряныхъ браслетахъ. . . Вскочивъ съ мѣста, рикша побѣжалъ въ одинъ изъ ближнихъ переулковъ, гдѣ въ старомъ одноэтажномъ домѣ подъ черепицей, съ толстыми деревянными колоннами, былъ простонародный баръ. Тамъ онъ положилъ на прилавокъ двадцать пять центовъ и за это вытянулъ цѣлый стаканъ виски. Смѣшавъ этотъ огонь съ бетелемъ, онъ обезпечилъ себя блаженнымъ возбужденіемъ до самаго вечера, до той поры, когда лѣса подъ Коломбо, наполняясь черной жаркой тьмой, таинственно зазвенять журчаніемъ и стономъ несмѣтныхъ цикадъ и древесныхъ лягушекъ, когда чащи бамбука затрепещутъ міриадами огненныхъ искръ.

Пьянъ былъ и англичанинъ, выйдя съ сигарой изъ отеля, — глаза его были сонны, порозовѣвшее лицо стало какъ будто полнѣе. Поглядывая на часы и что-то думая, видимо, не зная, какъ убить время, онъ въ

нерѣшительности постоялъ возлѣ отеля, потомъ приказалъ везти себя сперва на почту, гдѣ опустилъ въ ящикъ три открытки, а отъ почты — къ саду Гордона, куда даже не зашелъ, — только посмотрѣлъ въ ворота на монументъ и на аллеи, — а отъ сада Гордона — куда глаза глядятъ: къ Черному Городу, къ рынку въ Черномъ Городѣ, къ рѣкѣ Келани... И пошелъ, пошелъ мотать его пьяный и съ головы до ногъ мокрый рикша, возбужденный еще и надеждой получить цѣлую кучу центовъ. Въ самый истомный часъ послѣполуденнаго тепла и свѣта, когда, посидѣвъ двѣ минуты на скамьѣ подъ деревомъ, оставляешь на ней темный кругъ пота, онъ въ угоду англичанину, не знавшему, какъ дотянуть до обѣда, пробѣжалъ весь Черный Городъ, старый, многолюдный, пряно-пахучій, — и много видѣлъ полусонный англичанинъ голыхъ цвѣтныхъ тѣлъ и разноцвѣтныхъ тканей на бедрахъ, много парсовъ, индусовъ, желтолицыхъ малайцевъ, вонючихъ китайскихъ лавокъ, черепичныхъ и тростниковыхъ крышъ, храмовъ, мечетей и капищъ, праздныхъ матросовъ изъ Европы и буддійскихъ монаховъ — бритыхъ, худыхъ, съ безумными глазами, въ канареечныхъ тогахъ, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ и опахалами изъ листвы священной пальмы. Рикша и его сѣдокъ неслись среди этой тѣсноты и грязи древняго Востока быстро, быстро, точно спасались отъ кого-то, — вплоть до самой рѣки Келани, узкой, густой и глубокой, перегрѣтой солнцемъ, полуприкрытой непролазными зелеными зарослями, низко склонившимися съ ея береговъ, любимой крокодилами, все дальше однако уходящими въ глубь дѣвственныхъ лѣсовъ ютъ баржъ съ соломенными сводами, нагруженныхъ

тюками чая, рисомъ, корицей, еще не обработанными драгоценными камнями и особенно медлительно плывущихъ въ густомъ блескѣ предвечерняго солнца. . . . Потомъ англичанинъ приказалъ вернуться въ Фортъ, уже опустѣвшій, закрывшій всѣ свои конторы, агентства и банки, побрился въ цирюльнѣ и неприятно помолодѣлъ, покупалъ сигары, заходилъ въ аптеку. . . . Рикша, мокрый, похудѣвшій, смотрѣлъ на него уже неприязненно, глазами собаки, чувствующей приступы бѣшенства. . . . Въ шестомъ часу, пробѣжавъ мимо маяка въ концѣ Квинсъ-Стритъ, пробѣжавъ тихіе и чистые военные кварталы, онъ выскочилъ на берегъ океана, вольно глянушаго ему въ глаза своимъ просторомъ и зелено-золотистымъ глянцемъ отъ низкаго солнца, и побѣжалъ по плацу Голь-Фэсъ, къ Невольничьему Острову.

«Изъ жажды рождается желаніе радости, сказалъ Возвышенный, изъ радости рождается скорбь, изъ радости и скорби возникаетъ страхъ.» И вотъ уже появились въ глазахъ рикши и екорбь, и страхъ, и злоба. Онъ ошалѣлъ отъ бѣга, не разъ тоскливо оборачивался на своего мучителя, трудно дышалъ, отмѣривая длинными ногами широкую укатанную дорогу по плацу. Плацъ этотъ огромный, пустой и печальный на закатѣ. Кончивъ дѣла, англичане гуляютъ здѣсь передъ обѣдомъ, катаются или катаютъ своихъ женъ, любовницъ и дѣтей на лошадяхъ, въ дорогихъ экипажахъ, играютъ въ футболъ, любуются океаномъ и пышной красотой тропическаго, чуждаго имъ заката. Рикша бѣжалъ, дико глядя на тѣхъ жилистыхъ, рыжихъ людей въ бѣлыхъ короткихъ панталонахъ и пестрыхъ фуфайкахъ, что носились по плацу по своей доброй во-

лѣ, взапуски летѣли другъ за другомъ; подпрыгивали за взвивающимися боллами и гулко били въ нихъ грубыми носками тяжелыхъ башмаковъ. Солнце опускалось, небо надъ закатомъ зеленѣло, легкое пушистое облако, таявшее въ его глубинѣ, стало совсѣмъ розовое. . . «Карлтонъ-Отель!» — мертво сказалъ англичанинъ, все время печально и сонно глядѣвшій на западъ, на океанъ, на мягко шумящую зыбь его, рассыпавшуюся геліотроповой пѣной по прибрежнымъ валунамъ. Рикша на бѣгу оскалаяся, ему уже хотѣлось грызть этого человѣка, загнавшаго его; но не бѣжать нельзя было: англичанинъ, не мѣняя выраженія сонно-печальнаго лица, все чаще тыкалъ рикшу концомъ трости, да уже и перешло блаженное возбужденіе рикши въ какое-то другое, — въ напряженную покорность, въ столбнякъ безостановочнаго бѣга. Всѣ отели въ Фортѣ были полны, англичанинъ жилъ въ простомъ, за Невольничьимъ Островомъ, — и тутъ еще разъ пробѣжалъ рикша мимо баніана, подъ который сѣлъ онъ нынче утромъ въ жаждѣ заработка отъ этихъ безпощадныхъ и загадочныхъ бѣлыхъ людей, въ упрямой надеждѣ на счастье. Пошли сплошные сады, каменные ограды и голландскія крыши бунгалоу, низкихъ, приземистыхъ. Вскочивъ во дворъ одного такого бунгалоу, рикша съ полчаса отдыхалъ возлѣ широкой террасы, пока англичанинъ переодѣвался къ обѣду. Сердце у него колотилось, какъ у отравленнаго, губы побѣлѣли, черты темно-коричневаго лица обострились, прекрасные глаза еще больше почернѣли и расширились, тряпка на головѣ такъ намокла, что онъ сорвалъ ее и далеко отшвырнулъ прочь. Запахъ его разгоряченнаго тѣла сталъ непріятенъ — это была

запахъ теплаго чая, смѣшаннаго съ кокосовымъ масломъ и еще съ чѣмъ-то, какъ если взять и растереть въ рукахъ кучку муравьевъ.

Солнце межъ тѣмъ закатилось. Пожилая дѣвушка полулежала подъ навѣсомъ террасы въ качалкѣ, читая при послѣднемъ свѣтѣ дня молитвенникъ. Увидя ее съ улицы, во дворъ безшумно вошелъ нѣмой индусъ изъ Мадурѣ, высокій черный старикъ съ сѣдыми кудрями на груди и на животѣ, худой, какъ скелетъ, въ нищенскомъ тюрбанѣ, въ длинномъ передникѣ изъ ткани, бывшей когда-то красной, въ желтыхъ поперечныхъ полоскахъ. На рукѣ у старика была закрытая корзина изъ пальмоваго лыка. Подойдя къ террасѣ, онъ подобострастно поклонился, приложивъ руку ко лбу, и присѣлъ на землю, поднимая крышку корзины. Не глядя на него, лежавшая въ качалкѣ, махнула рукой. Но онъ уже вынималъ изъ-за пояса тростниковую дудку. И тутъ рикша вдругъ вскочилъ на ноги и въ непонятной ярости громко крикнулъ на него. Вскочилъ и старикъ, захлопнулъ корзину и, оборачиваясь, побѣжалъ къ воротамъ. Но у рикши еще долго были круглые глаза, — совсѣмъ какъ у той, страшной, которую онъ представилъ себѣ — медленно, тугимъ жгутомъ выползающую изъ корзины и съ шипѣніемъ раздувающую свое голубымъ отблескомъ мерцающее горло. Быстро падала темнота — уже въ темнотѣ вышелъ на террасу размытый, въ бѣломъ смокингѣ англичанинъ. И рикша покорно кинулся къ оглоблямъ. Была уже ночь, особенно жаркая, какъ всегда передъ наступленіемъ дождей, еще болѣе пахучая, чѣмъ день. Еще гуще сталъ теплый и приторный аромат мускуса, смѣшанный съ запахомъ теплой земли, тучной отъ

цвѣточнаго пережня. Такъ было черно среди садовъ, гдѣ бѣжала рикша, что только по тяжелому дыханію и по скудному фонарику на оглоблѣ можно было понять, что несется впереди встрѣчный. Потомъ слабо замерцала подъ черными навѣсами деревьевъ гнилая лагуна, покраснѣли огни, длинно отражавшіеся въ ней. Большой двухъэтажный домъ насквозь свѣтился въ этой тропической чернотѣ прорѣзами оконъ. Во дворѣ было темно. Много рикшъ, сливавшихся съ темнотой своими тѣлами и слабо бѣлѣвшихъ передниками, набѣжало въ этотъ дворъ съ гостями. А большой, открытый на лагуну балконъ сіялъ свѣчами въ стеклянныхъ колпакахъ, осыпанныхъ несмѣтной мошкаррой, блестя скатертью длиннаго стола, уставленнаго посудой, бутылками и вазами со льдомъ, и бѣлѣлъ смокингами сидѣвшихъ, которые немолчно, хотя и сдержанно бормотали себѣ въ горло, межъ тѣмъ какъ босоногіе полные слуги, похожіе на нянекъ, шуршали голыми подошвами, прислуживая имъ, а громадная китайская цыновка, ребромъ привѣшенная надъ ними къ потолку, все махалась и махалась, приводимая въ движеніе малайцами, сидѣвшими за стѣной, не достигающей до потолка, и все вѣяла, вѣяла вѣтромъ на обѣдающихъ, на ихъ холодные, мокрые лбы. Рикша номеръ седьмой подлетѣла къ балкону. Сидѣвшіе за столомъ привѣтствовали запоздавшаго гостя радостнымъ ропотомъ. Гость выскочилъ изъ колясочки и вбѣжало на балконъ. А рикша понесся вокругъ дома, чтобы опять попасть къ воротамъ, во дворъ, къ другимъ рикшамъ, и, обѣгая домъ, вдругъ такъ шарахнулся назадъ, точно его ударили въ лицо палкой: стоя возлѣ открытаго и освѣщеннаго окна второго этажа, —

въ японскомъ халатикѣ краснаго шелка, въ тройномъ ожерельѣ изъ рубиновъ, въ золотыхъ широкихъ браслетахъ на обнаженныхъ рукахъ, — на него глядѣла круглыми сіяющими глазами его невѣста, та самая дѣвочка-женщина, съ которой онъ уже уговорился полгода тому назадъ обмѣняться шариками изъ риса! Его, внизу, въ темнотѣ, она не могла видѣть. Но онъ сразу узналъ ее — и, отшатнувшись, застылъ на мѣстѣ.

Онъ не упалъ, сердце его не разорвалось, оно было слишкомъ молодо и сильно. Постоявъ съ минуту, онъ присѣлъ на землю, подъ вѣковой смоковницей, вся вершина которой, какъ райское дерево, горѣла и трепетала розсыпью огненно-зеленыхъ искръ. Онъ долго смотрѣлъ на черную круглую головку, на красный шелкъ, свободно обнимавшій маленькое тѣло, и на поднятыя, поправлявшія прическу руки той, что стояла въ рамѣ окна. Онъ сидѣлъ на корточкахъ до тѣхъ поръ, пока она не повернулась и не прошла въ глубину комнаты. А когда она скрылась, онъ мгновенно вскочилъ на ноги, поймалъ на землѣ оглобли и, птицей пролетѣвъ черезъ дворъ за ворота, опять, опять пустился бѣжать — на этотъ разъ уже твердо зная, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ, и уже самъ управляя своей сразу освободившейся волей.

— Проснись, проснись! — кричали въ немъ тысячи беззвучныхъ голосовъ его печальныхъ, стократъ истлѣвшихъ въ этой райской землѣ предковъ. — Стряхни съ себя оболъщенія Мары, сонъ этой краткой жизни! Тебѣ-ли спать, отравленному ядомъ, пронзенному стрѣлой? Стократно страдаетъ имѣющій стократно милое, всѣ скорби, всѣ жалобы — отъ любви, отъ при-

вязанностей сердца — убей-же ихъ! Недолгій срокъ пребудешь ты въ покоѣ отдыха, снова и снова, въ тысячѣ воплощеній, исторгнетъ тебя твоя эдемская земля, пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желаніе, но онъ, этотъ краткій отдыхъ, все-же настанетъ для тебя, слишкомъ рано выбѣжавшаго на дорогу жизни, страстно погнавшагося за счастьемъ и раненаго самой острой стрѣлой — жаждой любви и новыхъ зачатій для этого древняго міра, гдѣ отъ вѣка побѣдитель крѣпкой пятой стоитъ на горлѣ побѣжденнаго!

Показались подъ черными навѣсами сросшихся вершинами деревьевъ огни въ открытыхъ лавочкахъ Невольничьяго Острова. Рикша жадно съѣлъ въ одной изъ нихъ чашечку теплаго варенаго риса, пересыщеннаго перцемъ, и кинулся дальше. Онъ зналъ, гдѣ живетъ старикъ изъ Мадурѣ, часъ тому назадъ приходившій во дворъ отеля: онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, при его большой фруктовой лавкѣ, въ низкомъ домѣ съ толстыми деревянными колоннами. Племянникъ, въ грязной европейской одеждѣ изъ полотна, съ громаднымъ колтуномъ черной вьющейся шерсти на головѣ, перетаскивалъ корзины съ плодами въ глубину лавки, морщась отъ дыма папиросы, привлеченной къ его нижней губѣ. Онъ не обратилъ вниманія на бѣшеный видъ мокраго, горячаго рикши. И рикша молча вскочилъ подъ навѣсъ среди столбовъ, ногой толкнулъ въ глубинѣ подъ нимъ дверку, за которой надѣялся найти нѣмого старика. Въ потной рукѣ онъ крѣпко держалъ завѣтный золотой, который онъ еще на бѣгу досталъ изъ-за передника, изъ кожанаго гамана, привѣшеннаго къ поясу. И золотой быстро сдѣлалъ свое дѣло: назадъ рикша выскочилъ

съ большой коробкой отъ сигаръ, перевязанной шнуркомъ. Онъ заплатилъ за нее большую цѣну, зато она была не пустая: то, что въ ней лежало, билось, извивалось, стучало въ крышку тугими кольцами и шуршало.

Зачѣмъ онъ захватилъ съ собой колясочку? А онъ таки захватилъ ее — и ровнымъ, сильнымъ махомъ полетѣлъ на берегъ океана, на плацъ Голь-Фэса. Плацъ былъ пустъ, далеко темнѣлъ въ звѣздномъ свѣтѣ. За нимъ были разсыпаны рѣдкіе огоньки Фор-та, и въ небѣ медленно вращалась мутно-зеркальная вышка маяка, кидавшая дымныя полосы бѣлаго свѣта только въ сторону рейда. Слабый прохладный вѣтеръ тянулъ съ океана, ровный, сонный шумъ котораго былъ чуть слышенъ. Добѣжавъ до побережья, до середины дороги, рикша въ послѣдній разъ бросилъ тонкія оглобли, въ которыя рано, но не надолго впрягла его жизнь, и сѣлъ уже не на землю, а на скамью, сѣлъ смѣло, какъ резидентъ.

Онъ, отдавая индусу цѣлый фунтъ, требовалъ самую маленькую и самую сильную, самую смертоносную. И она была, — помимо того, что сказочно-красива, вся въ черныхъ кольцахъ съ зелеными каемками, съ темно-голубой круглой головой, съ изумрудной полосой на затылкѣ и траурнымъ хвостомъ, — она была, при всей своей малости, необыкновенно сильна и злобна, а теперь, послѣ того, какъ ее помотали въ деревянной пахучей коробкѣ, особенно. Она судорожно, какъ стальная, пружинила, извивалась, шуршала и стучала въ крышку. И онъ быстро развязалъ, распуталъ шнурокъ. . . Впрочемъ, кто знаетъ, какъ именно сдѣлалъ

онъ это? Твердыми или дрожащими руками? Быстро, рѣшительно, или нѣтъ? А послѣ того долго-ли колебался? Долго-ли смотрѣлъ на темный шумящій океанъ, на слабый звѣздный свѣтъ, на Южный Крестъ, Ворона, Канопусъ? Оскалился-ли по собачьи на городъ резидентовъ, на богатый отель, свѣтившій вдали своимъ подъѣздомъ? Вѣрно, онъ сразу раскрылъ коробку и твердо положилъ лѣвую руку на тѣ ледяныя, какъ мертвое тѣло, пружины, что взвивались въ коробкѣ: укушенъ онъ былъ въ самую ладонь.

А укусъ тотъ нестерпимо жгучъ, — онъ подобенъ удару электрическаго тока и съ головы до ногъ пронзаетъ все тѣло человѣка несказанной болью, такой мукой, что послѣ него даже обезьяны жалобно вскрикиваютъ и раздражаются рыданіями, дѣтскими, страстными, отчаянно-молящими. И нѣтъ сомнѣнія, что, ощутивъ этотъ огненный ударъ, рикша колесомъ перевернулся на скамьѣ, и коробка полетѣла отъ него въ сторону. А затѣмъ тотчасъ-же распалась подъ нимъ бездонная тьма, и все понеслось передъ его глазами куда-то вкось, вверхъ: и океанъ, и звѣзды, и огни отеля. Шумъ океана хлынулъ ему въ голову — и сразу оборвался: глубокой обморокъ бываетъ всегда послѣ этого удара. Но вслѣдъ за обморокомъ человѣкъ всегда быстро приходитъ въ себя, какъ будто только затѣмъ, чтобы его тяжело, съ кровью стошнило — и опять повергло въ небытіе. Ихъ, этихъ обмираній, бываетъ нѣсколько, и каждое изъ нихъ, ломая человѣка, перехватывая ему дыханіе, частями уноситъ человѣческую жизнь, человѣческія способности: мысль, память, зрѣніе, слухъ, боль, горе, радость, ненависть — и то послѣднее, всеобъемлющее, что называется любовью,

жеждой вмѣстить въ свое сердце весь зримый и незримый міръ и вновь отдать его кому-то.

Дней черезъ десять, въ темныя, жаркія сумерки передъ грозой, къ большому русскому пароходу, готовому отплыть въ Суэцъ, двѣ пары гребцовъ гнали въ гавани Коломбо шлюпку, въ которой полулежалъ съдокъ рикши номеръ седьмой. Пароходъ уже гудѣлъ отъ грохота якорной цѣпи, когда, выскочивъ возлѣ громадной желѣзной стѣны пароходнаго бока, взбѣжалъ онъ по длинному трапу на палубу. Капитанъ сперва наотрѣвъ отказался принять его: пароходъ грузовой, заявилъ онъ, агентъ уже уѣхалъ, — это невозможно. «Но я чрезвычайно, чрезвычайно прошу васъ!» — возразилъ англичанинъ. Капитанъ съ удивленіемъ взглянулъ на него: на видъ крѣпокъ, энергиченъ, но на лицѣ налетъ нездороваго загара, а глаза за блестящими очками стоячіе, какъ будто ничего не видящіе и безпокойные. «Подождите до послѣзавтра, — сказалъ капитанъ: — послѣзавтра будетъ нѣмецкій почтовый пароходъ.» — «Да, но провести еще двѣ ночи въ Коломбо мнѣ очень трудно, — отвѣтилъ англичанинъ. — Этотъ климатъ изнуряетъ меня, я боленъ. Я измученъ этими цейлонскими ночами, безсонницей и всѣмъ тѣмъ, что чувствуетъ всякій нервный человекъ передъ заходящими грозами. А взгляните на эту тьму, на тучи, заступившія всѣ горизонты: ночь опять будетъ ужасная, періодъ дождей собственно уже начался.» И, пожавъ плечами, подумавъ, капитанъ уступилъ. И черезъ минуту тонкіе, какъ ужи, сингалезы уже тащили

по трапу сундукъ въ черной лакированной кожѣ, весь испещренный разноцвѣтными этикетками отелей и помѣченный красными инициалами.

Свободная докторская каюта, которую предложили англичанину, была очень тѣсна и душна. Но англичанинъ нашель ее прекрасной. На скорую руку разложивши въ ней вещи, онъ вышелъ черезъ столовую на верхнюю палубу. Все быстро тонуло въ темнотѣ. Пароходъ уже снялся и поворачивалъ къ открытому морю. Справа какъ-бы плыли на него другіе пароходы, огни на мачтахъ, огни Форта. Слева, изъ-подъ високаго борта, зыбко неслась къ низменному берегу, къ складамъ угля и къ черной гущѣ тонкоствольныхъ кокосовыхъ лѣсовъ гладь темной воды, еще отражавшей тьму и печаль тучъ, и своимъ зыбкимъ стремленіемъ кружила голову. Все мѣняя направленіе, все туже дулъ откуда-то влажный, тошнотворно-благовонный, мягкій вѣтеръ. Внезапно молчаливыя тучи распахнулись такой бездной блѣдно-голубого свѣта, что въ самой глубинѣ лѣсовъ мелькнули озаренные имъ стволы пальмъ, банановъ и хижинъ подъ ними. Англичанинъ испуганно моргнулъ, оглянулся на плывущій уже слева отъ него блѣдный моль съ краснымъ огонькомъ на концѣ, на свинцовую даль океана за моломъ — и быстро пошелъ назадъ, въ каюту.

Старикъ-лакей, человекъ злой отъ усталости, безъ нужды подозрительный и наблюдательный, нѣсколь-ко разъ заглядывалъ передъ обѣдомъ за ея занавѣску. Англичанинъ сидѣлъ въ складномъ холщевомъ креслѣ, держа на колѣняхъ толстую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ, писалъ въ ней золотымъ перомъ, и выраженіе его лица, когда онъ поднималъ его, бле-

стя очками, было и тупо и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно. Потомъ, спрятавъ перо, онъ задумался, какъ-бы слушающая шумъ и шорохъ волнъ, тяжело несущихся за стѣной каюты. Лакей прошелъ мимо, мотая громко звенящимъ колокольчикомъ. Англичанинъ всталъ и догола раздѣлся. Съ ногъ до головы обтершись губкой, насыщенной водой съ одеколономъ, онъ выбрился, подровнялъ короткіе толстые усы, тщательно причесалъ щетками свои черные прямые волосы на косою рядъ, надѣлъ свѣжее бѣлье, смокингъ и пошелъ къ обѣду съ обычнымъ своимъ рѣшительнымъ, солдатскимъ видомъ.

Моряки, уже давно сидѣвшіе за столомъ и бранившіе его за опоздание, встрѣтили его преувеличенно любезно, другъ предъ другомъ щеголяя знаніемъ англійскаго языка. Онъ отвѣтилъ имъ сдержанной, но не меньшей любезностью и поспѣшилъ сказать, что ему очень нравится русскій столъ, что онъ былъ въ Россіи, въ Сибири... что онъ вообще много путешествовалъ и всегда прекрасно переносилъ путешествія, чего однако нельзя сказать о его послѣднемъ пребываніи въ Индіи, на Явѣ и на Цейлонѣ: тутъ онъ захворалъ печенью, разстроилъ себѣ нервы, дошелъ даже до странностей — вотъ въ родѣ той, которую онъ проявилъ часъ тому назадъ, такъ неожиданно явившись на пароходѣ... За кофе онъ угощалъ моряковъ коньякомъ и ликерами, принесъ коробку толстыхъ египетскихъ папиросъ и поставилъ ее на столъ открытой, для общаго пользованія. Капитанъ, человекъ съ умными и твердыми глазами, во всемъ старающійся быть европейцемъ, завелъ рѣчь о колониальныхъ задачахъ Европы, о японцахъ, о будущемъ Дальняго Востока.

Внимательно слушая, англичанинъ возражалъ, соглашался. Говорилъ онъ складно и не просто, а такъ, точно читалъ хорошо написанную статью. И порою внезапно смолкалъ, еще внимательнѣе прислушиваясь къ шороху волнъ за открытыми дверями. Отъ грозы ушли. Давно потонула въ черномъ бархатѣ долго переливавшая алмазами цѣпь огней Коломбо. Теперь пароходъ былъ въ безграничной тьмѣ, въ пустотѣ океана и ночи. Столовая помещалась на палубѣ, подъ капитанскимъ мостикомъ. И тьма рѣзко чернѣла въ открытыхъ дверяхъ и окнахъ, стояла и глядѣла въ ярко освѣщенную столовую. Влажно дуло изъ этой тьмы — влажнымъ, свободнымъ дыханіемъ чего-то отъ вѣка свободного — и свѣжесть, доходя до сидящихъ за столомъ, давала имъ чувствовать запахъ табачнаго дыма, горячаго кофе и ликеровъ. Но порою свѣтъ электричества вдругъ падалъ — двери, окна мелькали блѣдно-синими квадратами: беззвучно и несказанно-широко распаивалась вокругъ парохода голубая бездна безднъ, блистала текучая зыбь водныхъ пространствъ, угольной чернотой заливало горизонты — и оттуда, какъ тяжкій ропотъ самого Творца, еще погруженнаго въ довременный хаосъ, доходилъ глухой, мрачный и торжественный, все до основанія потрясающій гулъ грома. И тогда англичанинъ какъ-бы каменѣлъ на минуту.

— Въ сущности, это страшно! — сказалъ онъ своимъ мертвымъ, но твердымъ голосомъ послѣ одного особенно ослѣпительнаго сполоха. И, вставъ съ мѣста, подошелъ къ двери, зіявшей темнотой. — Очень страшно, — сказалъ онъ, какъ-бы разговаривая самъ съ собой. — И страшнѣе всего то, что мы не думаемъ, не

чувствуемъ и не можемъ, разучились чувствовать, какъ это страшно.

— Что именно? — спросилъ капитанъ.

— А вотъ хотя-бы то, — отвѣтилъ англичанинъ, — что подъ нами и вокругъ насъ бездонная глубина, та зыбкая хлябь, о которой такъ ужасно говорить Библия. . . О, — строго сказалъ онъ, вглядываясь въ темноту: — и вблизи и вдали, всюду загораются борозды зеленой огненной пѣны, и чернота вокругъ этой пѣны черно-лиловая, цвѣта воронова крыла. . . Это очень жутко — быть капитаномъ? — серьезно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, почему-же, — отвѣтилъ капитанъ съ притворной небрежностью. — Дѣло ответственное, но. . . Все зависитъ отъ привычки.

— Скажите лучше — отъ нашей тупости, — сказалъ англичанинъ. — Стоять вонъ тамъ, на вашемъ мостикѣ, по бокамъ котораго мутно глядятъ сквозь толстое стекло два этихъ большихъ глаза, зеленый и красный, и итти куда-то въ тьму ночи и воды, простирающейся на тысячи миль вокругъ, — это безуміе! Но, впрочемъ, не лучше, — прибавилъ онъ, опять заглядывая въ двери: — не лучше и лежать внизу, въ каютѣ, за тончайшей стѣной которой, возлѣ самой твоей головы, всю ночь шумитъ, кипитъ эта бездонная хлябь. . . Да, да, разумъ нашъ такъ-же слабъ, какъ разумъ крота, или, пожалуй, еще слабѣй, потому что у крота, у звѣря, у дикаря хоть инстинктъ сохранился, а у насъ, у европейцевъ, онъ выродился, вырождается!

— Однако кроты не плаваютъ по всему земному шару, — усмѣхаясь, отвѣтилъ капитанъ. — Кроты не пользуются паромъ, электричествомъ, беспроволоч-

нымъ телеграфомъ. . . Вотъ хотите — я буду сейчасъ говорить съ Аденомъ? А вѣдь до него десять дней ходу.

— И это страшно, — сказалъ англичанинъ и строго взглянулъ сквозь очки на засмѣявшагося механика. — Да, и это очень страшно. А мы, въ сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти не боимся по-настоящему: ни жизни, ни тайнъ, ни безднъ, насъ окружающихъ, ни смерти — ни своей собственной, ни чужой! Я участникъ бурской войны, я, приказывая стрѣлять изъ пушекъ, убивалъ людей сотнями — и вотъ не только не страдаю, не схожу съ ума, что я убійца, но даже не думаю о нихъ никогда.

— А звѣри, дикари — думаютъ? — спросилъ капитанъ.

— Дикари вѣрятъ, что такъ надо, а мы нѣтъ, — сказалъ англичанинъ и замолчалъ, пошелъ ходить по столовой, стараясь ступать тверже.

Сполохи, уже розовые, мелькавшіе по звѣздамъ, слабѣли. Вѣтеръ дулъ въ окна и двери сильнѣе и прохладнѣе, черная тьма за дверями шумѣла тяжелѣе. Большая раковина, пепельница, ползала по столу. Чувствовалось подъ неприятно слабѣющими ногами, какъ снизу что-то нарастаетъ, приподнимается, потомъ валить на бокъ, разступается — и полъ все глубже уходитъ изъ-подъ ногъ. Моряки, допивъ кофе, накурившись, сдерживая зѣвоту и поглядывая на своего страннаго пассажира, посидѣли, помолчали еще нѣсколько минутъ, потомъ, желая ему покойной ночи, стали братья за фуражки. Остался одинъ капитанъ. Онъ курилъ и водилъ за англичаниномъ глазами. Англичанинъ, съ сигарой, качаясь, ходилъ отъ двери къ две-

ри, раздражая своей серьезностью, соединенной съ разсѣянностью, старика-лакея, убиравшаго со стола.

— Да, да, — сказалъ онъ: — намъ страшно только то, что мы разучились чувствовать страхъ! Бога, религіи въ Европѣ давно уже нѣтъ, мы, при всей своей дѣловитости и жадности, какъ ледъ холодны и къ жизни и къ смерти: если и боимся ея, то разсудкомъ или же только остатками животнаго инстинкта. Иногда мы даже стараемся внушать себѣ эту боязнь, увеличить ее — и все же не воспринимаемъ, не чувствуемъ въ должной мѣрѣ... вотъ, какъ не чувствую и я того, что самъ же называлъ страшнымъ, — сказалъ онъ, показывая на открытую дверь, за которой шумѣла черная темнота, уже высоко поднимавшая съ носа и валившая скрипящій переборками пароходъ то на одинъ, то на другой бокъ.

— Это на васъ Цейлонъ такъ подѣйствовалъ, — замѣтилъ капитанъ.

— О, несомнѣнно, несомнѣнно! — согласился англичанинъ. — Мы всѣ, — коммерсанты, техники, военные, политики, колонизаторы, — мы всѣ, спасаясь отъ собственной тупости и пустоты, бродимъ по всему міру и силимся восхищаться то горами и озерами Швейцаріи, то нищетой Италіи, ея картинами и обломками статуй или колоннъ, то бродимъ по скользкимъ камнямъ, уцѣлѣвшимъ отъ какихъ-то амфитеатровъ въ Сициліи, то глядимъ съ притворнымъ восторгомъ на желтыя груды Акрополя, то присутствуемъ, какъ при балаганномъ зрѣлище, при раздачѣ священнаго огня въ Іерусалимѣ, платимъ бѣшенныя деньги за то, чтобы терпѣть мученія отъ проводниковъ и блохъ въ могильникахъ и глиняныхъ капищахъ Египта, плы-

вемъ въ Индію, въ Китай, въ Японію — и вотъ только здѣсь, на землѣ древнѣйшаго человѣчества, въ этомъ потерянномъ нами эдемѣ, который мы называемъ нашими колоніями и жадно ограбляемъ, среди грязи, чумы, холеры, лихорадокъ и цвѣтныхъ людей, обращенныхъ нами въ скотовъ, только здѣсь чувствуемъ въ нѣкоторой мѣрѣ жизнь, смерть, божество. Здѣсь, оставшись равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ Озирисамъ, Зевсамъ, Аполлонамъ, къ Христу, къ Магомету, я не разъ чувствовалъ, что могъ бы поклоняться развѣ только имъ, этимъ страшнымъ богамъ нашей прародины, — сторукому Брамѣ, Шивѣ, Дьяволу, Буддѣ, слово котораго раздавалось поистинѣ какъ глаголь самого Маѳусаила, вбивающаго гвозди въ гробовую крышку міра... Да, только благодаря Востоку и болѣзнямъ, полученнымъ мной на Востокѣ, благодаря тому, что въ Африкѣ я убивалъ людей, въ Индіи, ограбляемой Англіей, а значитъ, отчасти и мною, видѣлъ тысячи умирающихъ съ голоду, въ Японіи покупалъ дѣвочекъ въ мѣсячныя жены, въ Китаѣ билъ палкой по головамъ беззащитныхъ обезьяноподобныхъ стариковъ, на Явѣ и на Цейлонѣ до предсмертнаго хрипа загонялъ рикшъ, въ Анарадхапурѣ получилъ въ свое время жесточайшую лихорадку, а на Малабарскомъ берегу болѣзнь печени, — только благодаря всему этому я еще кое-что чувствую и думаю. Тѣ страны, тѣхъ несмѣтныхъ людей, что еще живутъ или младенчески-непосредственной жизнью, всѣмъ существомъ своимъ ощущая и бытіе, и смерть, и божественное величіе вселенной, или уже прошли долгій и трудный путь, историческій, религіозный и философскій, и устали на этомъ пути, мы, люди новаго желѣзнаго вѣка,

стремимся поработить, подѣлать между собою, и называемъ это нашими колониальными задачами. И когда этотъ дѣлежъ придетъ къ концу, тогда въ міръ опять воцарится власть какого-нибудь новаго Тира, Сидона, новаго Рима, англійскаго или нѣмецкаго, повторится, непременно повторится и то, что предрекли Сидону, возомнившему себя, по слову Библии, Богомъ, іудейскіе пророки, Риму — Апокалипсисъ, а Индіи, арійскимъ племенамъ, поработившимъ ее, — Будда, говорившій: «О, вы, князья, властвующие, богатые сокровищами, обращающіе другъ противъ друга жадность свою, ненасытно потворствующіе своимъ похотямъ!» Будда понялъ, что значитъ жизнь Личности въ этомъ «міръ быванія», въ этой вселенной, которой мы не постигаемъ, — и ужаснулся священнымъ ужасомъ. Мы же возносимъ нашу Личность превыше небесъ, мы хотимъ сосредоточить въ ней весь міръ, что бы тамъ ни говорили о грядущемъ всемірномъ братствѣ и равенствѣ, — и вотъ только въ океанѣ, подъ новыми и чуждыми намъ звѣздами, среди величія тропическихъ грозъ, или въ Индіи, на Цейлонѣ, гдѣ въ черныя знойныя ночи, въ горячечномъ мракѣ, чувствуешь, какъ таетъ, растворяется человекъ въ этой чернотѣ, въ звукахъ, запахахъ, въ этомъ страшномъ Все-Единомъ, — только тамъ понимаемъ въ слабой мѣрѣ, что значитъ эта наша Личность. . . Знаете-ли вы, — сказалъ онъ, останавливаясь и блестя очками на капитана, — буддѣйскую легенду?

— Какую? — спросилъ капитанъ, уже тайкомъ звѣнувшій и посматрѣвшій на часы.

— А вотъ какую: воронъ кинулся за слономъ, бѣжавшимъ съ лѣсистой горы къ океану; все сокрушая

на пути, ломая заросли, слонъ обрушился въ волны — и воронъ, томимый «желаніемъ», палъ за нимъ и, выждавъ, пока онъ захлебнулся и вынырнулъ изъ волнъ, опустился на его ушастую тушу; туша плыла, разлагалась, а воронъ жадно клевалъ ее; когда же очнулся, то увидалъ, что отнесло его на этой тушѣ далеко, далеко, туда, откуда даже на крыльяхъ чайки нѣтъ возврата — и закричалъ жалкимъ голосомъ, тѣмъ, котораго такъ чутко ждетъ Смерть... Ужасная легенда!

— Да, это ужасно, — сказалъ капитанъ.

Англичанинъ замолчалъ и опять пошелъ отъ двери къ двери. Изъ шумящей темноты слабо донеслись отрывистые, печальные звуки второй склянки. Капитанъ, посидѣвъ изъ приличія еще минутъ пять, поднялся, пожалъ руку англичанину и пошелъ въ свою большую покойную каюту. Англичанинъ, что-то думая, продолжалъ ходить. Лакей, протомившись въ буфетѣ еще съ полчаса, вошелъ и съ сердитымъ лицомъ сталъ тушить электричество, оставилъ только одинъ рожокъ. Англичанинъ, когда лакей скрылся, подошелъ къ стѣнѣ, потушилъ и этотъ рожокъ. Сразу палъ мракъ, шумъ волнъ сразу сталъ какъ будто слышнѣе, и сразу раскрылись въ окнахъ звѣздное небо, мачты, реи. Пароходъ скрипѣлъ и лѣзъ съ одной водяной горы на другую. Онъ размахивался все шире, подымаясь и опускаясь, — и въ снастяхъ широко носились, взлетая то въ бездну кверху, то въ бездну книзу, Канопусъ, Воронъ, Южный Крестъ, по которымъ еще мелькали розовые сполохи.

Капри. II. 1914.

КЛАША

Клаша Смирнова кончала въ уѣзномъ городѣ Быковѣ гимназію, когда неожиданно умерла тетка, воспитавшая ее, Любовь Лукьяновна Жемчужникова, кружевница и содержательница постоялаго двора на Монастырской площади. Ивана Ивановича Жемчужникова въ живыхъ давно не было, Клаша осталась въ эту весну круглой сиротой. Однако, по природѣ тихая и нѣжная, выросшая въ полномъ повиновеніи теткѣ, она ничуть не растерялась. Справивъ похороны, она посоветовалась съ Павломъ Ивановичемъ Жемчужниковымъ, дьякономъ, и обстоятельно написала въ губернскій городъ Алексѣю Лукьяновичу Нефедову, брату умершей, ея единственному наслѣднику. Но Нефедовъ не отозвался на письмо и мѣсяца два Клашѣ было трудно.

Всегда странно было ея положеніе. Всѣ подруги ея по гимназіи хорошо знали, что живетъ она, сирота, дочь неизвѣстнаго отца, изъ милости, среди пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ мужиковъ и прасоловъ, вѣсть съ деревяннаго круга требуху съ хрѣномъ, ночуетъ при лампадкѣ и отворенныхъ дверяхъ въ кухню, гдѣ спятъ постояльцы и кухарка, гдѣ тараканы и лохань съ по-

моими, въ которую всю ночь медлительно каплетъ вода изъ мѣднаго рукомойника; всѣ знали это и дивились: живетъ въ такомъ грубомъ быту, а нѣжна, хороша собой, ходитъ въ гимназію въ коричневомъ платьицѣ и бѣлыхъ воротничкахъ, учится французскому, дѣлаетъ реверансы начальницѣ, которая всегда привѣтлива съ ней, но неизмѣнно провожаетъ ее долгимъ непріятно-внимательнымъ взглядомъ и втайнѣ раздражается на нее даже за то, въ чемъ она ни сномъ, ни духомъ не повинна, — за то, что второй годъ влюбленъ въ нее молодой законоучитель, застѣнчивый батюшка съ каштановыми вьющимися волосами и большими пугливыми рѣсницами. . . Теперь положеніе стало еще страннѣе: нужно было и въ гимназію ходить, разсуждать тамъ о древне-русской письменности или о типѣ Онѣгина и въ то же время, пользуясь только кое-какими совѣтами дьякона, человѣка очень осторожнаго и уклончиваго, уже самостоятельно править постояннымъ дворомъ, толковать съ кухаркой объ обѣдахъ и ужинахъ для постояльцевъ, спорить съ ними о цѣнѣ на халуй, на овесъ, на сѣно и мучительно долго разсчитываться, провѣрять хромого дворника и думать, напоили ли корову, сыты ли свиньи. . . Но вотъ Нефедовъ, два мѣсяца не отвѣчавшій на ея письмо, неожиданно явился въ Быковъ самолично — затѣмъ, чтобы вести ее къ себѣ.

Быль жаркій день; уже давно купались и купали лошадей въ рѣкѣ мѣщане, развѣхались гимназисты на каникулы, отцвѣла сирень въ монастырскомъ саду и цвѣла рожь въ поляхъ за монастыремъ; постоянный дворъ былъ тихъ и пустъ, исхудавшія безъ призора свиньи ревѣли съ голоду въ своей жаркой закутѣ, съ

ногами лѣзли въ пустое, измазанное засохшимъ тѣстомъ корыто; Клаша, грѣмя отъ скуки коклюшками, сидѣла въ тѣни у раскрытаго окна, въ которое горячо дышала сушью и зноемъ безлюдная и пыльная Монастырская площадь; какъ вдругъ возлѣ воротъ остановилась новая, съ рѣзнымъ передкомъ телѣга, и съ ея грядки неловко слѣзъ невысокій сѣдой старикъ въ картузѣ и поддевкѣ, немного схожій съ Толстымъ: завиваются изъ подъ картуза матово-серебряные волосы, супятся подъ козырькомъ бугристыя брови, еще густыя, но уже сѣрыя, велики мясистыя блѣдныя уши. старчески худа шея и суха, обтрепана, легка раскидистая борода.

— А я за тобой, за тобой — сказалъ онъ, даже не поздоровавшись, только мелькомъ взглянувъ на Клашу маленькими водянистыми внимательными глазками. — Будеть, поучилась, пора въ свѣтъ выѣзжать, кальеру дѣлать, — сказалъ онъ вдругъ непріязненно и насмѣшливо, привыкнувъ, какъ это сразу было видно, всю жизнь играть, кому-то подражать, и повелъ загремѣвшую по камнямъ телѣгу во дворъ, неуклюже ступая растоптанными сапогами. И Клаша, никогда не выдавая его, только много о немъ слышавшая, знавшая, что онъ столь же любилъ ея несчастную мать, сколь не любилъ счастливую Любовь, вдругъ вся вспыхнула отъ радости, отъ нѣжности къ этому старику, къ его бородѣ, худой шеѣ и слабой старческой груди подъ розовой косовороткой, живо вскочила съ мѣста и выбѣжала къ нему на жаркое крыльцо.

Въ числѣ привычекъ Нефедова была привычка удивлять неожиданными поступками, неожиданными словами, была манера уѣзжать изъ дома внезапно. Куда

и зачѣмъ онъ ѣдетъ, онъ домашнимъ никогда не говорилъ, а спрашивать его не спрашивали, — остался страхъ отъ прежняго времени. Когда то онъ свято вѣрилъ, что разспросы — гибель для задуманнаго дѣла: «закудакали — добра не будетъ.» Подъ старость онъ не вѣрилъ ни во что, и власть его къ этому времени совсѣмъ ослабѣла, — своей волей стали жить и жена его Раиса Матвѣевна, и сынъ Ефремъ, и дочь Мариса, а онъ свою волю проявлялъ рѣдко. Но когда проявлялъ, то, опять-таки по привычкѣ, проявлялъ твердо, и ему ужъ не перечили. Такъ было и на этотъ разъ: никому ни слова ни говоря, Нефедовъ, послѣ двухмѣсячнаго раздумья, вдругъ рѣшилъ ѣхать въ Быковъ, чтобы взять Клашу къ себѣ, и такъ и поступилъ, и всю дорогу зачѣмъ-то шелъ пѣшкомъ, притворялся жаднымъ старикомъ-мужикомъ.

Въ Быковѣ онъ расправился съ дѣлами, какъ онъ самъ выразился, по-суворовски, въ два дня: расчелъ дворника, кухарку, за безцѣнокъ продалъ на сальни свиней, за безцѣнокъ уступилъ дьякону весь домашній скарбъ, закрылъ окна, заперъ на рыжій громадный замокъ ворота, прилѣпивъ къ нимъ билетикъ: «Сей постоялый дворъ продается», взялъ съ собой только клѣтку съ цыплятами и, перекрестясь, тронулся домой.

— А вы мнѣ, дядечка, очень нравитесь, — сказала, садясь въ телѣгу, Клаша, удивившая его за эти дни своимъ спокойствіемъ, соединеннымъ съ наивными вспышками радости.

— Ага! — отвѣтилъ польщенный Нефедовъ. — Старая кобыла борозды никогда не испортитъ, — похвастался онъ, хотя Клаша много разъ слышала отъ

покойной тетки, что давно испорчена вся жизнь его, что онъ, весь вѣкъ норовившій жить по хорошему, установленному, устроиться возможно прочнѣе, по своимъ собственнымъ, сто разъ продуманнымъ предначертаніямъ, прожилъ какъ попало, по чьей-то чужой волѣ, что семейный ладъ его, при самомъ своемъ началѣ, былъ разбитъ измѣной Раисы Матвѣевны, жившей съ бариномъ, у котораго онъ былъ крѣпостнымъ человекомъ.

Выѣхали по холодку, когда звонили ко всенощной, на блескъ низкаго солнца, и, оглянувшись на пыльный городъ, на его каланчу, Клаша перекрестилась, подѣтски вздохнула и оправила платье, усаживаясь по-лучше. Пока не стемнѣло, кой о чемъ разговаривали, потомъ стали дремать. Ночью разразился ливень съ грозой, — еще въ сумеркахъ все сверкало въ тучахъ на востокъ, — по дорогамъ образовалась страшная грязь, и крѣпкая лошадь Нефедова едва тащила тяжелую, хотя и съ излишкомъ подмазанную телѣгу. Телѣга поскрипывала, качалась и укачивала Клашу, спавшую подъ кожей, возлѣ прикрытой веретнемъ клѣтки съ цыплятами. А Нефедовъ, одолевая сонъ и старость, всю ночь крѣпился, игралъ въ прежняго, хозяйственнаго и упрямаго Нефедова: сидѣлъ, въ мокрой чуйкѣ, въ мокромъ картузѣ, на краюшкѣ грядки, на изволокъ бѣжалъ возлѣ колеса, закатавшагося въ жирную грязь и въ травы, поспѣшалъ за надувавшейся, мокрой и потной лошадыю, на бѣгу подвязывалъ ей узломъ хвостъ. . . Возлѣ города стало свѣтать, дождь пересталъ. Клаша очнулась и, выглянувъ изъ-подъ отяжелѣвшей кожи, вздохнула сладкой полевой сыростью, услышала шорохъ колесъ, воды и грязи, увидала

сквозь рѣдѣвшій влажный сумракъ блѣдную холодную на видъ зелень прилегшихъ къ землѣ хлѣбовъ, втулку вертящагося колеса, всю осыпанную жемчугомъ — крупными каплями воды, свертывавшейся на маслянистомъ дегтѣ. . .

— Это вика? — спросила она, разумѣя гороховое поле, мимо котораго ѣхали.

— Вика — трава для скотинѣ, — сказалъ Нефедовъ, шагавшій возлѣ ея головы. — Это, сударыня моя, горохъ. А тебѣ-то что?

Но Клаша не отозвалась — она опять крѣпко заснула. А когда въѣхали въ городъ и опять потемнѣло, опять пошелъ сильный дождь и сталъ громыхать громъ, да еще страшнѣй, раскатистѣй, какъ всегда на разсвѣтѣ да еще надъ камнемъ, надъ городомъ, она накрывшись кожей, спала уже сидя, но, хотя и спала, все видѣла какъ неживая, — видѣла предразсвѣтныя блѣдно-фіолетовыя молніи, освѣщавшія черныя крыши домовъ, на которыхъ младенчески кричали отъ страха кошки, высокую колокольню, мелькавшую своей бѣлизной при молніяхъ, галокъ, кружившихся надъ крестомъ, а потомъ улицу, выходящую въ поле, какіе-то заборы и шумящія за ними липы. Цыплята пищали, всѣ проснулись, лѣзли другъ на друга, а Клаша сидѣла и спала. Нефедовъ долго вглядывался сумрачными отъ усталости глазами въ ея лицо, сперва съ удивленіемъ, потомъ даже съ нѣкоторымъ страхомъ и наконецъ пробормоталъ:

— Да что-й-то ты, Господи, я такихъ и съ роду не видывалъ! Ты спишь, что-ли?

Клаша, блѣдная и странно тихая, слабо улыбнулась,

но какъ-то такъ, что выражение ея неподвижныхъ глазъ ничуть не измѣнилось, и тупо сказала:

— Вы не бойтесь. Это у меня, когда я разосплюсь, бываетъ.

Сонная, она видѣла немощенную широкую улицу, выходящую въ поле, старыя усадьбы, похожія на деревенскія, изъ которыхъ самая большая принадлежала помѣщику Страхову, — «прежнему нашему господину», сказалъ Нефедовъ, кнутомъ указывая на высокій черный садъ и на большой бревенчатый домъ дикаго цвѣта, глядѣвшій на улицу чистыми стеклами. Проѣхавъ этотъ домъ, телѣга остановилась возлѣ маленькаго помѣстья, возлѣ тесовыхъ воротъ. Надъ ними вился на шесть бѣлый конскій хвостъ, — въ этомъ было что-то степное, азіатское, — а къ нимъ примыкалъ тоже азіатскій какой-то домикъ: его стѣна, та, что выходила на улицу, была глухая, безъ оконъ. Нефедовъ ушелъ въ калитку, потомъ отворилъ изнутри ворота, и телѣга въѣхала во дворъ, устанный навозомъ, по которому со степной яростью носилась по рыскалу, гремѣла цѣпью желтая широкогрудая собака. Клаша слѣзла по колесу съ телѣги, поднялась на длинное деревянное крыльцо, на которое глядѣли изъ-подъ навѣса три окна. На порогѣ стояла высокая женщина съ черной и, какъ показалось Клашѣ, красивой головой. Клаша ласково и тихо, какъ неживая, поздоровалась съ ней и, пройдя по еще темному, теплomu дому туда, куда ей указали, легла на постель и опять заснула.

Въ одиннадцатомъ часу вся нефедовская семья, уже сходявшая по случаю воскресенья къ обѣднѣ, сидѣла на крыльцѣ за самоваромъ, слушая Нефедова, кото-

рый, въ круглыхъ серебряныхъ очкахъ, очень хорошо умѣщавшихся въ его большихъ глазныхъ впадинахъ, пилъ чай съ молокомъ и рассказывалъ о своей поѣздкѣ, а Клаша все еще спала, и въ открытомъ окнѣ ея комнаты медленно дулась отъ вѣтра бѣлая занавѣска. Нефедовъ въ церкви не былъ, — онъ, очень набожный, но не любившій духовенства, всегда осуждавшій его за корыстолюбіе и поспѣшность при исполненіи службъ, читалъ обѣдню дома, въ своемъ чистомъ полутемномъ зальцѣ, гдѣ было много церковныхъ книгъ, образовъ стараго письма, мѣдныхъ складней и стоялъ аналой. Утомленный безсонной ночью и чтеніемъ вслухъ, онъ рассказывалъ подробно, невыразительно, и путемъ слушала его только дочь, скромная на видъ, стройная и небольшая, съ твердыми ушками, полуприкрытыми сухими каштановыми волосами. Сынъ, высокій, гнущій, лѣпилъ бумажнаго змѣя, и его стоячіе, близко другъ къ другу посаженные глаза ничего не выражали, кромѣ вниманія къ своему дѣлу: онъ, преданный матери, всегда цѣловавшій по утрамъ ея руку, ходившій съ ней къ обѣднѣ, за покупками, дѣлавшій ей бумажные цвѣты на образа и на лампы, къ отцу былъ всегда невнимателенъ. А Раиса Матвѣевна, — крупная, худая, съ маленькой черно-глянцевитой головой, съ длинными, рѣдкими зубами, — мыла чашки и смотрѣла своими неприятными глазами на самоваръ: она уже съ раздраженіемъ думала о заспавшейся Клашѣ. И вдругъ щеколда въ калиткѣ стукнула, и какъ разъ въ ту самую минуту, когда на крыльцо вышла Клаша, наконецъ проснувшаяся и безшумно умывшаяся за бѣлой занавѣской своего окна, во дворъ вошелъ Модестъ Страховъ.

Онъ тоже заспался въ это утро, какъ всегда, впрочемъ: покоенъ былъ его большой домъ, тихъ кабинетъ, выходившій окнами во дворъ, широка кровать красного дерева, стоявшая подъ старинной, чуть не всю стѣну занимавшей картиной, — подъ смуглой нагой Сусанной съ миловиднымъ овальнымъ лицомъ, стыдливо и граціозно выходившей изъ мраморнаго водоема. Страховъ, старый вдовецъ, жившій въ имѣніи, верстахъ въ пяти отъ города, никогда ни въ чемъ не стѣснялъ Модеста, давалъ ему во всемъ полную свободу, и Модестъ пользовался ею. Кое-какъ одолѣлъ онъ гимназію, университета не кончилъ, хотя и не вышелъ изъ него, а просто забылъ о немъ, пріѣхавъ на святки изъ Москвы и увлекшись каткомъ и любительскими спектаклями. Теперь онъ часто ходилъ къ Нефедовымъ, и всѣ дивились, зачѣмъ онъ бываетъ въ этомъ скучномъ домѣ, въ семьѣ бывшаго отцовскаго крѣпостнаго. Онъ былъ средняго роста, держался прямо, носилъ лакированные ботинки съ пуговками, въ одеждѣ соблюдалъ щегольство, опрятность; чесался на прямой рядъ и тоже очень тщательно, — ровно положенъ былъ пыльный проборъ въ его черныхъ крупныхъ волосахъ, тускло блестящихъ отъ фиксажура; брился по-актерски, и щеки у него были всегда голубя. Безпокойны были его коричневые глаза, но правильныя черты лица оживлялись рѣдко: тогда у него слегка дрожали руки, дрожали тонкіе пальцы, которыми онъ всегда поправлялъ батистовый траурный платочекъ, угломъ торчавшій изъ кармана его визитки на лѣвой сторонѣ груди. Втайнѣ гордась знатностью своего рода, онъ занимался геральдикой и досмѣшного былъ свѣдушъ въ ней. Старикъ Нефедовъ

его боялся, но проще всего Модестъ вель себя именно у него въ домѣ. Онъ былъ на «ты» съ Ефремомъ и Маришей, которую всегда стѣсняло это. Съ напускной непринужденностью обращалась съ нимъ одна Раиса Матвѣевна.

Подойдя къ крыльцу, онъ приподнял котелокъ:
— Можно? — спросилъ онъ.

И вся семья встала, подобострастно улыбаясь его шутливой вѣжливости.

Онъ поднялся на крыльцо, всѣмъ пожалъ руки, обернулся къ Клашѣ, держа котелокъ у груди. . .

— А это, позвольте вамъ представить, моя племянница, — сказала Раиса Матвѣевна не то насмѣшливо, не то церемонно.

И онъ особенно вѣжливо наклонилъ передъ Клашей свой напوماженный проборъ и слабо коснулся ея прохладной отъ воды руки. Потомъ взглянулъ ей въ глаза, быстро окинулъ всю ея фигуру: пополнѣвшая со сна, съ темныхъ румянцемъ на щекахъ и темнымъ блескомъ глазъ, въ бѣленькой кофточкѣ, такой легкой, что въ рукавахъ розово сквозили предплечья, она была свѣжа, хороша, — онъ живо почувствовалъ это. И она чуть смѣшалась и сбѣжала по ступенькамъ на густой навозъ двора. Онъ поспѣшилъ заговорить съ Ефремомъ, а она, шурясь, подняла глаза на небо и радостно сказала, ни къ кому не обращаясь:

— Ахъ Боже мой, какъ уже поздно!

Погода разгуливалась; тепло солнца, скрытаго за облаками, доходило до лица, до рукъ. Въ небѣ пѣли невидимые жаворонки, сѣро-жемчужныя облака высоко плыли надъ улицей, по которой тянуло легкимъ, влажнымъ воздухомъ и запахомъ цвѣтовъ съ поля, а

въ страховскомъ саду, глядѣвшемъ изъ-за забора, ровно лепетала серебристая листва осинъ. И великъ, живописенъ показался Клашѣ этотъ садъ, темный, сырой внутри, въ глубинѣ, гдѣ на столѣтнихъ липахъ вилась гнѣзда ястреба, а подъ мшистыми елями зеленѣли и гнили скамьи, на которыхъ уже давно не сидѣлъ никто. . .

Римъ, 24. III. 14.

АРХИВНОЕ ДѢЛО

Этотъ потѣшный старичекъ, по фамиліи Фисунъ, состоялъ въ нашей земской управѣ архивариусомъ. Насъ, его молодыхъ сослуживцевъ, все потѣшало въ немъ: и то, что онъ архивариусъ, и не только не находитъ смѣшнымъ это старомодное слово, а, напротивъ, понимаетъ его очень высоко, и то, что его зовутъ Фисунъ, и даже то, что ему за восемьдесятъ лѣтъ.

Онъ былъ очень малъ ростомъ, круто гнулъ свою сухую спинку, носилъ престранный костюмъ: длинный базарный пиджакъ изъ чего-то сѣраго и громадныя солдатскіе сапоги, въ прямыя и широкія голенища которыхъ выше колѣнъ уходили его тонкія, на ходу качавшіяся ножки. Онъ очень плохо слышалъ, — «сего Хвисуна хотъ подъ колоколь подводи!» — говорили управскіе сторожа, съ хохлацкой насмѣшливостью поглядывая на его большія и всегда холодныя восковыя уши; онъ трясъ отъ старости головой, голосъ имѣлъ могильный, ротъ впалый, и ничего, кромѣ великой усталости и тупой тоски, не выражали его выцвѣтшіе глаза. Прибавьте къ этому еще рыжій солдатскій башлыкъ, конусомъ котораго зиму и лѣто украшалъ себя Фисунъ на улицѣ во избѣжаніе полной потери слуха,

прибавьте толстыя морщины на сапогахъ, всегда какъ жаръ горѣвшихъ отъ ваксы, — фигура то получится и впрямь потѣшная. Но мало того, — такой потѣшной наружности и характеръ соотвѣтствовалъ потѣшный.

Секретарь, бывшій семинаристъ, недаромъ называлъ Фисуна Харономъ. Фисунъ, какъ я уже сказалъ, былъ убѣжденнѣйшій архивариусъ. Служить онъ началъ лѣтъ съ четырнадцать и служилъ исключительно по архивамъ. Со стороны ужаснуться можно было: чуть не семьдесятъ лѣтъ просидѣлъ человекъ въ этихъ сводчатыхъ подземельяхъ, чуть не семьдесятъ лѣтъ прошмыгалъ въ ихъ полутемныхъ ходахъ и все подшивалъ да присургучивалъ, гробовыми печатями припечатывалъ ту жизнь, что шла гдѣ-то наверху, при свѣтѣ дня и солнца, а въ должный срокъ нисходила долу, въ эту смертную архивную сѣнь, грудями пыльнаго и уже ни единой живой душѣ ненужнаго хлама загромождая полки! Но самъ-то Фисунъ не находилъ въ своей судьбѣ ровно ничего ужаснаго. Напротивъ: онъ полагалъ, что ни единое человѣческое дѣло немислимо безъ архива.

— А ежели справка понадобится? — говорилъ онъ — и твердо былъ увѣренъ, что фраза эта неотразима.

Въ подземельѣ, до сводовъ заваленномъ докладами и отчетами, сидѣлъ въ ту пору и я, ближайшій сосѣдъ Фисуна, бібліотекарь управы, тоже, значитъ, Харонъ въ нѣкоторомъ родѣ. Но вѣдь я сидѣлъ всего третій годъ, а не шестьдесятъ пятый; я получалъ, ничего недѣлая, почти тридцать девять рублей и все былъ недоволенъ. А Фисунъ изнурялся въ трудахъ и заботахъ съ ранняго утра до самаго вечера, получалъ тринадцать съ полтиной и даже терялся, не зная, куда дѣ-

вать такую уйму золота, — настолько были ограничены его житейскія потребности. Два рубля въ мѣсяцъ зарабатывалъ онъ при началѣ своего служебнаго поприща въ архивѣ опекунскаго совѣта, и то благодарилъ Бога, а если и «не чужалъ ногъ подъ собой отъ радости», достигнувъ послѣ десятилѣтней службы въ сиротскомъ домѣ четырехъ рублей съ копейками, то не чужалъ вовсе не изъ корысти: единственно потому, что это былъ окладъ уже не мелкой сошки, а полнаго господина архивныхъ нѣдръ, окладъ архивариуса.

Въ управѣ онъ служилъ чуть не съ перваго дня ея существованія. И какъ служилъ! Не знаю, когда онъ просыпался. Но думаю, что не позднѣе четырехъ утра, потому что жилъ онъ очень далеко, не въ городѣ, а за городомъ, въ голубой хаткѣ среди овраговъ предместья, шаркалъ своими расчищенными сапогами и переставлялъ костыль очень медленно, и все таки являлся въ управу ровно въ шесть. Бывало, еще солнце не успѣетъ нагрѣть тѣнистыхъ и росныхъ садовъ, еще плавно и гордо вихляются по деревяннымъ «пѣшеходамъ» грудастыя хохлушки съ коромыслами черезъ плечо, съ махотками молока и кошолками вишенъ, еще пусть базаръ и по утреннему чисты, бѣлы улицы, а онъ, въ своемъ башлыкѣ и болотныхъ сапогахъ, уже поспѣшаетъ. Сторожа, которыхъ будилъ онъ стукомъ въ дверь управы, не разъ выскакивали на подѣздъ съ твердымъ намѣреніемъ надавать ему въ шею; да вѣдь все таки былъ онъ не простой человекъ, не свой братъ сторожъ, а архивариусъ. Сторожа ругались, плевали, стыдили его; но онъ былъ упрямъ — и таки добился, что они смирились, привыкли къ его стуку ни свѣтъ, ни заря.

При такомъ служебномъ рвеніи, можете себѣ представить, когда онъ покидалъ управу! Вотъ уже кончается долгій лѣтній день, ушли изъ управы не только столоначальники, но даже самые послѣдніе писцы, и гулко раздаются въ пустыхъ отдѣленіяхъ свободные голоса сторожей, грохотъ передвигаемыхъ столовъ и стульевъ, а Фисунъ все еще бродитъ въ своихъ темныхъ владѣніяхъ, въ дугу согнувъ свою худую спину, держа въ блѣдной, обезображенной ревматизмомъ рукѣ пылающій огарокъ и заботливо осматривая полки съ кипами дѣлъ; плаваешь надъ городомъ, въ блескѣ опускающагося солнца, дрожащій басъ соборнаго колокола, призывая инвалидовъ и старухъ къ вечернѣ; ложатся тѣни отъ крышъ и садовъ, и усаживаются благодушеествовать у раскрытыхъ оконъ пообѣдавшіе и вздремнувшіе горожане; а Фисунъ только еще голову башлыкомъ закутываетъ и стучитъ костылемъ въ полъ, распекая своего подчиненнаго — за то, что тотъ опять явился сегодня въ управу чуть ли не въ семь часовъ, чуть не на цѣлый часъ позже своего прямого начальства.

— Я бачу, бачу ваше поведѣніе! — глухо кричитъ онъ, стоя возлѣ входа въ архивъ, подъ широкой лѣстницей, ведущей во второй этажъ, и глядитъ съ тоской, злобой и старческой растерянностью.

Да, какъ это ни смѣшно, у Фисуна тоже былъ подчиненный! И этотъ подчиненный пресерьезно называлъ его иногда тираномъ, и, что всего страннѣй, не безъ основанія: характеръ у Фисуна былъ, дѣйствительно, не легкій. Всѣ управскіе старики, кое-что знавшіе о личной жизни Фисуна, въ одинъ голосъ утверждали, что онъ и въ семьѣ тиранъ: что онъ весь вѣкъ

держитъ въ истинно ежевыхъ рукавицахъ свою жену, робкую и беззавѣтно преданную ему старушку, кое чѣмъ торгующую на базарѣ, что она слова лишняго не смѣетъ пикнуть при немъ и все-таки съ самой трогательной заботливостью, до седьмого пота начищаетъ каждое утро его сапоги на порогѣ своей хаты. Какъ же могъ послѣ этого не бояться Фисуна вышеупомянутый подчиненный его, Луговой? Фисунъ шамкаетъ, горбится отъ раздраженія все круче, почти касаясь хвостомъ пиджака сапожныхъ голенищъ, и крѣпко стучитъ костылемъ, а тотъ, хотя и хмурится, да все-таки молчитъ, не поднимаетъ глазъ. Это былъ большой и угрюмый хохоль, коренастый мужикъ въ люстриновомъ костюмѣ, долго работавшій на почтѣ по части зашиванія и штемпелеванія посылокъ и, наконецъ, попавшій въ управу на постъ «помощника архивариуса». Онъ однимъ щелчкомъ могъ пришибить Фисуна, но вѣдь давно извѣстно, что сила не въ самой силѣ, а въ той власти, съ которой связана она. А что Фисунъ облеченъ былъ властью, что Фисунъ чувствовалъ себя очень строгимъ начальникомъ и заражалъ Лугового своимъ чувствомъ, — въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Говоря по совѣсти, дѣлъ (и совсѣмъ не спѣшныхъ) было въ архивѣ очень мало. Но Фисунъ отличался удивительнымъ умѣнiемъ находить ихъ и работалъ такъ кропотливо, что работы и заботы оказывалось всегда по горло. И онъ упивался ими, онъ замучивалъ Лугового — особливо осенью, передъ земскими собраніями, когда въ управѣ шли вечернія занятія, въ которыхъ для архива не было ни малѣйшей надобности и которыя, тѣмъ не менѣе, Фисунъ «назначалъ» неукоснительно.

Само собой разумѣется, что далеко не всегда, — и, прежде всего, по причинѣ своей глубокой старости, — ощущалъ онъ себя носителемъ власти. Да и умалялась она сторожами, которые часто орали на него, находя, что онъ вѣчно мѣшаетъ имъ подъ лѣстницей, вѣчно «вертится подъ ногами». Не всегда, конечно, трепеталъ передъ Фисуномъ Луговой: были часы, когда нужно было отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ и подкрѣпить силы для дальнѣйшихъ, когда закуска, чаепитіе и куреніе тютюна почти совсѣмъ уравнивали Фисуна съ Луговымъ. Тутъ, сидя подъ лѣстницей за столикомъ, они бесѣдовали, рѣзали житный хлѣбъ, чистили тарань и заваривали фруктовый чай въ жестяномъ чайникѣ совсѣмъ какъ простые, одинаковаго ранга люди. Тутъ объединяла ихъ еще и ненависть къ сторожамъ, которые и Лугового не очень-то жаловали, а кромѣ того — глубокая отчужденность архива отъ всѣхъ прочихъ отдѣленій управы: твердо держались эти архивные кроты, — и Фисунъ, конечно, особенно твердо, — того убѣжденія, что низъ и верхъ суть два совершенно разныхъ міра, что во вѣки вѣковъ не расти двумъ колосьямъ въ уровень, что до скончанія времени пребудутъ большіе и малые, власть и подчиненіе, что напрасно молокососы потѣшаются надъ ними. . . и вѣрой и правдой служили этому убѣжденію, одинъ — властвуя, а другой — подчиняясь.

Упрямы были они, эти темные люди! Знать не хотѣлъ Фисунъ того новаго міра, въ который попалъ онъ, старозавѣтный человѣкъ. И мы, молокососы, не только пожимали плечами, но порой и негодовали: смѣшонъ и страненъ былъ въ нашемъ мірѣ этотъ выходецъ изъ міра опекунскихъ совѣтовъ! Конечно, вре-

мена были тогда глухія, архиреакціонныя: но вѣдь все-таки были мы земскіе люди. А наше земство было къ тому-же не простое: на всю Россію славилось свободлюбіемъ, демократичностью. Я въ ту пору тоже находился внизу, но я уже былъ на порогѣ, на выходѣ изъ своего подземелья, и не куда-нибудь, а въ самое горнило управы — въ статистику. Я былъ тоже не великъ господинъ, но я уже былъ вхожъ въ тотъ чуждый, заповѣдный для Фисуна и Лугового міръ, гдѣ жизнь питалась совсѣмъ не тѣми идеями «временъ Очакова и покоренья Крыма», что въ архивѣ, — гдѣ со стѣнъ предсѣдательскаго кабинета глядѣли лица украшенныхъ великолѣпными бакенбардами дѣятелей «эпохи великихъ реформъ», гдѣ въ двухсвѣтной залѣ собранія, передъ очами красавца Царя-Освободителя, во весь ростъ изображеннаго стоящимъ на зеркально-лаковомъ полу, отъ самаго начала шестидесятыхъ годовъ и до дней глубокой старости Фисуна смѣло звучали голоса «последнихъ изъ стаи славной», гдѣ съ устъ старца Станкевича, могикана этой стаи, раздавалось столько бодрыхъ и краснорѣчивыхъ призывовъ къ «забытымъ словамъ», къ добру, къ правдѣ, къ гуманности, «къ неуклонному слѣдованію по тернистому пути русской гражданственности.» И повторяю, досадно и смѣшно было мнѣ, подымавшемуся въ этотъ міръ и на обратномъ пути проходившему подъ лѣстницей, глядѣть на своихъ столь архаическихъ сослуживцевъ! Бывали минуты, когда даже не смѣяться мнѣ хотѣлось, а подойти къ Фисуну и Луговому и какимъ-нибудь однимъ словомъ, однимъ жестомъ, въ родѣ крѣпкаго рукопожатія, заставить воспрянуть духомъ и этихъ людей, добровольно гнувшихъ свои выи, дать имъ почув-

ствовать, какъ неправы они въ своемъ страхѣ передъ тѣмъ міромъ, что наверху. Но нужно было видѣть, какими холодными взглядами провожали меня Фисунъ и Луговой, когда я, развязно спустившись изъ этого міра, проходилъ мимо нихъ въ библіотеку! Да впрочемъ, холодные-то взгляды были бы еще туда-сюда: бѣда въ томъ, что дѣло обстояло еще хуже. Не одну враждебность ко мнѣ, не одно презрѣніе къ моей развязности чувствовалъ Фисунъ: нѣтъ, несмотря на мой низкій чинъ, онъ непременно поднимался съ мѣста, когда я проходилъ мимо, и вытягивалъ руки по швамъ, старался разогнуться и лучше уставить свои качающіяся ножки, до колѣнъ погруженные въ прямые и широкія голенища. Ему чудилось сіяніе вокругъ головы того, что спустился въ эту темную архивную юдоль съ горныхъ высотъ, онъ зналъ, что самъ предсѣдатель почему-то подаетъ мнѣ руку, что я какъ равный курю и болтаю съ секретаремъ — и чувствовалъ, что вмѣстѣ со мною какъ-бы доходить и до него нѣкое вѣяніе оттуда, гдѣ обитала та самая власть, у подножья которой столько лѣтъ пресмыкался онъ, и чьей ипостасью, хотя и очень малою, признавалъ онъ порой и себя самого.

Такъ вотъ и шли рядомъ двѣ совершенно разныхъ жизни — наша и архивная. Такъ и стояли мы съ этимъ упрямымъ и потѣшнымъ старичкомъ каждый на своемъ, коснѣя въ своихъ совершенно разныхъ убѣжденіяхъ. . . Какъ вдругъ старичекъ взялъ да и умеръ. Смерть его, какъ и всякая смерть, конечно, не могла быть потѣшной, — вѣдь все-таки горько плакала старушка на порогѣ хаты въ предмѣстьѣ, нагрѣвая щеткой солдатскіе сапоги и не желая разставаться съ надеждой, что хозяинъ ихъ поднимется и опять попле-

тется въ архивъ, — но что эта смерть была не менѣе странной, чѣмъ и жизнь Фисуна, съ этимъ, надѣюсь, согласится всякій. Произошла она, правда, отчасти по нашей винѣ: мы вѣдь все-таки на нѣкоторое время сломали его упрямство, заразили его своей вѣрой въ торжество свободы и равенства; да вѣдь кто-же могъ знать, что онъ ужъ до такой крайней степени окажется робокъ во второмъ этажѣ управы, что онъ, будучи такимъ робкимъ и отъ природы и въ силу давней привычки трепетать передъ вторыми этажами, вдругъ перейдетъ всякія границы свободы, и что дѣло кончится смертью?

Произошла же эта смерть слѣдующимъ образомъ:

Служилъ я первый годъ, служилъ второй, третій. . . а Фисунъ шестьдесятъ шестой, шестьдесятъ седьмой. Время, повторяю, было трудное, — недаромъ обжора и пьяница, но либеральнѣйшій человекъ, старшій врачъ губернской земской больницы, говорилъ: «Бывали хуже времена, но не было подлѣй»; время было темное, но вѣдь ужъ извѣстно, что «чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды», что «самая густая тьма — предразсвѣтная.» И мы все крѣпче вѣрили въ этотъ «грядущій разсвѣтъ». А Фисунъ попрежнему твердо держался своего — того коснаго убѣжденія, что двумъ колосямъ въ уровень никогда не расти. Однако, буквально каждый годъ приносилъ пораженіе за пораженіемъ этому Оомѣ невѣрному: съ каждымъ годомъ все бодрѣе звучали голоса и старыхъ земскихъ бойцовъ и идущихъ на смѣну имъ. И вотъ, наконецъ, чуть не поголовно всѣми, ежегодно собиравшимися въ ноябрѣ въ двухсвѣтной залѣ нашей управы, овладѣли знаменитыя «весеннія мечтанія.» А когда изъ-за рѣдѣющихъ

зимнихъ облаковъ выглянуло и само весеннее солнце. когда полетѣли въ поднебесье первыя птицы и затрещаль кое-гдѣ ледъ, сковывавшій дотолѣ вольныя воды, эти мечтанія, прихлынувъ къ сердцамъ, вылились уже въ опредѣленную форму: въ форму страстныхъ протестовъ, пожеланій, требованій и самыхъ зажигательныхъ рѣчей! До самыхъ подземелій управы проникъ горячій весенній свѣтъ, и Фисунъ, хотя и растерялся отъ этого свѣта, невольно зажмурилъ свои старые глаза, уже не могъ не видѣть, не могъ отрицать того, что стало зримымъ, явнымъ и несомнѣннымъ для всѣхъ. Управа въ тотъ ноябрь была подобна вешнему улью: съ верху до низу гудѣла она народомъ, среди котораго было и огромное количество постороннихъ, начиная съ курсистокъ, студентовъ, врачей и кончая даже обывателями, и, казалось уже не стало никакого различія между низомъ и верхомъ, между большими и малыми: всѣ, отъ первыхъ земскихъ магнатовъ до послѣдняго сторожа, отъ предводителя дворянства до Лугового, жаждали заключить другъ друга въ объятія, чтобы уже однимъ потокомъ, къ одной цѣли двинуться впередъ. «Свобода! свобода!» — звучало повсюду. И вотъ на этотъ-то кличъ и двинулся, къ изумленію всѣхъ, даже и самъ Фисунъ: повязался похолоднымъ, восковымъ ушамъ свернутымъ краснымъ платкомъ, выползъ, горбясь и осѣдая на ноги, касаясь хвостомъ пиджака голенищъ, изъ своихъ подземелій, добрѣлъ до лѣстницы во всю ширину крытой краснымъ сукномъ, — и, хотя и очень медленно, но упрямо сталъ подниматься наверхъ, къ тѣмъ огромнымъ зеркаламъ, туманно-голубымъ отъ табачнаго дыма и отражающимъ въ себѣ цѣлое море народа, что были по-

бокамъ главнаго входа въ двухсвѣтнѣй залъ собранія. А поднявшись, смѣшался съ шумными, воедино слитыми въ одну массу народными толпами, вольно сталъ бродить по коридору, по отдѣленіямъ, по кабинетамъ — и узрѣлъ таки, наконецъ, самого Златоуста нашего, самого Станкевича.

И ахъ, какъ говорилъ Станкевичъ въ этотъ день! Смѣлое и гордое рѣшеніе приступомъ итти на твердыни стараго міра уже созрѣло, — оставалось только уронить въ полную чашу ту драгоцѣнную каплю, что переливается влагу черезъ край. И звучно провозгласилъ предводитель дворянства, предсѣдатель собранія, терявшійся за моремъ головъ въ туманно-голубомъ залѣ, у блистающаго золотомъ, лакомъ и красками царскаго портрета, что принадлежитъ слово Алексѣю Алексѣевичу Станкевичу, и среди благоговѣйной тишины поднялась изъ среды сидѣвшихъ за безконечно-длиннымъ столомъ могучая и сѣдовласая фигура «льва русской гражданственности.» Онъ и наружностью похожъ была на льва. Правда, уже согбенъ годами и думами, лицомъ очень красенъ, взоромъ важно-печаленъ и тусклъ; поднялся медленно, концами дрожащихъ красныхъ пальцевъ оперся на столъ, крытый зеленымъ сукномъ, заговорилъ сперва тихо, раздѣльно. . . Но какая увѣренность звучала въ этихъ тихихъ, раздѣльно произносимыхъ словахъ, какая буйная грива сѣдыхъ кудрей возвышалась надъ высокимъ челомъ, ниспадая на плечи, облеченныя въ простой черный сюртукъ! А какъ потомъ окрѣпъ голосъ оратора, какъ зазвучалъ сталью, призывая безъ страха и сомнѣнія впередъ на борьбу, какъ повергъ этотъ голосъ всю залу, вплоть до переполненныхъ хоръ, сперва въ жуткое молчаніе,

а послѣ въ неистовый восторгъ, прорвавшійся бѣшеными кликами — того и описать невозможно!

Самъ потрясенный своей рѣчью и разбитый усталостью, но торжествующій, засыпанный аплодисментами и цвѣтами съ хоръ, опустился Станкевичъ на свое мѣсто и долго, блѣдный и важный, какъ-бы ничего не видящій, сидѣлъ, откинувшись къ спинкѣ кресла. А потомъ снова приподнялся — и среди почтительно разступающагося земскаго и иного люда со старческой неспѣшностью прослѣдовалъ вонъ изъ зала.

Гдѣ былъ въ это время Фисунъ? Но вотъ въ томъ-то и дѣло, что Фисунъ прослѣдовалъ къ той-же цѣли, которая подняла съ мѣста Станкевича, еще ранѣе. Фисуну, долго стоявшему у входа въ залъ, за плечами сгрудившейся толпы, ровно ничего не было слышно. И, уставъ стоять, чувствуя дремоту, онъ медленно, но довольно свободно опять побрель по коридору. И, дойдя до конца его, постоялъ въ раздумьѣ, сонно глядя на дверь, за которую смѣли прежде заглядывать только предсѣдатель, гласные да высшіе чины управы; а затѣмъ, ничтоже сумняшеся, взялся за ея скобку, — можетъ быть, даже и не въ силу прямой потребности; и, затворившись на крючокъ, долго-долго пробылъ за этой дверью.

Не будь онъ глухъ, не завязывай платкомъ ушей, слышалъ-бы онъ, несчастный, что чья-то рука нѣсколько разъ дергала за скобку, тянула къ себѣ дверь, и что чей-то недовольный, тоже старческій голосъ бормоталъ что-то. Но онъ былъ глухъ, глухъ и повязанъ платкомъ! Былъ онъ, кромѣ того, очень неспоръ въ движеніяхъ, потребныхъ для приведенія своего костюма въ порядокъ. Когда-же одолѣлъ онъ все это и рас-

пахнулъ дверь, то увидѣлъ, что передъ нимъ — самъ Станкевичъ! И застыли, замерли два старика другъ передъ другомъ, — первый отъ изумленія и негодованія, а второй отъ ужаса.

— Какъ? — медленно выговорилъ первый, выкатывая глаза и нагибаясь. — Какъ? Такъ это ты, негодяй, сидѣлъ тамъ?

— Никакъ нѣтъ, — хотѣлъ выговорить второй, тоже выкатывая глаза, — и не могъ: и отъ страха, и отъ того, конечно, что ужъ слишкомъ бы не соответствовало это истинѣ.

— Какъ? Ты осмѣлился забраться въ господскую уборную? — еще медленнѣе выговорилъ первый, наливаясь подъ своей бѣлоснѣжной сѣдиной кровью и наступая.

— Никакъ нѣтъ, — бессмысленно пролепеталъ второй, блѣднѣя, какъ смерть, и прижимаясь къ стѣнѣ, осѣдая на свои голенища, на свои отнявшіяся ноги.

— Да ты кто такой? — бѣшено крикнулъ первый, затопавъ въ ярости ботинками.

Но второй, выпучивъ глаза, ставъ похожимъ на зайца, благодаря хвостикамъ платка, торчавшимъ на его макушкѣ, уже и лепетать не могъ. . .

Конецъ этой трагикомической исторіи вы знаете: будучи черезъ часъ послѣ этого доставленъ въ безсознательномъ состояніи домой, Фисунъ слегъ въ постель, а черезъ недѣлю и душу Богу отдалъ, въ первый и послѣдній разъ побывавъ во второмъ этажѣ управы, въ первый и послѣдній разъ проѣхавшись на извозчикѣ. . . Смерть его, равно какъ и другія нѣкоторыя событія, послѣдовавшія вслѣдъ за весенними мечтаніями, конечно, не измѣнили нашихъ идеаловъ, не угаси-

ли нашей вѣры въ грядущее торжество этихъ идеаловъ. Но что она отчасти смутила кое-кого изъ насъ, — въ томъ числѣ и меня, — въ этомъ я не могу не признаться. Идутъ дни, годы, а я нѣтъ-нѣтъ да и вспомню эту смерть. И какъ уже не мало прошло этихъ дней и годовъ, то не мало и сомнѣній закралось въ мою душу. Я, напримѣръ, всецѣло присоединился теперь къ тому великому почтенію, какое питалъ покойный Фисунъ къ архивамъ. Равенство-то равенствомъ, а очень правъ онъ былъ, что не мыслима безъ архивовъ жизнь, и что надо, надо оберегать ихъ, ибо, если-бы ихъ не было, если-бы не существовало Фисуновъ, какъ бы сохранился вотъ хоть этотъ листокъ, на которомъ пишу я бѣдную и жалкую повѣсть Фисуна? А при Фисунахъ онъ, конечно, сохранится и, конечно, попадетъ кому-нибудь на глаза — и чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше: рѣзче ударятъ тогда въ глаза новаго человека строки этой старой исторіи. Фисунъ говорилъ: «А ежели справка понадобится?» Такъ вотъ, ежели понадобится справка о нашемъ времени, пригодится, можетъ быть, и моя справка о немъ.

Одесса. 21. VII. 14.

ГРАММАТИКА ЛЮБВИ

Нѣкто Ивлевъ ѣхаль однажды въ началѣ іюня въ дальній край своего уѣзда.

Тарантасъ съ кривымъ пыльнымъ верхомъ далъ ему шуринъ, въ имѣніи котораго онъ проводилъ лѣто. Тройку лошадей, мелкихъ, но справныхъ, съ густыми сбитыми гривами, нанялъ онъ на деревнѣ, у богатаго мужика. Правиль ими сынъ этого мужика, малый лѣтъ восемнадцати, тупой, хозяйственный. Онъ все о чемъ-то недовольно думалъ, былъ какъ будто чѣмъ-то обиженъ, не понималъ шутокъ. И, убѣдившись, что съ нимъ не разговоришься, Ивлевъ отдался той спокойной и безцѣльной наблюдательности, которая такъ идетъ къ ладу копытъ и громыханію бубенчиковъ.

Ѣхать сначала было очень пріятно: теплый, тусклый день, хорошо накатанная дорога, въ поляхъ множество цвѣтовъ и жаворонковъ; съ хлѣбовъ, съ невысокихъ сизыхъ ржей, простиравшихся насколько глазъ хватить, дулъ сладкій вѣтерокъ, несъ по ихъ косякамъ цвѣточную пыль, мѣстами дымилъ ею, и вдали отъ нея было даже туманно. Малый, въ новомъ картузѣ и неуклюжемъ люстриновомъ пиджакѣ, сидѣлъ прямо; то, что лошади были всецѣло ввѣрены ему и что онъ

былъ наряженъ, дѣлало его особенно серьезнымъ. А лошади кашляли и не спѣша бѣжали, валекъ пристяжки порою скребъ по колесу, порою натягивался, и все время мелькала подъ нимъ бѣлой сталью стертая подкова. /

— Къ графу будемъ заѣзжать? — спросилъ малый, не оборачиваясь, когда впереди показалась деревня, замыкавшая горизонтъ своими лозинами и садомъ.

— А зачѣмъ? — сказалъ Ивлевъ.

Малый помолчалъ и, сбивъ кнутомъ прилипшаго къ лошади крупнаго овода, сумрачно отвѣтилъ:

— Да чай пить. . .

— Не чай у тебя въ головѣ, — сказалъ Ивлевъ. — Все лошадей жалѣешь.

— Лошадь ѣзды не боится, она корму боится, — отвѣтилъ малый наставительно.

Ивлевъ поглядѣлъ кругомъ: погода поскучнѣла, со всѣхъ сторонъ натянуло линючихъ тучъ, и уже накрапывало — эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями. . . Старикъ, пахавшій возлѣ деревни, сказалъ, что дома одна молодая графиня, но все-таки заѣхали. Малый натянулъ на плечи армякъ и, довольный тѣмъ, что лошади отдыхаютъ, спокойно мокъ подъ дождемъ на козлахъ тарантаса, остановившагося среди грязнаго двора, возлѣ каменнаго корыта, вросшаго въ землю, истыканнаго копытами скота. Онъ оглядывалъ свои сапоги, поправлялъ кнутовищемъ шлею на коренникѣ; а Ивлевъ сидѣлъ въ темнѣющей отъ дождя гостиной, болталъ съ графиней и ждалъ чая; уже пахло горячей лучиной, густо плылъ мимо открытыхъ оконъ зеленый дымъ самовара, который босая дѣвка набивала на крыльцѣ пуками ярко

пылающихъ кумачнымъ огнемъ щепокъ, обливая ихъ керосиномъ. Графиня была въ широкомъ розовомъ капотѣ, съ открытой напудренной грудью; она курила, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои тугія и круглыя руки; затягиваясь и смѣясь, она все сводила разговоръ на любовь, и между прочимъ рассказывала про своего близкаго сосѣда, помѣщика Хвощинскаго, который, какъ зналъ Ивлевъ еще съ дѣтства, всю жизнь былъ помѣшанъ на любви къ своей горничной Лушкѣ, умершей въ ранней молодости. — «Ахъ, эта легендарная Лушка! — замѣтилъ Ивлевъ шутливо, слегка конфузясь своего признанія. — Оттого, что этотъ чудакъ обоготворилъ ее, всю жизнь посвятилъ сумасшедшимъ мечтамъ о ней, я въ молодости былъ почти влюбленъ въ нее, воображалъ, думая о ней, Богъ знаетъ что, хотя она, говорятъ, совсѣмъ нехороша была собой.» — «Да? — сказала графиня, не слушая. — Онъ вѣдь, знаете, умеръ нынѣшней зимой. И Писаревъ, единственный, кого онъ иногда допускалъ къ себѣ по старой дружбѣ, утверждаетъ, что во всемъ остальномъ онъ нисколько не былъ помѣшанъ, и я вполне вѣрю этому — просто онъ былъ не теперешнимъ чета...» Наконецъ, босая дѣвка съ необыкновенной осторожностью подала на старомъ серебряномъ подноеѣ стаканъ крѣпкаго сиваго чая изъ прудовки и корзиночку съ печеньемъ, засиженнымъ мухами.

Когда поѣхали дальше, дождь разошелся уже по настоящему. Пришлось поднять верхъ, закрыться калянымъ, ссохшимся фартукомъ, сидѣть согнувшись. Громыхали глухарями лошади, по ихъ темнымъ и блестящимъ ляжкамъ бѣжали струйки, подъ колесами шур-

шли травы какого-то рубежа среди хлѣбовъ, гдѣ малый повхаль въ надеждѣ сократить путь, подъ верхомъ собирался теплый ржаной духъ, мѣшавшійся съ запахомъ стараго тарантаса. . . — «Такъ вотъ оно что, Хвоцинскій умеръ, — думаль Ивлевъ. — Надо непременно завхать, хотъ взглянуть на это опустѣвшее святилище таинственной Лушки. . . Но что за человекъ былъ этотъ Хвоцинскій? Сумасшедшій или просто какая-то ошеломленная, вся на одномъ сосредоточенная душа?» По рассказамъ стариковъ-помѣщиковъ, сверстниковъ Хвоцинскаго, онъ когда-то слылъ въ уѣздѣ за рѣдкаго умницу. И вдругъ свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потомъ неожиданная смерть ея, — и все пошло прахомъ: онъ затворился въ домѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жила и умерла Лушка, и больше двадцати лѣтъ просидѣлъ на ея кровати — не только никуда не выѣзжалъ, а даже у себя въ усадьбѣ не показывался никому, насквозь просидѣлъ матрацъ на Лушкиной кровати и Лушкиному вліянію приписывалъ буквально все, что совершалось въ мірѣ: гроза заходитъ — это Лушка насылаетъ грозу, объявлена война — значитъ, такъ Лушка рѣшила, неурожай случился — не угодили мужики Лушкѣ. . .

— Ты на Хвоцинское, что ли, ѣдешь? — крикнулъ Ивлевъ, высовываясь подъ дождь.

— На Хвоцинское, — невнятно отозвался сквозь шумъ дождя малый, съ обвисшаго картуза котораго уже текла вода. — На Писаревъ верхъ. . .

Такого пути Ивлевъ не зналъ. Мѣста становились все бѣднѣе и глуше. Кончился рубежъ, лошади пошли шагомъ и спустили покосившійся тарантасъ размытой колдобиною подъ горку, въ какіе-то еще некошеные

луга, зеленые скаты которыхъ грустно выдѣлялись на низкихъ тучахъ. Потомъ дорога, то пропадая, то возобновляясь, стала пореходить съ одного бока на другой по днищамъ овраговъ, по буеракамъ въ ольховыхъ кустахъ и верболозахъ. . . Была чья-то маленькая пасѣвка, нѣсколько колодокъ, стоявшихъ на скатѣ въ высокой травѣ, краснѣющей земляникой. . . Обѣхали какую-то старую плотину, потонувшую въ крапивѣ, и давно высохшій прудъ — глубокую яругу, заросшую бурьяномъ выше человѣческаго роста. . . Пара черныхъ куличковъ съ плачемъ метнулась изъ нихъ въ дождливое небо. . . А на плотинѣ, среди крапивы, мелкими блѣдно-розовыми цвѣточками цвѣлъ большой старый кустъ, то милое деревцо, которое зовутъ «Божьимъ деревомъ», — и вдругъ Ивлевъ вспомнилъ мѣста, вспомнилъ, что не разъ ѣздилъ тутъ въ молодости верхомъ. . .

— Говорятъ, она тутъ утопилась-то, — неожиданно сказалъ малый.

— Ты про любовницу Хвоцинскаго, что ли? — спросилъ Ивлевъ. — Это неправда, она и не думала топиться.

— Нѣтъ, утопилась, — сказалъ малый. — Ну, только думается, онъ скорѣй всего отъ бѣдности отъ своей сшелъ съ ума, а не отъ ней. . .

И, помолчавъ, грубо прибавилъ:

— А намъ опять надо заѣзжать. . . въ это, въ Хвоцино-то. . . Ишь, какъ лошади-то уморились!

— Сдѣлай милость, — сказалъ Ивлевъ.

На бугрѣ, куда вела оловянная отъ дождевой воды дорога, на мѣстѣ сведеннаго лѣса, среди мокрой, гниющей щепы и листвы, среди пней и молодой осиновой

поросли, горько и свѣжо пахнущей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругомъ, — только овсянки, сидя подъ дождемъ на высокихъ цвѣтахъ, звенѣли на весь рѣдкій лѣсъ, поднимавшійся за избою, но, когда тройка, шлепая по грязи, поровнялась съ ея порогомъ, откуда-то вырвалась цѣлая орава громадныхъ собакъ, черныхъ, шоколадныхъ, дымчатыхъ, и съ яростнымъ лаемъ закипѣла вокругъ лошадей, взвиваясь къ самымъ ихъ мордамъ, на лету перевертываясь и прядая даже подъ верхъ тарантаса. Въ то же время и столь же неожиданно небо надъ тарантасомъ расколосось отъ оглушительнаго удара грома, ни разу не гремѣвшаго за весь день, а малый съ остервененіемъ кинулся драть собакъ кнутомъ, и лошади вскачь понесли среди замелькавшихъ передъ глазами осиновыхъ стволовъ. . .

За лѣсомъ уже видно было Хвоцинское. Собаки отстали и сразу смолкли, дѣловито побѣжали назадъ, лѣсъ разступился, и впереди опять открылись поля. Вечерѣло, и тучи не то расходились, не то заходили теперь съ трехъ сторонъ: слѣва почти черная, съ голубыми просвѣтами, справа — сѣдая, грохочущая непрерывнымъ громомъ, а съ запада, изъ-за хвоцинской усадьбы, изъ-за косогоровъ надъ рѣчной долиной, — мутно-синяя, въ пыльных полосахъ дождя, сквозь которыя розовѣли горы дальнихъ облаковъ. Но надъ тарантасомъ дождь рѣдѣлъ, и, приподнявшись, Ивлевъ, весь закиданный грязью, съ удовольствіемъ завалилъ назадъ отяжелѣвшій верхъ и свободно вздохнулъ пахучей сыростью поля.

Онъ глядѣлъ на приближающуюся усадьбу, видѣлъ, наконецъ, то, о чемъ слышалъ такъ много, но по прежнему казалось, что жила и умерла Лушка не двадцать

лѣтъ тому назадъ, а чуть ли не во времена незапамят-
ныя. По долинуѣ терялся въ кугѣ слѣдъ мелкой рѣчки,
и надъ ней летала бѣлая рыбалка. Дальше, на полуго-
рѣ, лежали ряды сѣна, потемнѣвшіе отъ дождя; среди
нихъ, далеко другъ отъ друга, раскидывались старыя
серебристые тополи. Домъ, довольно большой, когда-
то бѣлый, съ блестящей, мокрой крышей, стоялъ на
совершенно голомъ мѣстѣ. Не было кругомъ ни сада,
ни построекъ, — только два кирпичныхъ столба на
мѣстѣ воротъ да лопухи по канавамъ. Когда лошади
въ бродъ перешли рѣчку и поднялись на гору, какая-
то женщина въ лѣтнемъ мужскомъ пальто съ обвис-
шими карманами гнала по лопухамъ индюшекъ. Фа-
садъ дома былъ необыкновенно скученъ: оконъ въ немъ
было мало, и всѣ они были невелики, сидѣли въ тол-
стыхъ стѣнахъ. Зато огромны были мрачныя крыль-
ца. Съ одного изъ нихъ удивленно глядѣлъ на подѣ-
ѣзжающихъ молодой человѣкъ въ сѣрой гимназической
блузѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, черный, съ
красивыми глазами и очень миловидный, хотя лицо
его было блѣдно и отъ веснушекъ пестро, какъ птичье
яйцо.

Нужно было чѣмъ-нибудь объяснить свой заѣздъ,
Поднявшись на крыльцо и назвавъ себя, Ивлевъ ска-
залъ, что хочетъ посмотрѣть и, можетъ быть, купить
библіотеку, которая, какъ говорила графиня, осталась
отъ покойнаго, и молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ
и одергивая сзади свою блузу, тотчасъ повелъ его въ
домъ. — «Такъ вотъ это и есть сынъ знаменитой Луш-
ки!» — подумалъ Ивлевъ, окидывая глазами все, что
было на пути, и часто оглядываясь и говоря что попа-
ло, лишь бы лишній разъ взглянуть на хозяина, кото-

рый казался слишком моложавъ для своихъ лѣтъ. Тотъ отвѣчалъ поспѣшно, но односложно, путался, видимо, и отъ застѣнчивости и отъ жадности; что онъ страшно обрадовался возможности продать книги и вообразилъ, что сбудетъ ихъ недешево, сказалось въ первыхъ же его словахъ, въ той неловкой торопливости, съ которой онъ заявилъ, что такихъ книгъ, какъ у него, ни за какія деньги нельзя достать. Черезъ полутемныя сѣни, гдѣ была настлана красная отъ сырости солома, онъ ввелъ Ивлева въ большую переднюю.

— Тутъ вотъ и жилъ вашъ батюшка? — спросилъ Ивлевъ, входя и снимая шляпу.

— Да, да, тутъ, — поспѣшилъ отвѣтить молодой человекъ. — То-есть, конечно, не тутъ... они вѣдь больше всего въ спальнѣ сидѣли... но, конечно, и тутъ бывали...

— Да, я знаю, онъ вѣдь былъ боленъ, — сказалъ Ивлевъ.

Молодой человекъ вспыхнулъ.

— То-есть чѣмъ боленъ? — сказалъ онъ, и въ голосъ его послышались болѣе мужественныя ноты. — Это все сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только все читали и никуда не выходили, вотъ и все... Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не снимайте шляпу, тутъ очень холодно, мы вѣдь не живемъ въ этой половинѣ...

Правда, въ домѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Въ непривѣтливой передней, оклеенной газетами, на подоконникѣ печальнаго отъ тучъ окна стояла лубяная перепелиная клѣтка. По полу самъ собою прыгалъ сѣрый мѣщочекъ. Наклонившись, молодой

человѣкъ поймалъ его и положилъ на лавку, и Ивлевъ понялъ, что въ мѣшочкѣ сидитъ перепелъ; затѣмъ вошли въ залъ. Эта комната, окнами на западъ и на сѣверъ, занимала чуть не половину всего дома. Въ одно окно, на золотѣ расчищающейся за тучами зари, видна была столѣтняя, вся черная плакучая береза, въ остальныхъ — высокій засыхающій акатникъ. Передній уголъ весь былъ занятъ божницей безъ стеколъ, уставленной и увѣшанной образами; среди нихъ выдѣлялся и величиной и древностью образъ въ серебряной ризѣ, и на немъ, желтѣя воскомъ, какъ мертвымъ тѣломъ, лежали вѣнчальные свѣчи въ блѣдно-зеленыхъ бантахъ.

— Простите, пожалуйста, — началъ-было робко Ивлевъ, преодолевая стыдъ, — развѣ вашъ батюшка...

— Нѣтъ, это такъ, — пробормоталъ молодой человекъ, мгновенно понявъ его. — Они уже послѣ ея смерти купили эти свѣчи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель въ залѣ была топорная. Зато въ простѣвкахъ стояли прекрасныя горки, полныя съ верху до низу фарфоровыми вещицами, хрусталемъ, бокалами въ золотыхъ ободкахъ. А полъ весь былъ устланъ колѣвыми пчелами, которыя шелкали подъ ногами. Пчелами была усыпана и гостиная, совершенно пустая. Пройдя ее и еще какую-то сумрачную комнату съ лежанкой, молодой человекъ остановился возлѣ низенькой двери и вынулъ изъ кармана брюкъ большой ключъ. Съ трудомъ повернувъ его въ ржавой замочной скважинѣ, онъ распахнулъ дверь, что-то пробормоталъ --- и Ивлевъ увидѣлъ камеру въ два окна; у одной стѣ-

ны стояла желѣзная голая койка, у другой — два книжныхъ шкапчика изъ корельской березы.

— Это и есть библіотека? — спросилъ Ивлевъ, подходя къ одному изъ нихъ.

И молодой человекъ, поспѣшивъ отвѣтить утвердительно, помогъ ему растворить шкапчикъ и жадно сталъ слѣдить за его руками.

Престранныя книги составляли эту библіотеку! Раскрывалъ Ивлевъ толстые переплеты, отворачивалъ шершавую сѣрую страницу и читалъ: «Заклятое урочище...», «Утренняя звѣзда и ночные демоны...», «Размышленія о тайнствахъ мірозданія...», «Чудесное путешествіе въ волшебный край...», «Новѣйшій сонникъ...» А руки все-таки слегка дрожали. Такъ вотъ чѣмъ питалась та одинокая душа, что навсегда затворилась отъ міра въ этой каморкѣ и еще такъ недавно ушла изъ нея... Но, можетъ быть, она, эта душа, и впрямь не совсѣмъ была безумна? — «Есть бытіе, — вспомнилъ Ивлевъ стихи Баратынскаго, — есть бытіе, но именовъ какимъ — его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье, — межъ нихъ оно, и въ человекѣ имъ — съ безуміемъ граничитъ разумѣнье...» Расчистило на западѣ, золото глядѣло оттуда изъ-за красивыхъ лиловатыхъ облаковъ и странно озаряло этотъ бѣдный пріютъ любви, любви непонятной, въ какое-то экстатическое житіе превратившей цѣлую человеческую жизнь, которой, можетъ, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной въ своемъ обаяніи Лушки...

Взявъ изъ-подъ койки скамеечку, Ивлевъ сѣлъ передъ шкапомъ и вынулъ папиросы, незамѣтно оглядывая и запоминая комнату.

— Вы курите? — спросилъ онъ молодого человѣка, стоявшаго надъ нимъ.

Тотъ опять покраснѣлъ.

— Курю, — пробормоталъ онъ и попытался улыбнуться. — То-есть не то что курю, скорѣе балуюсь... А, впрочемъ, позвольте, очень благодаренъ вамъ...

И, неловко взявъ папиросу, закурилъ дрожащими руками, отошелъ къ подоконнику и сѣлъ на него, загораживая желтый свѣтъ зари.

— А это что? — спросилъ Ивлевъ, наклоняясь къ средней полкѣ, на которой лежала только одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенникъ, и стояла шкатулка, углы которой были обдѣланы въ серебро, потемнѣвшее отъ времени.

— Это такъ... ожерелье покойной матушки, — запнувшись, но стараясь говорить небрежно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста... хотя оно вѣдь очень простое... вамъ не можетъ быть интересно...

И, открывъ шкатулку, Ивлевъ увидѣлъ заношенный шнурокъ, снизу очень дешевенькихъ голубыхъ шариковъ, похожихъ на каменные. И такое волненіе овладѣло имъ при взглядѣ на эти шарики, нѣкогда лежавшіе на шеѣ той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образъ уже не могъ не быть прекраснымъ, что зарябило въ глазахъ отъ сердцебіенія. Насмотрѣвшись, Ивлевъ осторожно поставилъ шкатулку на мѣсто; потомъ взялся за книжечку. Это была крохотная, прелестно изданная сто лѣтъ тому назадъ

«Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимымъ.»

— Эту книжку я, къ сожалѣнію, не могу продать, — съ трудомъ проговорилъ молодой человѣкъ. — Она очень дорогая. . . они даже подъ подушку ее себѣ клали. . .

— Но, можетъ быть, вы позволите хоть посмотрѣть ее? — сказалъ Ивлевъ.

— Пожалуйста, — прошепталъ молодой человѣкъ.

И, превозмогая неловкость, смутно томясь его пристальнымъ взглядомъ, Ивлевъ сталъ медленно перелистывать «Грамматику любви.» Она вся дѣлилась на маленькія главы: «О красотѣ, о сердцѣ, объ умѣ, объ обращеніи, о знакахъ любовныхъ, о нападеніи и защищеніи, о размолвкѣ и примиреніи, о любви платонической. . .» Каждая глава состояла изъ коротенькихъ, порою очень тонкихъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ были деликатно отмѣчены перомъ, красными чернилами. — «Любовь не есть простая эпизода въ нашей жизни, — читалъ Ивлевъ. Разумъ нашъ противорѣчитъ сердцу и не убѣждаетъ онаго. — Женщины никогда не бываютъ такъ сильны, какъ когда онѣ вооружаются слабостью. — Женщину мы обожаемъ за то, что она владычествуетъ надъ нашей мечтой идеальной. — Тщеславіе выбираетъ, истинная любовь не выбираетъ. — Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежитъ женщинѣ милой. Сія-то дѣлается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадимъ о ней отчетъ сами себѣ, сердце наше дѣлается невольникомъ любви навѣки. . .» Затѣмъ шло «изъясненіе языка цвѣтовъ», и опять кое-что было от-

мѣчено: «Дикій макъ — печаль. — Верескледъ — твоя прелестъ запечатлѣна въ моемъ сердцѣ. — Могильница — сладостныя воспоминанія. — Печальный гераній — меланхолія. — Польша — вѣчная горестъ. . .» А на чистой страничкѣ въ самомъ концѣ было мелко, бисерно написано тѣми же красными чернилами восьмистишіе. Молодой человекъ вытянулъ шею, заглядывая въ «Грамматику любви», и сказалъ съ дѣланной усмѣшкой:

— Это они сами сочинили. . .

Черезъ полчаса Ивлевъ съ облегченіемъ простился съ нимъ. Изъ всѣхъ книгъ онъ за дорогую цѣну купилъ только эту книжечку. Мутно-золотая заря блекла въ облакахъ за полями, желто отсвѣчивала въ лужахъ, мокро и зелено было въ поляхъ. Малый не спѣшилъ, но Ивлевъ не понукалъ его. Малый рассказывалъ, что та женщина, которая давеча гнала по лопухамъ индюшекъ, — жена дьякона, что молодой Хвоцинскій уже давно живетъ съ нею, что у него уже есть дѣти. Ивлевъ не слушалъ. Онъ все думалъ о Лушкѣ, о ея ожерельѣ, которое оставило въ немъ чувство сложное, похожее на то, какое испыталъ онъ когда-то въ одномъ итальянскомъ городкѣ при взглядѣ на реликвию одной святой. «Вошла она навсегда въ мою жизнь!» — подумалъ онъ. И, вынувъ изъ кармана «Грамматику любви», медленно перечиталъ при свѣтѣ зари стихи, написанные на ея послѣдней страницѣ:

Обрѣчены съ тобой мы оба
На грусть въ семь мірѣ лжи и зла!
Моя любовь была до гроба,
Она со мною умерла.

Но ей сердца любившихъ скажутъ:
«Въ преданьяхъ сладостныхъ живи!»
И правнукамъ своимъ покажутъ
Сію Грамматику Любви.

Москва, 18. II. 1915.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПЕРСТЕНЬ

Рубины мрачные цвѣли, чернѣли въ немъ,
Внутри пурпурно-кровяные,
Алмазы вспыхивали розовымъ огнемъ,
Дробясь, какъ слезы ледяныя.

Безцвѣтными игралъ завѣтный перстень мой,
Но затаенными лучами:
Такъ свѣтитъ и горитъ сокрытый полутьмой
Старинный образъ въ царскомъ храмѣ.

И долго я глядѣлъ на этотъ Божій даръ
Съ тоскою, смутной и тревожной,
И опускалъ глаза, переходя базаръ,
Въ толпѣ крикливой и ничтожной.

7. I. 15.

СЛОВО

Молчатъ гробницы, муміи и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Изъ древней тьмы, на міровомъ погостѣ,
Звучать лишь Письмена.

И нѣтъ у насъ иного достоянья!
Умѣйте же беречь
Хоть въ мѣру силъ, въ дни злобы и страданья,
Нашъ даръ безсмертный — рѣчь.

7. I. 15.

Просыпаюсь въ полумракѣ.
Въ занесенное окно
Смуглымъ золотомъ Исакій
Смотритъ дивно и темно.

Утро сумрачное снѣжно,
Крестъ ушелъ въ густую мглу.
За окномъ уютно, нѣжно
Жмутся голуби къ стеклу.

Счастливъ этимъ финскимъ утромъ,
Дикимъ сѣверомъ, зимой,
Свѣтлой люстры перламутромъ
Озарю я номеръ мой.

Все мнѣ радостно и ново:
Запахъ кофе, яркій свѣтъ,
Мѣхъ ковра, уютъ алькова
И сырой морозъ газетъ.

17. I. 15.

СВ. ЕВСТАФІЙ

Ловець великій передъ Богомъ,
Я алченъ въ молодости былъ.
Въ восторгъ буйномъ, зломъ и строгомъ,
По горнымъ доламъ и отрогамъ,
Я расточалъ мой ловчій пылъ.

— Простите, дѣвственныя сѣни
Языческихъ родимыхъ мѣстъ.
Ты сокрушилъ мои колѣни,
Смиранный Взоръ, голгофскій Крестъ.

Вотъ даль я волю пестрымъ сворамъ,
Узду коню: рога, рога
Летятъ надъ листовнымъ узоромъ,
А я — за ними, пьянъ просторомъ,
Погоней, жаждою врага.

— Простите, дѣвственныя сѣни,
Поющій лѣсъ, гремящій боръ.
Ты сокрушилъ мои колѣни,
Голгофскій Крестъ, смиренный Взоръ.

Мракъ и стволы великой чаши,
Органыхъ трубъ умолкшій рядъ,
Взоръ, и смиренный и грозящій,
И Крестъ изъ пламени, горящій
Въ рогахъ, откинутыхъ назадъ.

27. VIII. 15.

ПОЭТУ

Въ глубокихъ колодцахъ вода холодна,
И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ чище она.
Пастухъ нерадивый напьется изъ лужи
И въ лужѣ напоить отару свою,
Но добрый опуститъ въ колодець бадью,
Веревку къ веревкѣ привяжетъ потуже.

Безцѣнный алмазь, оброненный въ ночи,
Рабъ ищетъ при свѣтѣ грошевой свѣчи,
Но зорко онъ смотритъ по пыльнымъ дорогамъ,
Онъ ковшикомъ держитъ сухую ладонь,
Отъ вѣтра и тьмы ограждая огонь —
И знай: онъ съ алмазомъ вернется къ чертогамъ.

27. VIII. 15.

Взойди, о Ночь, на горній свой престолъ,
Стань въ безднѣ безднѣ, отъ блеска звѣздъ туманной,
Міръ тишины исполни первозданной
И сонныхъ водъ смири нѣмой глаголь.

Въ отверстый храмъ земли, небесъ, морей
Вновь прихожу съ мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, цѣлящею рукою,
Коснись чела, какъ Божій іерей.

Дала судьба мнѣ слишкомъ щедрый даръ,
Видѣнья дня безмѣрно ярки были:
Росистый хладъ твоей епитрахили
Да утолитъ души мятежный жаръ.

31. VIII. 15.

НЕВѢСТА

Я косы дѣвичьи плела,
На подоконникѣ сидѣла,
А ночь созвѣздьями цвѣла,
А море медленно шумѣло
И степь дрожала въ полуснѣ
Цикадѣ таинственнымъ журчаньемъ. . .
Кто до тебя вошелъ ко мнѣ?
Кто, въ эту ночь передъ вѣнчаньемъ,
Мнѣ душу истомилъ такой
Любовью, нѣжностью и мукой?
Кому я отдалась съ тоской
Передъ послѣднею разлукой?

2. IX. 15.

Роса, при блѣдно-розовомъ огнѣ
Далекаго востока, золотится.
Въ степи сидитъ пустушка на копнѣ.
Въ степи разсвѣтъ, въ степи роса дымится.

День впереди, столь радостный для насъ;
А сзади ночь, похожая на тучу.
Спятъ пастухи. Бараны сбились въ кучу,
Сверкая янтарями спящихъ глазъ.

2. IX. 15.

ГОРА АЛАГАЛЛА

Въ лѣсахъ кричитъ павлинь, шумятъ и плещутъ ливни,
Въ болотистыхъ низахъ, въ долинахъ рѣкъ — потопись.
Слоны залѣзли въ грязь, стоятъ, поднявши бивни,
Сырые хоботы закинувши на лобъ.

На тучахъ зелень пальмъ — безжизненнѣй металла,
И, тяжело заступивъ графитный горизонтъ,
Глядитъ изъ-за лѣсовъ нагая Алагалла,
Какъ сизый мастодонтъ.

10. IX. 15.

БѢЛЫЙ ЦВѢТЪ

Пустынникъ намъ сказалъ: «Благословенъ Господь!
Когда я изнурялъ бунтующую плоть,
Когда я жилъ въ бору надъ Малымъ Танаисомъ,
Я такъ скорбѣлъ порой, что жаловался крысамъ,
Сбѣгавшимся изъ норъ на скудный мой обѣдъ,
Да спасъ меня Господь отъ вражескихъ побѣдъ.
И знаете ли чѣмъ, какой утѣхой сладкой?
Я забавлялъ себя своею сирой хаткой,
Я мѣлъ въ горахъ нашель — и за годъ раза три
Бѣлилъ ее, друзья, снаружи и внутри.
Ахъ, темень, темень мѣръ, и чувствуютъ лишь дѣти,
Какая тишина и радость въ бѣломъ цвѣтѣ!»

10. IX. 15.

ОДИНОЧЕСТВО

Худая компаньонка, иностранка,
Купалась въ морѣ вечеромъ холоднымъ
И все ждала, что кто-нибудь увидитъ,
Какъ выбѣжитъ она, полунагая,
Въ трико, прилипшемъ къ тѣлу, изъ прибоя.
Потомъ, надѣвъ широкій балахонъ,
Сидѣла на пескѣ и ѣла сливы,
А крупный песъ съ гремящимъ лаемъ прядаль
Въ прибрежную сиреневую кипень
И жаркой пастью радостно кидался
На черный мячъ, который съ крикомъ «hor!»
Она швыряла въ воду. . . Загорѣлся
Вдали маякъ лучистою звѣздой. . .
Сырѣлъ песокъ, вошла луна надъ моремъ,
И по волнамъ у берега ломался,
Сверкалъ зеленый глянецъ. . . На обрывѣ,
Что возвышался сзади, въ свѣтломъ небѣ,
Чернѣла одинокая скамья. . .
Тамъ постоялъ съ раскрытой головою
Писатель, пообѣдавшій въ гостяхъ,
Сигару покурить и, усмѣхнувшись,
Подумалъ: — «Полосатое трико
Ее на зебру дѣлало похожей.»

10. IX. 15.

ПРОКАЖЕННЫЙ

Отъ кипарисовыхъ гробницъ
Взлетѣла стая черныхъ птицъ, —
Тюрбе разстрѣляно, разбито.
Вотъ грязный шелковый покровъ,
Вотъ книга съ оттискомъ подковъ...
Какъ грубо конское копыто!

Зачѣмъ ты, тихій садъ, зацвѣлъ?
Среди пожарищъ мой осель
Рыдающимъ томится ревомъ...
А я—я, прокаженный, радъ
Дышать весной сквозь этотъ смрадъ,
Что таетъ въ небѣ бирюзовомъ:

Пустой, разрушенный, нѣмой,
Отнынѣ этотъ городъ — мой,
Мой каждый спускъ и переулочъ,
Мои всѣ тупли мертвецовъ,
И рвы, и остовы дворцовъ,
Гдѣ моря шумъ такъ свѣжъ и гулокъ!

12. IX. 15.

ЗАСУХА ВЪ РАЮ

Отъ пальмъ увядшихъ слабы тѣни.
Ища воды, кричатъ въ тоскѣ
Среброголосые олени
И пожирають змѣй въ пескѣ.

Въ сухомъ лазоревомъ туманѣ
Очерчень солнца алый кругъ,
И самъ Творецъ сжимаетъ длани,
Таитъ тревогу и испугъ.

12. IX. 15.

У нубійскихъ черныхъ хижинъ
Мы въ пути коней поили.
Вечеръ теплый, тихій, темный
Чуть свѣтилъ шафраномъ въ Нилъ.

У нубійскихъ черныхъ хижинъ
Кто-то пѣлъ, томясь безстрастно:
— Я тоскую, я печальна
Оттого, что я прекрасна.

Мыши рѣяли, дрожали,
Буйволь спалъ въ прибрежномъ илѣ,
Пахло теплымъ, прянымъ дымомъ
И свѣтили звѣзды въ Нилъ.

12 IX. 15.

Въ жаркомъ золотѣ заката Пирамиды,
Вдоль по Нилу, на утѣху иностранцамъ,
Шелкомъ въ воду свѣтятъ парусныя лодки
И бѣжитъ луксорскій бѣлый пароходъ.
Это часъ, когда за Ниломъ пальмы четки
И въ Каирѣ блещутъ стекла алымъ глянцемъ
И хедивъ въ ландо катается и гиды
По кофейнямъ отдыхаютъ отъ господъ.

А сиреневыя дали, — тамъ, на югѣ,
На нубійскомъ, дикомъ югѣ, — мутны, знойны
И все такъ же міру чужды, заповѣдны,
Какъ при Хуфу, при Камбизѣ. . . Я привезъ
Лукъ оттуда и колчанъ зелено-мѣдный,
Щитъ изъ кожи бегемота, дротикъ стройный,
Мѣхъ пантеры, сѣтъ заржавленной кольчуги,
Но какая мнѣ въ нихъ надобность — вопросъ.

13. IX. 15.

Что ты мутный, свѣтель-мѣсяцъ?
Что ты низко въ небѣ ходишь,
Не попрежнему сіяешь
На серебряные снѣги?

Не впервой мнѣ, мѣсяцъ, видѣть,
Что окно ея высоко,
Что краснѣетъ тамъ лампадка
За шелковой занавѣской.

Не впервой я ворочаюсь
Изъ кружала наглый, пьяный
И всю ночь сижу отъ скуки
Подъ Кремлемъ съ блаженнымъ Ваней.

И когда онъ спитъ — дивуюсь!
А вѣдь кволый да и голый. . .
Все смѣется, все бормочетъ,
Что башка моя на плахѣ
Такъ-то весело подскочить!

18. IX. 15.

КАЗНЬ

Туманно утро красное, туманно,
Да все свѣтлѣй, бѣлѣе на восходѣ,
За темными, за синими лѣсами,
За дымными болотами, лугами. . .
Вставайте, подымайтесь, псковичи!

Роса дождемъ легла на пыль,
На крыши избъ, на торгъ пустой,
На золото церковныхъ главъ,
На мой помостьь средь площади. . .
Точите ножъ, мочите солью кнутъ!

Туманно солнце красное, туманно,
Кровавое не свѣтитъ и не грѣетъ
Надъ мутными, надъ бѣлыми лѣсами,
Надъ росными болотами, лугами. . .
Орите позвончѣе, бирючи!

— Давай, мужикъ, лицо умыть,
Сапогъ обуть, кафтанъ надѣть,
Веди меня, вали подъ ножъ
Въ единый махъ — не то держись:
Зубами всѣхъ заѣмъ, не оторвутъ!

13. IX. 15.

ШЕСТИКРЫЛЫЙ

Мозаика въ соборѣ

Альль ты въ заревѣ Батыя —
И потемнѣль твой жуткій взоръ.
Ты крылья рыже-золотыя
Въ священномъ трепетѣ простеръ.

Узрѣль ты Грознаго юрода
Монашескій истертый шлыкъ —
И навсегда въ изгибахъ свода
Застыль твой большеглазый ликъ.

14. IX. 15.

ПАРУСЪ

Звѣздами вышить парусъ мой,
Высокій, бѣлый и тугой,
Ликъ Богоматери межъ нихъ
Сіяетъ, благостень и тихъ.

И что мнѣ въ томъ, что берега
Уже уходятъ отъ меня!
Душа полна, душа строга —
И тонко свѣтятся рога
Младой луны въ закатѣ дня.

14. IX. 15.

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать,
Куньей шубкой запахнувъ Младенца.
Стлалось въ небѣ Божье Полотенце,
Чтобы Ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи въ эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымилась,
По кустамъ сверкали безъ числа.

Двѣ сѣдыхъ медвѣдицы въ лугу
На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ,
Грызлись, бились и мотались обѣ,
Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ заросляхъ, впотьмахъ,
Жались, табунились и дрожали,
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ мечъ
Ангела, летѣвшаго къ Сіону,
Къ золотому Иродову трону,
Чтобъ главу на Иродѣ отсѣчь.

21. X. 15.

СКАЗКА О КОЗѢ

Это волчьи глаза или звѣзды — въ стволахъ на краю
перелѣска?

Полночь, поздняя осень, морозъ.
Голый дубъ надо мной весь трепещетъ отъ звѣзднаго
блеска,
Подъ ногою сухое хруститъ серебро.

Затвердѣли, какъ камень, тропинки за лѣто набитыя.
Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней Коза!
Расцвѣтають, горятъ на желѣзномъ морозѣ несытые
Волчьи, Божьи глаза.

20. X. 15.

СВЯТИТЕЛЬ

Твой гробъ, дубовая колода,
Стояль открытый, и къ нему
Все шли и шли толпы народа
Въ душистомъ голубомъ дыму.

А на доскѣ, тяжелой, черной,
Быль смуглый золотой окладъ,
Блисталъ Твой образъ чудотворный
Въ огняхъ малиновыхъ лампадъ.

И, осѣняя міръ десницею
И въ шуйцу взявъ завѣтъ Христа,
Какъ горько Ты, о темнолицый,
Изсохшія смыкаль уста!

29. X. 15.

ЗАЗИМОКЪ

Сиверомъ на холодѣ
Обжигаетъ жолуди,
Листья и кору.
Свищетъ роща ржавая,
Жесткая, корявая,
Въ полѣ на юру.

Ходятъ тучи съ ношею,
Мерзлою порошею
Стало чаще дуть,
Серебрятся озими —
Скоро подъ полозьями
Задымится путь,

Заиграетъ вьюгою,
И листву муругую
Понесетъ смѣлѣй
По простору вольному,
Гулу колокольному
Стонущихъ полей!

29. X. 15.

Пустыня въ тускомъ, жаркомъ свѣтѣ.
За нею — розовая мгла.
Тамъ минареты и мечети,
Ихъ росписные купола.

Тамъ шумъ рѣки, базаръ подъ сводомъ,
Сонъ переулковъ, тѣнь садовъ —
И, засыхая, пахнутъ медомъ
На кровляхъ лепестки цвѣтовъ.

30. X. 15.

МАЛАЙСКАЯ ПѢСНЯ

L'éclair vibre sa flèche . . .

L. de Lisle.

Чернѣть зыбкій горизонтъ,
Надъ бѣлымъ блескомъ острыхъ волнъ
Змѣится молній быстрый блескъ
И бьетъ прибой мой узкій челнъ.

Сырой и теплый ураганъ
Проносится въ сыромъ лѣсу,
И сыплетъ изумрудный лѣсъ
Свою жемчужную красу.

Стою у хижины твоей:
Ты на цыновкѣ голубой,
На скользкихъ лыкахъ сладко спишь,
И вѣтеръ вѣетъ надъ тобой.

Ты спишь съ улыбкой, мой цвѣтокъ,
Пустая хижина твоя,
Въ ненастный вечеръ, на вѣтру,
Благоухаетъ отъ тебя.

Рѣсницы смольныя смеживъ,
Закрывши длинные глаза,
Окутавъ бедра кисеей,
Ты изогнулась, какъ лоза.

Мала твоя тугая грудь
И кожа смуглая гладка
И влажная нѣжна ладонь
И крѣпкая кругла рука.

И золотые позвонки
Висятъ на щиколкахъ твоихъ,
Янтарныхъ, твердыхъ, какъ кокосъ,
И сонъ твой беззаботный тихъ.

Но черенъ, черенъ горизонтъ!
Зловѣще грому вторитъ громъ,
Темнѣеть лѣсъ, и океанъ
Сверкаетъ острымъ серебромъ.

Твои уста — пчелиный медъ,
Твой смѣхъ счастливый — щебетъ птицъ,
Но, женщина, люби лишь разъ,
Не поднимай для всѣхъ рѣсницъ!

Ты легче лани на бѣгу,
Но вотъ на лань, изъ тростниковъ,
Метнулся розовый огонь
Двухъ желтыхъ суженныхъ зрачковъ:

О, женщина! Люби лишь разъ!
Твой смѣхъ лукавъ и лгаль твой ротъ —
Клинокъ мой мѣдный раскаленъ
Въ моей рукѣ — и мѣтко бьетъ.

Вотъ пьяные твои глаза,
Вотъ поблѣвшіе уста.

Вздуваетъ буря парусъ мой,
Во мракѣ вьется блескъ холста.

Клинкомъ я голову отсѣкъ
Въ единый взмахъ отъ шеи прочь
Косою къ мачтѣ привязалъ —
И снова въ путь, во мракъ и ночь.

Раскалываетъ небо громъ—
И озаряетъ надо мной
По мачтѣ льющуюся кровь
И ликъ, качаемый волной.

23. I. 16.

СВЯТОГОРЪ И ИЛЯ

На гривастыхъ коняхъ на косматыхъ,
На златыхъ стременахъ на разлатыхъ,
Бдутъ братья, меньшей и старшой,
Бдутъ сутки и двое и трое,
Видятъ въ поле корыто простое,
Навзжаютъ — анъ гробъ, да большой:

Гробъ глубокий, изъ дуба долбленный,
Съ черной крышей, тяжелой, томленной,
Вотъ и сдвинулъ ее Святогоръ,
Легъ, накрылся и шутить: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на Божій просторъ!»

Обнялъ крышу Илья, усмѣхнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинулъ срыву — да нѣтъ, погоди!
«Ты мечемъ!» — слышенъ голосъ изъ гроба.
Онъ за мечъ, — занимается злоба,
Загорается сердце въ груди, —

Нѣтъ, и мечъ не беретъ! Съ виду рубить,
Да не дѣлаетъ дѣла, а губить:
Гдѣ ударитъ — тамъ обручъ готовъ,
Нарастаетъ желѣзная скрѣпа, —
Не подняться изъ гробнаго склепа
Святогору во вѣки вѣковъ.

Кинуль биться Илья — Божья воля!
Бдеть прочь вдоль широкаго поля,
Утираеть слезу. . . Отняла
Русской силы Земля половину:
Вывзжай на иную путину,
На инья дѣла!

23. I. 16.

СВЯТОЙ ПРОКОПІЙ

Бысть нѣкая зима
Всѣхъ зимъ иныхъ лютѣйша паче.
Бысть нестерпимый мразъ и бурный вѣтръ,
И снѣгъ спаде на землю превеликій
И храмины засыпа, и не токмо
Въ путѣхъ, но и во градѣ померзаху
Скоты и человѣцы безъ числа,
И птицы мертвы падаху на кровли.
Бысть въ оны дни:
Святой своимъ наготствующимъ тѣломъ
Отъ той зимы безмѣрно пострада.
Единожды онъ нощю прииде
Ко храминамъ убогихъ и хоте
Согрѣтися у нихъ; но ощутивше
Приходъ его, инѣи затворяху
Дверь передъ нимъ, инѣи же его
Бѣяху и кричаще: — Прочь отсюда,
Отыде прочь, Юроде! — Онъ въ углѣ
Псовъ обрѣте на снѣгѣ и соломѣ,
И ляже посреде ихъ, но бѣгоша
Тѣ пси его. И возвратися паки
Святой въ притворъ церковный и сѣде,
Согнуся и трясыся и отчаявъ
Спасеніе себѣ. — Благословенно
Господне имя! Пси и человѣцы —
Единое въ свирѣпствѣ и умѣ.

23. I. 16.

СОНЪ ЕП. ИГНАТІЯ РОСТОВСКАГО

Изрину князя изъ церкви соборныя
въ полнощъ . . .

Л ъ т о п и с ь .

Сонъ лютый снился мнѣ: въ полночь, въ соборномъ
храмѣ,

Изъ древней усыпальницы княжой,
Шли смерды мертвецы съ дымящими свѣчами,
Гранитный гробъ несли, тяжелый и большой.

Я поднялъ жезлъ, я крикнулъ: «Въ домѣ Бога
Владыка — я! Презрѣнный родъ, стоять!»
Они идутъ. . . Глаза горять. . . Ихъ много. . .
И ни единый не обратился вспять.

23. I. 16.

МАТӨЕЙ ПРОЗОРЛИВЫЙ

Матөей

Ночь и могильный мракъ пещеры. . .
Бушуетъ буря на рѣкѣ,
Шумятъ лѣса. . . Кто это сѣрый
Входъ заслоняетъ вдалекѣ?
Опять ты, низкій Искуситель?

Дьяволь

Я, прозорливецъ, снова я!
Чернѣй трубы твоя обитель,
Да ты вѣдь зорокъ какъ змѣя, —
Тотчасъ замѣтишь!

Матөей

Гнусь презрѣнный,
Тебѣ-ль смѣяться? Нѣтъ лютѣй
Врага для васъ во всей вселенной,
Чѣмъ я, низжайшій изъ людей.

Дьяволь

Ахъ, прозорливецъ! Этимъ людямъ
Ты врагъ не менѣе, чѣмъ намъ.
Давай ужъ лучше вмѣстѣ будемъ
Ходить за ними по пятамъ.

Ты мастеръ зрѣть ихъ помышленья,
Внѣдряться въ тайну ихъ сердець,
Не вовсе чуждъ, святой отецъ,
И я порядочнаго зрѣнья:
Зачѣмъ же бѣсамъ враждовать?
Ты развѣ хуже бѣсъ, чѣмъ всѣ мы?

Матеей

Молчи, завистливая тать
Тебѣ пути мои невѣмы.

Дьяволъ

Ну да, ужъ гдѣ мнѣ! Ты пророкъ!
Ты разрушаешь наши козни,
Ты топчешь сѣмя зла и розни,
Ты крѣпко правишь свой оброкъ!
Ты и стоокій и стоухій!
Спроси тебя: «ты почему
Изслѣдуешь такъ жадно тьму?» —
Ты тотчасъ скажешь: «тамъ, какъ мухи,
Какъ червь на падали, кишать
Исчадія земли и ада —
Я не могу терпѣть ихъ смрада,
Я на борьбу спускаюсь въ адъ.»
О ненасытная въ гордынѣ
И безпощадная душа!
Нѣтъ въ мірѣ для тебя святыни,
Нѣтъ заповѣднаго ковша,
Нѣтъ сокровеннаго потока:
Во всѣхъ ключахъ ты воду пилъ

И всѣ хулиль: «Вотъ въ этомъ иль,
А въ томъ — гниющая осока. . .»

Матѳей

Что отвѣчать мнѣ твари сей,
Столь непотребной, скудоумной?
Мой скорбный рокъ, мой подвигъ трудный
Онъ мѣритъ мѣрою своею.
И тьма и хладъ въ моей пещерѣ. . .
Одежды ветхи. . . Сплю въ гробу. . .
О, Боже! Дай опору вѣрѣ
И укрѣпи мя на борьбу!

24. I. 16.

КНЯЗЬ ВСЕСЛАВЪ

Князь Всеславъ въ желѣзы былъ закованъ,
Въ яму брошенъ братскою рукой:
Князю былъ жестокой уготованъ
Жребій по жестокости людской.
Русь, его призвавъ къ великой чести,
Въ Кіевъ изъ темницы извела.
Да не въ часъ онъ сѣлъ на княжемъ мѣстѣ:
Лишь копьемъ дотронулся Стола.
Что жъ теперь, дорогами глухими,
Воровскими въ Полоцкъ убѣжавъ,
Что теперь, вдали отъ міра, въ Схимѣ,
Вспоминаетъ темный князь Всеславъ?

Только звонъ твой утренній, Софія,
Только голосъ Кіева! — Долга
Ночь зимою въ Полоцкѣ. . . Другіе
Избы въ немъ и церкви и снѣга. . .
Далеко до свѣта, — чуть сѣрѣютъ
Мерзлыя окошечки. . . Но вотъ
Слышитъ князь: опять зовутъ и мѣютъ
Звоны какъ бы ангельскихъ высотъ!
Въ Полоцкѣ звонятъ, а онъ иное
Слышитъ въ тонкой грезѣ. . . Что года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцемъ онъ запомнилъ навсегда.

ПѢСНЯ

Мнѣ вечеръ, молодой, скученъ теремъ былъ,
Темень свѣтъ-ночникъ, страшенъ Спасовъ Ликъ.
Вотчимъ-батюшка самоцвѣтъ укрылъ
Въ кипарисовый дорогой тайникъ!

А любезный другъ далеко, въ торгу,
Похваляется для другой конемъ,
Шубу длинную волочить въ снѣгу,
Свѣтитъ ей огнемъ, золотымъ перстнемъ.

24. I. 16.

Ты, свѣтлая ночь, полнолунная высь!
 Подайся, засовъ, — распахнись,
Тяжелая дверь, на морозный просторъ,
 На бѣлый сіяющій дворъ!

Ты звонкая ночь, сребролунная даль!
 Ахъ, если бѣ не крѣпкая паль,
Не ржавый замокъ, не лихой волкодавъ,
 Не батюшкинъ ласковый нравъ!

24. I. 16.

БОГОМЪ РАЗЛУЧЕННЫЕ

Въ ризы черныя одѣли, —
И ее въ свой срокъ отпѣли,
Юную княжну.
Ангель келью затворилъ ей,
Старець схимникъ подарилъ ей
Саванъ, пелену.

Дни идутъ. Вдали отъ свѣта
Подвигъ скорбнаго обѣта
Завершенъ княжной.
Вотъ она въ соборѣ, въ ракъ,
При лампадкахъ, въ полумракѣ,
Въ тишинѣ ночной.

Смутны своды золотые,
Тайно воинства святыя
Свѣтятъ на стѣнахъ,
И стоитъ, у кипарисной
Дивной раки, съ рукописной
Книгою, монахъ.

Синій бархатъ гробно вышить
Серебромъ. . . Она не дышитъ,
Ликъ ея сокрытъ. . .
Но блѣднѣетъ онъ, читая,
И скользитъ слеза, блистая,
Вдоль сухихъ ланить.

25. I. 16.

КАДИЛЬНИЦА

Въ горахъ Сициліи, въ монастырѣ забытомъ,
По храму темному, по выщербленнымъ плитамъ,
Въ рузрушенный алтарь пастухъ меня привель,
И увидалъ я тамъ: стоитъ нагой престолъ,
А передъ нимъ, въ пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давнымъ-давно пустая,
Лежитъ кадилаица — вся черная внутри
Отъ угля и смолы, пылавшихъ въ ней когда-то. . .

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

25. I. 16.

Когда-то, надъ тяжелой баркой
Съ широкодонною кормой,
Не мало дней въ лазури яркой
Качались снасти надо мной. . .

Пора, пора мнѣ кинуть сушу,
Вздохнуть свободнѣй и полнѣй —
И вновь крестить нагую душу
Въ купели неба и морей!

25. I. 16.

РАЙСКОЕ ДРЕВО

Въ старой книгѣ картинка: свивается зыбко по Древу,
Водить, тянется въ воздухѣ плоской головкой своей,
Ищетъ жаломъ дрожащимъ нагую прекрасную Еву
Искушающій Змѣй.

А какіе на Древъ цвѣты и плоды наливные!
А какіе кусты, кипарисы и пальмы вдали!
Спитъ Адамъ у ручья. Носороги, медвѣди ручные,
Лани, тигры и барсы въ тѣни полегли.

И стройна, высока волосами прикрытая Ева,
И къ ногѣ ея круглой склоняется гривою левъ,
И въ коронѣ павлинѣ громко кличетъ съ цвѣтущаго
Древа

О блаженномъ стыдѣ искушаемыхъ дѣвѣ.

30. I. 16.

ДУРМАНЪ

Дурману дѣвочка наѣлась,
Тошнить, головка разболѣлась,
Пылають щечки, клонить въ сонъ,
Но сердцу сладко, сладко, сладко:
Все непонятно, все загадка,
Какой-то звонъ со всѣхъ сторонъ:

Звонъ дивный — слышный и не слышный,
Миръ и невидимый и пышный, —
Она глядитъ на садъ, на дворъ,
Идетъ къ избѣ и понимаетъ,
Куда идетъ, — дорогу знаетъ,
Но очарованъ слухъ и взоръ:

Не видя, видитъ взоръ иное,
Чудесное и неземное,
Не слыша, ясно ловить слухъ
Восторгъ гармоніи небесной —
И невѣсомой, безтѣлесной
Ее довелъ домой пастухъ.

На утро губки почернѣли,
Лобъ посинѣлъ. . . Ее одѣли,
Принарядили — и отецъ
Прикрылъ ее сосновой крышкой
И на погость отнесъ подмышкой. . .
Ужели сказочкѣ конецъ?

30. I. 16.

СОНЪ

По снѣжной полянѣ,
При мгливой и быстрой лунѣ,
Въ безлюдной, нѣмой сторонѣ,
Несутъ меня сани.

Лежу, какъ мертвецъ,
Возница мой гонитъ и воетъ,
И ликъ свой то кажетъ, то кроетъ
Небесный бѣглець.

И мчатся олени,
Глубоко и жарко дыша,
Въ далекія тундры спѣша,
И мчатся ихъ тѣни —

Туда, гдѣ конецъ
Страны этой бѣдной, суровой,
Гдѣ блещетъ алмазной подковой
Полярный Вѣнецъ, —

И мерзлый кочкарникъ
Визжитъ и стучитъ подо мной,
И Богъ озаряетъ луной
Снѣга и кустарникъ.

30. I. 16.

ЦИРЦЕЯ

На треножникъ богиня садится:
Блѣдно-рыжее золото косъ,
Зелень глазъ и трепещущій носъ —
Въ мѣдномъ зеркалѣ все отразится.

Тонко бархатомъ риса покрыть:
Нѣжный ликъ, розовато-тѣлесный,
Каплей нектара, влагой небесной,
Блещутъ серьги, скользя вдоль ланить.

И Улиссъ говоритъ: «О, Цирцея!
Все прекрасно въ тебѣ: и рука,
Что прически коснулась слегка,
И сіяющій локоть, и шея!»

А богиня съ улыбкой: «Улиссъ!
Я горжусь лишь плечами своими
Да пушкомъ апельсиннымъ межъ ними,
По спинѣ убѣгающимъ внизъ!»

31. I. 16.

На Альпы къ сумеркамъ нисходятъ облака.
Все мокро, холодно. Зеленая рѣка
Стремитъ свой шумный бѣгъ по черному ущелью
Къ морскимъ крутымъ волнамъ, гудящимъ на пескѣ,
И зоркіе огни краснѣютъ вдалекѣ,
Во тьмѣ отъ Альпъ и тучъ, подъ горной цитаделью.

31. I. 16.

У ГРОБНИЦЫ ВИРГИЛИЯ

Дикій лавръ и плющъ и розы,
Дѣти, тряпки по дворамъ
И коричневая козы
Въ сорныхъ травахъ по буграмъ,

Безъ границы и безъ края
Моря вольные края. . .
Вѣрю — зналъ ты, умирая,
Что твоя душа — моя.

Зналъ поэтъ: опять весною
Будеть смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому — не все ль равно!

Запахъ лавра, запахъ пыли,
Теплый вѣтеръ. . . Счастливъ я,
Что моя душа, Virgilij,
Не моя и не твоя.

31. I. 16.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Чаша жизни	7
При дорогѣ	37
Я все молчу	73
Святые	90
Весенній вечеръ	107
Братья	123
Клаша	158
Архивное дѣло	169
Грамматика любви	183
Стихотворенія	197

И. А. БУНИНЪ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Томъ второй. Деревня-Суходоль

Подторжье. Деревня. Суходоль. Стихотворенія.

Томъ третій. Древній человекъ

Крикъ. Смерть. Снѣжный быкъ. Древній человекъ. Сила. Хорошая жизнь. Сверчокъ. Ночной разговоръ. Веселый дворъ. Игнатъ. Захаръ Воробьевъ. Стихотворенія.

Томъ четвертый. Послѣднее свиданіе

Послѣднее свиданіе. Выходы новые. Іоаннъ Рыдалецъ. Жертва. Оброкъ. Лирникъ Родіонъ. Ермилъ. Князь во князьяхъ. Послѣдній день. Забота. Будни. Личарда. Копье Господне. Пыль. Сказка. Хорошихъ кровей. Стихотворенія.

Томъ пятый. Господинъ изъ Санъ Франциско

Господинъ изъ Санъ Франциско. Постъ. Пѣсня о гоцѣ. Старуха. Отто Штейнъ. Легкое дыханіе. Аглая. Сынъ. Соотечественникъ. Казиміръ Станиславовичъ. Петли-стыя уши. Сны Чанга. Стихотворенія.

Томъ шестой. Братья

Чаша жизни. При дорогѣ. Я все молчу. Святые. Весен-ній вечеръ. Братья. Клаша. Архивное дѣло. Граммати-ка любви. Стихотворенія.

Томъ седьмой. Митина Любовь - Солнечный ударъ

Митина любовь. Святитель. Именины. Скарабей. Боги-ня. Музыка. Слепой. Товарищъ Дозорный. Мухи. Со-сѣдъ. Лапти. Слава. Надписи. Русакъ. Книга. Солнеч-ный ударъ. Ида. Мордовскій сарафанъ. Дѣло Корнета Елагина. Страшный рассказъ.

ВЪ ПЕЧАТИ:

Томъ девятый. Жизнь Арсеньева

Цѣна каждого тома 25 франц. франковъ.